Н. М. Соколовъ.

Второй Сборникъ Стихотвореній.

ВТОРОЙ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. М. СОКОЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДНИ ТОСКИ И ПЕЧАЛИ...

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ И ПАРОДІИ.

Встрѣчая вечеръ жизни скучной,
Я окна ставнями закрылъ,
Чтобъ сѣрыхъ будней шумъ докучный
Послѣднихъ сновъ не возмутилъ.

Зачѣмъ, безумецъ, въ дни былые
Дѣлилъ я, Муза, не съ тобой
Мечты и грезы золотыя,
Восторги жизни молодой?

Зачѣмъ я, рабъ постыдной лѣни,
Земнымъ кумирамъ жертвы жегъ?
Зачѣмъ склонить свои колѣни
Предъ алтаремъ твоимъ не могъ?

Приди теперь, чтобъ могъ я снова
Тебѣ молиться и служить,—
Твой каждый звукъ, намекъ и слово
Съ слезами счастья повторить...

29 янв. 1899 г.

ПРОРОКЪ.

На стражѣ моей стану, говоритъ чудный Аввакумъ, во еже видѣти и слышати.

Гряди, Господь! Земля горитъ отъ зною,
Жгутъ хлѣбъ въ поляхъ полдневные лучи,
Поникли пальмы блѣдною листвою,
Въ пескѣ пустынь изсякли всѣ ключи.

По городамъ могилы и темницы,
Не бьетъ фонтанъ на пыльныхъ площадяхъ,
Отъ бѣлыхъ стѣнъ въ испугѣ мчатся птицы,
Усталый мулъ ложится на камняхъ.

Въ людскихъ сердцахъ давно молчитъ тревога,
Безъ слезъ дѣтей несетъ къ могилѣ мать...
У очаговъ—нѣтъ пѣсни, счастья, Бога...
Нѣтъ силы жить, нѣтъ больше силы ждать...

Я съ ночи сталъ на стражѣ надъ скалами.
Я ждалъ, я жду. Ей, Господи, гряди!
Заговори, явись передъ очами,
Пошли Свой дождь и спящихъ разбуди.

Мой зорокъ глазъ, мой чутокъ слухъ прилежный,
Я буду ждать до ночи на скалахъ,—
Заслышу я былинки шорохъ нѣжный,
Завижу тѣнь отъ тучки на волнахъ.

Когда-же вдругъ промчится за горами
Твой первый громъ съ таинственныхъ высотъ,
Я въ міръ сойду съ побѣдными словами:
«Господь простилъ, Господь по мнѣ грядетъ».

13 марта 1901 г.

ЛЕГЕНДЫ И ДУМЫ.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

I.

Блѣдный мѣсяцъ прячется за тучи,
Буйный вѣтеръ стонетъ по дубравѣ,
Днѣпръ сердито подъ горой грохочетъ,
Ночь идетъ,—но въ теремѣ высокомъ
Отъ окна княгиня не отходитъ,
Подъ окномъ всю ночь тоскуетъ Ольга.

«Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, ладо милый,
Гдѣ ты рыщешь съ удалой дружиной?
Гдѣ сбираешь дани и оброки?
Аль забылъ про Кіевъ и княгиню?
Ахъ, во мнѣ все сердце истомилось:
Люты нравомъ дикіе древляне,—
По лѣснымъ болотамъ, словно звѣри,
Притаились, прячутся въ берлогахъ,
На тебя они давно лютуютъ,
Ты же ихъ не бережешься, княже.
Страшно мнѣ,—чего, сама не знаю:
Чуетъ сердце—быть бѣдѣ великой.
Знай, гдѣ ты,—давно-бъ гонцовъ послала,
Не гонцовъ,—сама бы снарядилась,
Посадила на ладьи дружину,
Лучшихъ гридней, витязей могучихъ,
И къ тебѣ помчалась бы на встрѣчу,
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, ладо милый».

Мчатся тучи, закрываютъ мѣсяцъ,
Буйный вѣтеръ стонетъ, завываетъ,
Гнутся липы, обступаютъ теремъ,
Надъ окномъ нагнувшись, что-то шепчутъ,
Будто знаютъ жалобныя вѣсти,
Да сказать княгинѣ ихъ не могутъ.

Вдругъ сквозь вѣтеръ глухо ухнулъ филинъ,
Словно лѣшій гулко заaукалъ,
Дикій хохотъ поднялъ по дубравѣ
И опять отъ вѣтра затаился.
Отшатнулась, поблѣднѣла Ольга:
«Что ты, птица вѣщая, пророчишь?
Чѣмъ грозишь? Кому бѣду сказала?»

Отбѣжали, разорвались тучи,
За туманомъ показался мѣсяцъ,
Не дрожитъ, не гнется стройный тополь,
Притаился за горою вѣтеръ.
То не вѣтеръ застоналъ надъ ивой,
То не тучи въ небѣ загудѣли,
Старый песъ завылъ на княжій теремъ
Отъ воротъ съ высокаго порога.

Отъ окна, шатаясь, въ дальній уголъ
Въ вѣщемъ страхѣ отошла княгиня,
Притаилась, ждетъ, на окна смотритъ,
Тихо шепчетъ: «Охъ, не даромъ воетъ
Старый песъ на теремъ отъ порога!»

Затихалъ далеко буйный вѣтеръ,
Съ неба ночь, блѣднѣя, уходила,
Пѣтухи пропѣли предъ зарею,
Просыпались, щебетали птицы,—

Только слышитъ па разсвѣтѣ Ольга—
Затрещала матица надъ дверью,
Поднялась и тихо опустилась.

«Это смерть стучится въ княжій теремъ,—
Съ тихой скорбью Ольга прошептала.—
«Это смерть. Охъ, живъ ли ты, мой княже.
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, милый ладо?»

II.

День насталъ ненастный, непогожій.
Сѣрой мглою расползались тучи,
То стихалъ, то снова злился вѣтеръ,
На лѣсныхъ низинахъ шевелились
По болотамъ бѣлые туманы.

Рано вышла изъ свѣтлицы Ольга,—
Скрывъ лицо подъ темнымъ покрываломъ,
По крыльцу задумчиво спустилась
И пошла тропинкой черезъ поле
Въ темный лѣсъ, къ завѣтной старой рощѣ.
А за нею шелъ въ одеждѣ бѣлой
Вѣщій старецъ съ посохомъ изъ клена.
Шла княгиня къ жертвенному камню
Вопрошать Сварожича подъ дубомъ,
Жечь огонь, смотрѣть и слушать пламя.

Лѣсъ шептался шепотомъ тревожнымъ,
Подавалъ по вѣтру вѣщій голосъ,
Разносилъ невѣдомыя вѣсти,—
Тайной рѣчью говорили боги,
Посылали знаки и примѣты,
Но не счастье, не добро сулили.

За горой кукушка куковала—
Позади, не въ рощѣ передъ Ольгой.
Крикнулъ воронъ—отъ дороги справа,
Слѣва заяцъ проскочилъ дорогу.
Изъ кустовъ залаяла лисица.
На болотѣ журавли стояли
И протяжно, жалобно кричали,
Будто съ вѣтромъ накликали бурю.
На водѣ по заводи метался
Съ дикимъ крикомъ лебедь одинокій,
Будто взмылъ надъ лѣсомъ сѣрый коршунъ.

Только къ дубу подошла княгиня,
Закачались, какъ живые, сучья,—
Какъ живые, листья задрожали
И крутясь посыпались на землю.
У костра на камень сѣла Ольга,
Вѣщій старецъ сталъ костеръ готовить.

Бралъ онъ хворостъ, бралъ сухой валежникъ,
Клалъ на камень можжевельникъ желтый,
Путалъ лыкомъ сломленные сучья,
Надъ костромъ махалъ мечемъ желѣзнымъ,—
Сѣлъ на камень, въ выдолбленный желобъ
На полѣнѣ изъ сухой осины
Опустилъ концомъ точенымъ палку,
Листьевъ вдоль по желобу насыпалъ,
Все полѣно обхватилъ ногами,
Наклонился, грудью легъ на палку
И запѣлъ, къ Сварожичу взывая.

Съ визгомъ палка ходитъ по полѣну,
Все сильнѣе налегаетъ старецъ,
Все поетъ, надъ желобомъ согнувшись,—

Обрываясь, замираетъ голосъ,
Но опять Сварожича онъ кличетъ,
Выжимаетъ пламя изъ осины.

Разметались волосы сѣдые,
Дикимъ блескомъ загорѣлись очи,
Хрипнетъ голосъ, притомились руки,—
Но дымокъ по желобу дымится,
Но края на желобѣ чернѣютъ,
Но на листья полетѣли искры.

Только въ листьяхъ показалось пламя,
Старецъ взялъ смолистый можжевельникъ,
Распалилъ, разжегъ его на листьяхъ,
Высоко надъ головою поднялъ,
Поднимаясь къ жертвенному камню,—
И запѣлъ, къ Сварожичу взывая.

У костра стояла въ думахъ Ольга.
Обходилъ ее три раза старецъ,
Обходилъ три раза темный камень,
Въ кругъ огня огнемъ вводя княгиню,
Заклиная огненныя чары.

Старецъ пѣлъ, валежникъ разжигая.
Побѣжалъ огонь по чернымъ сучьямъ,
Затрещалъ, дымится можжевельникъ,
Всколыхнулось, заметалось пламя,
Загудѣло, звонко забучало,
Поднялось столбомъ высокимъ къ небу.
Языками черный камень лижетъ.—

«Не кручинься, не тоскуй, княгиня,—
Кличетъ Ольгѣ старецъ изъ-за камня,—

Не сулитъ тебѣ бѣды Сварожичъ.
Ласковъ богъ: онъ сказываетъ счастье,
Онъ вѣщаетъ славу и побѣду».

Не успѣлъ промолвить слово старецъ,
Покачнулось и упало пламя,
Отлетѣлъ огонь отъ черныхъ сучьевъ,
Даже искры въ сучьяхъ не осталось,
Даже пепла не было на камнѣ,
Словно кто костеръ водою залилъ.

Не сказалъ ни слова вѣщій старецъ,
Только брови сивыя нахмурилъ
И взглянулъ тревожно па княгиню.
И княгиня слова не сказала,
Надъ лицомъ спустила покрывало,
У холма на камень опустилась
И, склонившись, погрузилась въ думы.

III.

Той порой гонцы, коней измучивъ,
Къ воеводѣ, къ старому Свенельду,
Гнали наспѣхъ съ черными вѣстями:
Князь убитъ, древляне отложились,
Перебита храбрая дружина.

Разошлись по Кіеву тѣ вѣсти,
Замутился, поднялся весь Кіевъ,—
Плачутъ жены, причитаютъ дѣвы,
Сыновей оплакиваютъ мужи,
Второпяхъ дружинники и гридни
Надѣваютъ шлемы и кольчуги,
Чтобъ идти къ Свенельду воеводѣ.

А въ тѣ поры на Днѣпрѣ широкомъ
Чьи-то лодки сверху показались.
То ладьи не княжеской дружины,
Не летятъ, какъ чайки на поморьѣ,—
Не княжой знакомый бѣлый парусъ
Надъ водой скользитъ, какъ лебедь бѣлый.
То древляне въ выдолбленныхъ лодкахъ
Загребаютъ къ берегу на веслахъ.

Самъ Свенельдъ къ Днѣпру на пристань вышелъ,—
Сталъ у сходни впереди дружины,
Сивый чубъ назадъ рукой откинулъ,
Сдвинулъ брови сивыя сердито,—
Ждетъ, что будетъ, съ чѣмъ пришли древляне.

Вотъ древляне къ берегу пристали,
Подхватили лодки на причалы,
Но изъ лодокъ на берегъ не сходятъ,
Выкликаютъ, что пришли послами
Отъ древлянъ ряды уставить съ Ольгой,
Кличутъ къ лодкамъ стараго Свенельда,
Съ нимъ однимъ хотятъ обмолвить слово.

Подошелъ Свенельдъ къ древлянскимъ лодкамъ.
Что послы у лодокъ говорили,
Съ чѣмъ пришли древляне въ стольный Кіевъ,
Не сказалъ дружинѣ воевода,
Не посмѣлъ никто спросить Свенельда:
Такъ смотрѣлъ онъ гнѣвно и сурово,
Проходя съ дружиной въ княжій теремъ
Черезъ Кіевъ съ новыми вѣстями.

IV.

Какъ на вѣче, ко двору княгини
Въ этотъ день сходились кіевляне.
Собирались городскіе старцы
Собирались мужи огнищане,
Гости съ торгу на дворѣ сходились.
Подошелъ съ дружиной воевода,
Сталъ съ дружиной у крыльца княжого.

Вотъ изъ лѣсу съ вѣщимъ старцемъ Ольга
Показалась, подошла къ воротамъ,
Дворъ княжой съ порога оглянула,
На крыльцо взошла, остановилась,—
Поклонилась вѣчу и сказала:
«Съ чѣмъ пришли вы, мужи-кіевляне?»

Но никто княгинѣ не отвѣтилъ.
Всѣ смотрѣли молча на Свенельда.
Смутенъ былъ могучій воевода.
Свѣсивъ чубъ, согнувшись въ тяжкой думѣ,
На копье въ печали онъ склонился.
Чуялъ онъ, что надо слово молвить,
Да для слова не хватало рѣчи.

«Принесли гонцы лихія вѣсти,—
Началъ онъ, очей не поднимая.—
Злыя вѣсти принесли, княгиня.
Князь нашъ, Игорь...»
«Онъ убитъ, я знаю»,—
Тихой рѣчью досказала Ольга.

Какъ волна въ народѣ прокатилась,
Подались передніе въ испугѣ,

Поднялъ очи старый воевода,
На княгиню смотритъ и дивится.

«Какъ же знать про то тебѣ, княгиня?
Разогнувшись молвилъ воевода.
Кто сказалъ?...»
«Сказали сами боги.
Князь убитъ,—какъ рабъ, въ могилу брошенъ,
Не оплаканъ, не почтенъ на тризнѣ.
Знаю я,—его душа тоскуетъ,
Безъ пріюта бродитъ по деревьямъ,
Въ край отцовъ дороги не находитъ».

Тихой рѣчью жалобное слово
На крыльцѣ она проговорила,
Надъ лицомъ спустила покрывало
И пошла въ свой теремъ черезъ сѣни.

V.

Тихо было въ гридницѣ высокой.
Надъ столомъ поникнувъ головою,
Подъ окномъ сидѣла въ думахъ Ольга.

Только, слышитъ, заходили люди.
На сѣняхъ заговорили глухо,
Къ ней идутъ,—ее, княгиню, ищутъ.

Тихо въ гридню отворились двери.
Первымъ шелъ Свенельдъ въ бронѣ кольчужной,
За Свенельдомъ шли градскіе старцы,
За дружиной лучшіе отъ вѣча,—
У стола съ поклономъ становились.

Молча смотритъ Ольга на Свенельда.

«Я не все сказалъ тебѣ, княгиня,—
Поклонившись началъ воевода,—
И нельзя мнѣ мѣшкать съ этой вѣстью.
Прикажи теперь же молвить слово».

«Есть бѣда,—такой бѣды не будетъ.
Что еще ты скажешь, воевода?»

«Отъ древлянъ пришли послы, княгиня».

«Отъ древлянъ? Послы? Съ какою рѣчью?»—
Разогнулась, выпрямилась Ольга,
Отъ стола въ порывѣ гнѣвномъ встала,
Покрывало сбросила на лавку,
Словно ей дышать оно мѣшало,
И, сверкая темными очами,
Такъ сказала старому Свенельду:

«Что же, дань мнѣ принесли древляне?
Аль хотятъ отъ князя откупиться,
Торгомъ съ кровью Игоря поладить?
Что имъ надо въ Кіевѣ отъ Ольги?»

И сказалъ Свенельдъ въ отвѣтъ княгинѣ:
«Князь ихъ Малъ съ тобой мириться хочетъ,
За тобою сватовъ засылаетъ».

«Бью челомъ за почесть князю Малу,—
Задыхаясь, молвила княгиня.—
Мной, княгиней, онъ не погнушался.
Онъ меня въ медвѣжье логовище
На болотѣ, какъ рабыню, кличетъ.
Чей-то князь, а намъ вчерашній данникъ

Въ стольный Кіевъ засылаетъ сватовъ.
Ну. Свенельдъ, тебѣ идти къ древлянамъ,—
Вамъ идти къ нимъ, мужи кіевляне,
Отъ княгини кіевской съ поклономъ,
Бить челомъ за почести и ласку.
Съ честью ихъ зовите въ княжій теремъ,
Отъ меня же такъ имъ говорите:
Я сама бы вышла къ нимъ навстрѣчу,
Да мнѣ надо приготовить теремъ,
Да самой мнѣ нарядиться надо.
Я надѣну золотой мой обручъ,
Цареградскій обручъ съ жемчугами,
Прикажу подать цвѣтное платье
Изъ багряной тонкой паволоки
Съ золотымъ узоромъ по подолу,
Весь въ алмазахъ мой варяжскій поясъ
Застегну я камнемъ самоцвѣтнымъ,
На плечо княжое корзно брошу,
Разостлать велю ковры по лавкамъ,
По угламъ курильницы поставить,
Къ воротамъ навстрѣчу вышлю гридней,
По крыльцу я отроковъ поставлю,
На сѣняхъ велю пригожимъ дѣвамъ
Пѣсни пѣть и величанье править,
А сама въ нарядѣ многоцѣнномъ
Сватовъ ждать я стану у порога».

VI.

Какъ медвѣди дикіе, ввалились
Въ княжій теремъ изъ сѣней древляне,—
Сбились въ кучу, у порога жмутся.
Исподлобья смотрятъ и дивятся.

Надъ княгиней дѣвы кіевлянки
Наклоняютъ въ перьяхъ опахала.
Гладкій обручъ надъ челомъ княгини
Мечетъ искры изъ камней лучистыхъ.
Вдоль лица отъ обруча на плечи
Въ жемчугахъ подвѣски упадаютъ.
А на шеѣ золотая гривна,
А сидитъ княгиня подъ наметомъ,
А за ней Свенельдъ въ бронѣ кольчужной,
А по лавкамъ старцы и дружина,
Поперекъ еще пустыя лавки,
А тѣ лавки алой тканью крыты.

Подоспѣли отроки къ древлянамъ,
Передъ ними низко поклонились.
Стали звать ихъ къ лавкамъ отъ порога
И на лавкахъ рядомъ посадили.

«За добромъ ли къ намъ пришли, древляне?» —
Ихъ княгиня ласково спросила.

«За добромъ,—отвѣтилъ хмурый старецъ,
Озираясь, какъ медвѣдь въ берлогѣ.—
«За добромъ. Твой Игорь не вернется.
Онъ, какъ волкъ, ходилъ на нашу землю,
Мы его, какъ волка, и убили.
На тебѣ же, Ольга, зла не держимъ.
Мы пришли тебя за Мала сватать,—
Будь у насъ, какъ въ Кіевѣ, княгиней».

«Все ты ладно сказываешь, старецъ,—
Поблѣднѣвъ княгиня отвѣчала.—
Не вернется, не воскреснетъ Игорь.
Что мнѣ Кіевъ? Я пойду за Мала,
Княжить съ нимъ и править вами буду.

Только такъ не сватаютъ княгиню,
Сватовъ такъ отъ князя не встрѣчаютъ,—
Ихъ встрѣчаютъ съ почестью великой.
Вы теперь идите къ вашимъ лодкамъ,
Утромъ я пословъ пошлю за вами,
А посламъ вы завтра такъ скажите:
Не пойдемъ мы съ вами, не поѣдемъ,
А берите насъ на плечи въ лодкахъ,
Въ лодкахъ насъ несите въ княжій теремъ.
И для васъ такъ больше чести будетъ,
Да и мнѣ то будетъ въ величанье».

Засмѣялись весело древляне.

«Ладно ты придумала, княгиня.
И у насъ, когда играютъ свадьбу,
Въ лодкѣ носятъ къ жениху невѣсту,—
И тебя мы съ лодокъ станемъ сватать,
Будемъ ждать пословъ твоихъ на лодкахъ».

Поднялись, толпой идутъ къ порогу,
На порогѣ разговоръ заводятъ,
На сѣняхъ кричатъ, о чемъ-то спорятъ,
На крыльцѣ и у воротъ хохочутъ.

Всталъ Свенельдъ и подошелъ къ княгинѣ.
«Что же ты забыла насъ, дружину?
Кличъ не кличешь? Въ бой не посылаешь?
Не тебѣ бы кланяться древлянамъ,
Да не намъ бы ихъ носить на лодкахъ!»

Встала Ольга,—темными очами
Оглянула старцевъ и дружину,
Прямо въ очи глянула Свенельду
И сказала гнѣвно воеводѣ:

«Не тебѣ, Свенельдъ, учить княгиню.
Знаю я, что надо, что не надо».

VII.

Рано утромъ въ просмоленыхъ лодкахъ
На плечахъ дружинниковъ и гридней
Въ княжій теремъ двинулись древляне.
Любо имъ,—по лавкамъ развалились,
Въ перекличку съ лодокъ шутки кличутъ,
Перегнувшись на людей смѣются.

У крыльца ихъ встрѣтила княгиня.
«Не сюда, не на крыльцо, не въ теремъ,—
Раздался далеко ясный голосъ.—
За дворомъ я съ вечера велѣла
Приготовить яму до разсвѣта,
Пометать на дно дрова и хворостъ,
Для костра держать огонь въ запасѣ.
Что же вы? Мечите лодки въ яму,
Зажигайте смоляные сучья,
На дрова на лодки ихъ мечите,
Да берите со двора лопаты
Засыпать въ могилѣ ихъ живыми—
Безъ кургана, а съ землею вровень».

Полетѣли смоляные сучья,
Задымились, запылали лодки,
Черный дымъ надъ ямой заклубился.
Словно звѣри мечутся древляне,
По землѣ подъ лодки заползаютъ,
По угламъ въ глубокой ямѣ жмутся,
За края хватаются руками,
Да изъ ямы вылѣзти не могутъ.

Вотъ надъ ямой наклонилась Ольга.
Съ головы скатилось покрывало,
По плечамъ на грудь скатились косы,
Щеки рдѣютъ заревомъ пожара,
Дивнымъ блескомъ засвѣтились очи,
Звонкій смѣхъ надъ ямой раздается.

«Любо-ль вамъ? Довольны ли почетомъ?
Рады-ль вы, что Игоря убили,
Не почтили тризной и курганомъ?
Съ честью васъ я хороню, древляне.
Въ лодкѣ ѣдетъ къ жениху невѣста,
Въ лодкѣ мертвый ѣдетъ до могилы.
Въ лодкахъ васъ я въ яму пометала.
На кострахъ сжигали нашихъ дѣдовъ,
Жгутъ костры и нынѣ на курганахъ,
Вашъ костеръ я жгу въ могилѣ вашей.
Мертвыхъ жгутъ и мертвыхъ въ лодкѣ носятъ.
Васъ, древляне, я сожгу живыми,
Васъ живыми закопаю въ яму,
Чтобы къ князю, къ Игорю гонцами
Вы помчались съ вѣстью отъ княгини.
Вы, рабы, идите къ господину
И ему мое скажите слово:
Тосковать тебѣ недолго, княже,—
Поклялась великой клятвой Ольга
Справить тризну надъ твоимъ курганомъ,
Кровь твою омыть кровавой местью».

VIII.

Въ ночь, когда погибъ отважный Игорь,
Дивный сонъ приснился князю Малу.
Снилась Ольга въ цареградскихъ бусахъ,

Въ паволокахъ, шитыхъ узорочьемъ,
На сѣняхъ, подъ золотымъ наметомъ,—
Снилась лодка съ выгнутой кормою,
Рядомъ съ нимъ сидѣла въ лодкѣ Ольга,—
Ихъ несли въ какой-то чудный теремъ,
Въ лодку къ нимъ вѣнки кидали дѣвы,
Передъ ними сыпали цвѣтами,
Величали княземъ и княгиней.

Въ тотъ же день онъ сватовство надумалъ
И послалъ пословъ своихъ къ княгинѣ.
Ждетъ пословъ, дождаться ихъ не можетъ.

Онъ коня сѣдлаетъ съ полуночи,
Ночью рыщетъ по лѣснымъ трущобамъ,
Гдѣ и днемъ не видно въ небѣ солнца
За зеленымъ, за густымъ навѣсомъ,—
По оврагамъ рыщетъ, по низинамъ,
Словно гономъ гонитъ за добычей,
Но стрѣлы не вынетъ изъ колчана,
Не примчитъ домой на утро шкуры.
Онъ подъ вечеръ лодку снаряжаетъ,
Внизъ идетъ по Припети на веслахъ,
До зари пробудетъ надъ рѣкою,
Но свой неводъ онъ не броситъ въ воду,
Безъ улова на зарѣ вернется.

Вотъ гонецъ съ вѣстями отъ княгини:
Не отпустятъ Ольгу кіевляне,
Если онъ другихъ пословъ не вышлетъ,
Лучшихъ въ родѣ, юношей могучихъ,
Мудрыхъ старцевъ, властелей народа.

Полетѣлъ онъ самъ отъ стана къ стану,
Лучшихъ въ родѣ поднималъ въ дорогу,

Снаряжалъ великое посольство,
Снарядилъ—и снова ждетъ отвѣта.

Но тоски безъ Ольги не размыкать,—
Что приснилось, снова снится Малу.
И сидитъ онъ по ночамъ на камнѣ
До разсвѣта надъ рѣкой холодной,
Гдѣ стоитъ надъ темнымъ боромъ мѣсяцъ,
Съ неба искры по водѣ роняетъ.

Вновь гонецъ съ вѣстями отъ княгини:
Скоро будетъ, собралась въ дорогу,
Только прежде Игоря оплачетъ,
Справитъ тризну надъ его могилой.
Звать гостей, готовить надо пиво,
Да меды для тризны надо ставить.

Ночью берегъ свѣтится огнями,
Варятъ пиво надъ рѣкой древляне,
На кострахъ въ корчагахъ варятъ брагу,
Изъ корчагъ переливаютъ въ кадки,
Свѣжимъ хмелемъ кадки засыпаютъ,
Разжигаютъ камни, въ кадки мечутъ,
Цѣдятъ пиво изъ чановъ въ корыта.

Отъ костровъ всю ночь несутся пѣсни,
У огней до свѣта хороводы,
Всѣ въ вѣнкахъ, въ рубахахъ бѣлыхъ дѣвы
Старой пѣсней пиво опѣваютъ.

Съ ними Малъ въ веселомъ хороводѣ,—
Какъ женихъ, играетъ пѣсни съ ними,
Свой вѣнокъ по Припети пускаетъ,
По вѣнку гадаетъ о невѣстѣ.

IX.

День насталъ. Древляне ждутъ княгиню,
Надъ рѣкой сидятъ по косогору, —
У воды стоитъ съ копьемъ тяжелымъ
Статный Малъ, какъ въ полѣ дубъ высокій.

Вотъ мелькнулъ далеко бѣлый парусъ,
Изъ-за лѣса выбѣгаютъ лодки,
Княжій стягъ на золоченомъ древкѣ
Багрецомъ и золотомъ сверкаетъ, —
Это Ольга на ладьяхъ съ дружиной.

Какъ тростникъ торчатъ по лодкамъ копья,
Блещутъ шлемы съ золотой насѣчкой,
А щиты огнемъ горятъ подъ солнцемъ.
Снова лодки мчатся за ладьями.
Изъ-за лѣса снова выбѣгаютъ,
Словно чайки дружно передъ бурей
Налетаютъ на песчаный берегъ.

По веревкамъ паруса спустили,
Подтянулись къ берегу баграми,
Дружно лодки взяли на причалы,
Разомъ сходни сдвинули на берегъ
И по сходнямъ побѣжали гридни.
А за ними съ лодокъ шла дружина, —
Всѣ въ кольчугахъ, въ островерхихъ шлемахъ, —
Щитъ къ щиту рядами становилась
И встрѣчала кликами Свенельда.

Подошли потомъ княжія лодки.
Вдоль по сходнямъ струганыя доски

Алой тканью отроки покрыли.
Вышли старцы съ сивыми чубами,
На рѣзныя палки опираясь,
И у сходни стали ждать княгиню.
Вышли дѣвы въ бѣлыхъ покрывалахъ,
Пѣли пѣсни, проходя на берегъ,
Величали пѣснями княгиню.

Вотъ надъ сходней показалась Ольга.

Вздрогнулъ Малъ, глазамъ своимъ не вѣритъ,
Будто солнце вышло изъ-за тучи,
Все кругомъ лучами осыпая.
Онъ не слышитъ, что кричитъ дружина,
Что поютъ, встрѣчая Ольгу дѣвы
И о чемъ шумятъ его древляне.
Онъ стоитъ—не можетъ молвить слова,
Даже сердце биться перестало.

«Что же князь княгиню не встрѣчаетъ?» —
Улыбаясь молвила княгиня
И сама пошла къ нему на берегъ.
«Аль не радъ женихъ своей невѣстѣ?
«Не пришлась тебѣ я, князь, по мысли?»

«Какъ не радъ?—промолвилъ Малъ княгинѣ,
Опуская передъ нею очи.
«Не по мысли? Ты, княгиня, лучше...»

«Не теперь мнѣ говорить объ этомъ», —
Сдвинувъ брови, перебила Ольга. —
Ждетъ еще отъ Ольги тризны Игорь.
Надо мнѣ о прежнемъ плакать мужѣ,
Чтобъ меня не осудили люди,
Надо мной потомъ не посмѣялись.

Покажи мнѣ Игоря могилу
И оставь меня съ моей дружиной.
Для кургана выберу я мѣсто,
Въ причитаньяхъ Игоря оплачу,
Справлю тризну надъ его курганомъ
И пришлю пословъ къ тебѣ съ поклономъ:
Приходи съ древлянами къ кургану
Пить меды надъ Игоря могилой.
Всѣхъ зови,—пусть всѣ на пиръ приходятъ.
Не придутъ—тебѣ и мнѣ въ обиду».

«Какъ сказала, такъ и будетъ, Ольга,—
Молвилъ Малъ, поднявъ на Ольгу очи.—
«Всѣ придемъ,—всѣхъ самъ я буду кликать.
Только гдѣ же юноши и старцы,
Что къ тебѣ въ послахъ ходили въ Кіевъ?»

«Позади,—идутъ съ княжой дружиной,
Собираютъ дани и оброки
На твое и на мое княженье»,—
Усмѣхнувшись, отвѣчала Ольга.

X.

У рѣки сходились двѣ дороги.
Надъ рѣкой, на самомъ раздорожьи
Быть кургану Ольга указала.

Для кургана выровняли мѣсто,
Повалили молодой березникъ
На клину къ рѣкѣ по косогору,
На верху кусты, валежникъ выжгли,
Стали насыпь на верху готовить,—

На гужахъ подкатывали бревна,
На носилкахъ землю подносили,
По краямъ кургана клали камни,
Убивали и ровняли насыпь
И опять горой валили землю.

А когда курганъ до половины
Довели, могилу стали ставить.
Изъ досокъ дубовыхъ крѣпкій помостъ
На дубовыхъ бревнахъ положили,
Полъ тесовый обнесли столбами,
Надъ столбами снова клали бревна,
Чтобъ земля на князя не давила,
Княжій срубъ пескомъ не засыпала.
Срубъ опять землею обложили,
Но досками не закрыли сверху.

Поднялась тогда къ могилѣ Ольга,
Надъ могилой стали тризну править.

Вотъ запѣли дѣвы надъ могилой
Заунывно жалобныя пѣсни,
Съ тихой пѣсней обошли могилу.

А Свенельдъ, дружинники и гридни
У рѣки на лодкѣ обряжали,
Какъ для сѣчи передъ боемъ, князя.
Смутны были сумрачныя лица,
У ладьи никто не молвилъ слова,
Лишь доспѣхъ звенѣлъ порой на князѣ,
Да съ кургана доносились пѣсни.

У кормы въ княжомъ доспѣхѣ князя
На дубовой лавкѣ посадили,

Лодку съ княземъ подняли на плечи
И неспѣшно понесли къ кургану.

А на князѣ былъ шеломъ пернатый,
Красный плащъ надъ темною бронею,—
Онъ рукою въ нàручнѣ узорномъ
На плечѣ держалъ копье, какъ воинъ,—
Щитъ и мечъ у ногъ его лежали,
Лукъ походный въ нàлучнѣ богатомъ,
А въ колчанѣ стрѣлы на запасѣ.
А на лодкѣ былъ уложенъ парусъ,
Въ лодкѣ снасти были наготовѣ,
У уключинъ струганыя весла,
Подъ рукою княжій стягъ багряный.

Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.

И ладью носили вкругъ могилы
На плечахъ дружинники и гридни,
А потомъ подъ жалобныя пѣсни
На гужахъ въ могилу опустили.

Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.

А въ могилу къ Игорю по сходнѣ
Къ черной лодкѣ опускалась Ольга
По завѣтамъ дѣдовъ стародавнихъ
Подъ фатой вѣнчальной, какъ невѣста,
Съ милымъ мужемъ, съ Игоремъ прощаться,
Обряжать въ походъ далекій мужа.

А когда изъ сруба вышла Ольга
И въ печали стала надъ могилой,—

За Свенельдомъ отошла дружина
Править князю боевую тризну.

Подвели лихихъ коней къ кургану,—
На ремняхъ изъ золоченой кожи,
На подпругахъ подтянули сѣдла,
На коней наѣздники вскочили,
Въ перегонъ помчались у кургана.
Девять разъ курганъ они объѣдутъ,
Притомятъ лихихъ коней до поту
И потомъ зарѣжутъ на курганѣ
И опустятъ къ Игорю въ могилу.

Дѣвы пѣсни пѣли на курганѣ,
Обходили съ пѣснями могилу.

А внизу дружина снаряжалась
Къ лютой сѣчѣ, къ боевой потѣхѣ.
Съ грознымъ кличемъ воины сойдутся,
По щитамъ мечи ихъ загрохочутъ,
Засвистятъ надъ головами стрѣлы,
Будутъ биться воины до крови,
Будутъ биться, поминая князя,
Чтобы гулъ послѣдней грозной сѣчи
Долетѣлъ до Игоря въ могилу.

А надъ срубомъ пѣсни затихали,
За княгиней становились дѣвы,—
Наклонилась Ольга надъ могилой,
Скорбный плачъ надъ Игоремъ запѣла,
Въ причитаньяхъ съ нимъ заговорила.

XI.

«Рано ты собрался въ путь далекій,
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, ладо милый.
Что же ты не побылъ, княже, съ нами?
Аль не любъ тебѣ сталъ Кіевъ стольный?
Не мила, не по сердцу дружина?
Али стала я тебѣ не въ радость,
Угодить по мысли не сумѣла?
Ахъ, не самъ, не въ срокъ ты насъ покинулъ,
Не по волѣ разлучился съ нами.
Стерегли враги тебя въ засадѣ,
Затравили, какъ въ оврагѣ волка,
Безъ кургана въ землю закопали.
Но на Ольгу не держи обиды,
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, милый ладо.

«Слышишь, Игорь, видишь, ладо милый,—
Это я съ дружиной подоспѣла,
Этъ я къ твоей ладьѣ сходила,
Положила въ лодку тяжкій молотъ,
Положила лѣстницу изъ лыка,
Снарядила въ дальнюю дорогу,—
Я изъ бусъ зеленыхъ ожерелье
Надъ твоей кольчугой застегнула,
Золотую пристегнула гривну,
Вдѣла въ уши серьги съ жемчугами—
И теперь я говорю съ тобою,
Свѣтъ мой свѣтлый, Игорь, милый ладо.

«Выйди, Игорь, выйди изъ могилы,
Какъ бывало, стань со мною рядомъ,
Погляди на твой курганъ и тризну,

Оброни мнѣ ласковое слово,—
Все ли такъ, какъ ты хотѣлъ бы, Игорь?

«Видишь, Игорь, видишь, милый ладо,—
Я курганъ насыпала высокій
Надъ рѣкой, на самомъ раздорожьи,
Чтобы сразу каждый путникъ видѣлъ,
Что великій воинъ здѣсь положенъ,
Грозный князь, могучій вождь дружины.

«Слышишь ты, какъ звонко бьютъ копыта
Подъ курганомъ о сырую землю?
То къ тебѣ твои несутся кони.
Видишь дальше стараго Свенельда?
Звонъ мечей и грохотъ сѣчи слышишь?
Это бьется по тебѣ дружина,
Въ грозной сѣчѣ поминаетъ князя.

«Видишь вѣщихъ старцевъ на курганѣ?
Слышишь?—Вопятъ, поднимая руки,
Выкликаютъ Хорса и Перуна,
Выкликаютъ свѣтлаго Сварога
И къ огню Сварожичу взываютъ,
Чадъ Стрибожьихъ отъ поморья кличутъ,
Чтобъ на тризнѣ Игоревой боги
Вмѣстѣ съ нами грозно веселились.

«Слушай, Игорь, слушай, милый ладо,—
Я курганъ досыплю надъ могилой,
Я костеръ зажгу своей рукою
И взывать къ Сварожичу я буду,
Чтобъ тебя на пламени шумящемъ
Поднялъ онъ къ великому Сварогу,
Гдѣ въ сѣдыхъ туманахъ ходятъ тучи.

Будешь въ небѣ, будешь въ темныхъ тучахъ,
Поднимай на лодкѣ бѣлый парусъ,
Правь ладью по вѣковымъ туманамъ,
По озерамъ въ облакахъ безсонныхъ
На высокій, на зеленый берегъ,
Въ край отцовъ и дѣдовъ стародавнихъ.

«Надъ курганомъ на столбѣ высокомъ
Я тебѣ тесовый срубъ поставлю,
Чтобы было гдѣ-бъ тебѣ укрыться,
Если ты захочешь видѣть землю,
На могилѣ побывать захочешь
И захочешь съ нами повидаться.

«Знаю, Игорь, знаю, милый ладо,
Знаю я, чего еще ты хочешь.
Будетъ, Игорь,—все, что надо, будетъ.
За тобой изъ Кіева въ догоню,
Какъ рабовъ, древлянъ я посылала.
Знаю, мало, мало ихъ для князя,
Но объ этомъ не тужи, мой ладо.
Слушай, Игорь. Я клялась богами,
Я клялась Сварогомъ и Перуномъ,
Что къ тебѣ толпы рабовъ пошлю я,
Что толпамъ ихъ подивятся дѣды,
Подивится самъ Олегъ могучій».

XII.

Долго пламя надъ костромъ стояло,
Дымный столбъ тянулся къ чернымъ тучамъ,
По кургану разлетались искры,
Надъ рѣкою полосой багряной
Разливалось зарево пожара.

А когда погасъ костеръ и пепелъ
Отъ костра по вѣтру разметали,
На курганѣ стали пиръ готовить.

Сѣла Ольга подъ цвѣтнымъ наметомъ,
За княгиней сѣлъ Свенельдъ съ дружиной,
Съ княземъ Маломъ подошли древляне,
На курганѣ сѣли за столами,
У кургана на скамьяхъ и бревнахъ,
За курганомъ на травѣ зеленой,
По рѣкѣ на берегу песчаномъ.

По рядамъ дружинники и гридни
Въ бочкахъ пиво и меды катили,
По ковшамъ, по чашкамъ разливали,
Поминать добромъ просили князя.
По рукамъ пошли ковши и чаши,
Гулъ стоялъ надъ полемъ и рѣкою.

На курганѣ загудѣли гусли,
Стали славить Игоря баяны,
Пѣсни пѣть про сѣчи и походы,
Про ночлеги въ половецкихъ вежахъ,
Про царей въ далекомъ Цареградѣ.

А за ними запѣвали дѣвы,
Въ старыхъ пѣсняхъ славили княгиню,
Величали Кіевъ и дружину,
Князя Мала въ пѣсняхъ величали.

На курганѣ подъ наметомъ Ольга
Подняла съ виномъ царьградскимъ кубокъ
И сказала отрокамъ и гриднямъ:
«По ковшамъ разлейте медъ и пиво,

До краевъ, полнѣе наливайте,—
Пить хочу теперь за князя Мала,
За древлянъ, моихъ гостей на тризнѣ.
Пить бы имъ до дна меды и пиво,—
Намъ въ любовь, а имъ, древлянамъ, въ почесть».

Снова бочки по рядамъ катились,
По рукамъ опять ковши ходили,—
Захмелѣли, напились древляне,
По землѣ валяются, какъ звѣри.

XIII.

Вечерѣло. Надъ горою солнце
Наклонилось, зажигая тучи
По краямъ багряными огнями.
Надъ рѣкою потянулись тѣни.
За рѣкою боръ стоялъ въ туманѣ.

Встала Ольга, темными очами
На древлянъ съ кургана поглядѣла.
Засвѣтились, разгорѣлись очи
Злобной местью, гнѣвною обидой.
Потемнѣла, надъ столомъ пригнулась,
Вся дрожитъ—и вдругъ могучій голосъ
Прозвенѣлъ ликующій и гнѣвный.

«Въ топоры ихъ! За мечи, дружина!
Бейте смердовъ! На смерть пьяныхъ бейте!
Пусть земля отъ крови задымится
На кровавой игоревой тризнѣ!»

Словно волки изъ лѣсу на стадо,
На древлянъ накинулась дружина.

Топорами Мала изрубили,
За столами прикололи старцевъ,
Перебили лучшихъ на курганѣ,—
Кровь изъ ранъ струей горячей била,
По столамъ, по лавкамъ разливалась,
На пескѣ дымилась передъ Ольгой.

И съ кургана видѣла княгиня,
Какъ мечи и топоры сверкали
За кургномъ на лугу зеленомъ,
У рѣки на берегу песчаномъ,
Подъ кустами въ рощѣ, у дороги...

Кровью выкупъ отдали древляне,—
Кто пришелъ, домой не воротился,
Всѣ остались на кровавой тризнѣ.

XIV.

Догорало за горою солнце,
На низинахъ у рѣки стемнѣло,
Поползли туманы надъ землею,
А заря послѣдними лучами
Озаряла Ольгу на курганѣ.

Словно къ небу въ пламени багряномъ
Надъ землею Ольга поднималась.
Въ головы свалился княжій обручъ,
Расплелись, по вѣтру бьются косы,
Красный плащъ съ плеча назадъ отброшенъ,
Руки къ небу подняты высоко,
Въ небо смотрятъ вспыхнувшія очи,
И далеко звонкій ясный голосъ
По ночнымъ туманамъ отдается.

«Васъ зову, васъ заклинаю, боги.
Я клялась—и я сдержала клятву.
Вотъ курганъ. Подъ нимъ въ могилѣ Игорь.
Кровью я за кровь его отмстила.
Слава—мнѣ. Вамъ въ небѣ—радость, боги».

По щитамъ дружинники и гридни
Въ грознымъ гуломъ копьями стучали,
Снизу старцы подходили къ Ольгѣ,
До земли предъ нею преклонялись,
На колѣни становились дѣвы,
Цѣловали край ея одежды
И далеко радостные клики
Отдавались по ночнымъ туманамъ:
«Слава Ольгѣ, кіевской княгинѣ!..
Слава, слава—мстительницѣ Ольгѣ!..
Вѣщей Ольгѣ—слава, слава, слава!..»

5 Нояб. 1901.

КНЯЗЬ ДАНИЛА МЫШЕЦКІЙ.

I.

Снѣгъ крутя, срывая черепицы
Съ ветхихъ крышъ, метель, какъ звѣрь, завыла.
Въ старомъ замкѣ стѣны и бойницы
Съ фонаремъ обходитъ князь Данила.

Треплетъ вѣтеръ бороду сѣдую,
Волчью шубу съ крѣпкихъ плечъ срываетъ,
Черезъ стѣны мчится въ мглу ночную
И сугробы снѣга навѣваетъ.

Съ ногъ сшибаетъ вражья непогода!
По бойницамъ ратники засѣли...
Не боится только воевода
Въ этой мглѣ ни ляховъ, ни метели.

Тамъ, гдѣ вьюга снѣгъ не такъ крутила,
Гдѣ стихалъ за башней гулъ метели,
У воротъ на камень сѣлъ Данила.
Злыя думы княземъ овладѣли...

Что-жъ Москва? Когда же грянетъ смѣло
Наша рать на Вильну съ той дороги?
Замокъ сдать—нестаточное дѣло,
Да нельзя держаться безъ подмоги.

Сотни съ нимъ солдатъ не наберется:
Много въ схваткахъ пало подъ стѣнами.
Правда, замокъ ляхамъ не сдается,
Только—Вильна будетъ-ли за нами?

Что-жъ они? Забыли Вильну, что-ли?
Помутились въ разумѣ со страха?
Въ Вильнѣ шляхта ищетъ снова воли...
Съ Вильны снова надо выбить ляха!

Въ лютыхъ казняхъ въ Вильнѣ князь Данила
Вывелъ сѣмя воровской измѣны.
И теперь-бы... Да не та ужъ сила!
Безъ людей—не оборонишь стѣны.

Что-жъ они?—
Согнулся воевода,
Хмуритъ бровь, качаетъ головою...
Злится вьюга, стонетъ непогода,
Снѣжный вихорь мчится надъ стѣною...

II.

Былъ въ послахъ до Вильны князь Данила:
Съ Фридерикомъ мы сойтись гадали...
Съ свейскимъ Карломъ намъ война грозила,
Мы на шведовъ датчанъ поднимали.

Какъ царю отъ моря отступиться?
Съ кѣмъ идти? Откуда ждать подмоги?
Мыслилъ князь за берегъ съ шведомъ биться,—
На поморье поискать дороги...

Мыслилъ такъ, а по другому сталось!
Шведамъ берегъ отдали для мира,
На Литвѣ вся наша рать собралась—
Въ бой идти на Яна Казиміра...

Русь тогда стояла надъ Литвою.
Вильной грозно правилъ князь Данила...
И не взять-бы ляхамъ городъ съ бою,
Только нашимъ счастье измѣнило...

Шереметевъ стяги сдалъ не даромъ.
И теперь онъ ляхамъ вѣрно снится!
Измѣнили... Выдали татарамъ...
Надо быть, въ Крыму теперь томится...

Гдѣ Хованскій?.. Къ Могилеву скоро
Долгорукій отступилъ безъ дѣла.
Вражьимъ ляхамъ больше нѣтъ отпора:
Вся ихъ рать на Вильну налетѣла.

Держитъ въ Вильнѣ замокъ воевода,
Да безъ рати—какъ владѣть Литвою?
Злится вьюга, стонетъ непогода,
Снѣжный вихорь мчится надъ стѣною.

III.

Что-то крѣпко ляхи насѣдаютъ!
Въ Вильнѣ къ замку залегли дорогу,
Ставятъ пушки, рати собираютъ,
Гетманъ Пацъ подходитъ на подмогу,

Самъ король—должно быть, для потѣхи—
Подступаетъ съ новыми войсками—

Съ насъ снимать шеломы и доспѣхи,
Брать въ полонъ вельможными руками.

Починить-бы дали только стѣны!
Да и въ этомъ нѣтъ большой печали...
Только-бъ въ замкѣ не было измѣны,
Да солдаты до конца стояли...

Вздрогнулъ князь, поднялся... Блещутъ взоры,
Все лицо отъ думы потемнѣло...
«Ну, а если да затѣютъ воры
«Воровское, скаредное дѣло?

«Да... Антошка... Сенька съ нимъ... Чешиха...
«Изподлобья смотрятъ, словно волки...
«Соберутся... Что-то шепчутъ тихо...
«Допытать-бы, что у нихъ за толки!

«Аль и въ правду?».
Вьюга надъ зубцами
Злобно воетъ, стонетъ непогода...
Низко шапку сдвинувъ надъ бровями,
Со стѣны уходитъ воевода...

IV.

Это что? Въ избѣ, передъ избою,
На крыльцѣ, у оконъ—чьи-то тѣни...
Бердыши, пищали надъ толпою...
Фонари... открыты настежь сѣни...

Крики... брань... со стѣнъ снимаютъ латы...
Разбираютъ копья у колоды...

Гилемъ, значитъ, поднялись, солдаты,
Не боятся больше воеводы.

«Что вамъ надо?»—въ гнѣвѣ князь Данила
Грозно крикнулъ, ставъ передъ толпою.
«Память вамъ отшибла вражья сила?
«Аль шутить надумали со мною?»

На сѣняхъ все дрогнуло въ испугѣ,
Какъ въ подвалѣ темномъ стало тихо...
Только вдругъ съ сѣкирой и въ кольчугѣ
Къ воеводѣ подошелъ Чешиха.

«Не гнѣвись... Молва насъ напугала...
«Въ Вильнѣ круль и гетманъ...
«Ну такъ что-же?»
«Ляховъ много, а насъ больно мало...
«Какъ нагрянутъ, сохрани насъ, Боже!..

«Не съ чѣмъ взяться... Сгинуть въ битвѣ даромъ...
«Не отбить намъ, не осилить ляха...
«Хорошо, какъ отдадутъ татарамъ,
«А не то—для всѣхъ готова плаха...»

«Жди веревки, подлый трусъ... Для вора
«Плаху ставить—будетъ чести много.
«Не зѣвалъ... Спроворилъ дѣло скоро...
«На осину—вотъ твоя дорога!»

«Не одинъ я въ думѣ, князь Данила!
«Всѣ со мной: насъ всѣхъ томитъ осада.
«Вѣшай всѣхъ, коль вѣшать будетъ сила,
«Да на то—веревокъ много надо.

«Слушай, князь, на чемъ мы порѣшили:
«Вѣдать замокъ—не твоя забота,—
«Мы сегодня всѣ приговорили
«Завтра ляхамъ отпереть ворота!»

Молча князь пытливыми очами
Всѣхъ обвелъ... Всѣ мнутся... прячутъ взоры...
— Нѣтъ, теперь ихъ не проймешь словами:
— Сговорились, измѣнили воры!..

«Ну—безъ васъ мнѣ съ ляхами не биться!
«Съ вами дѣло кончимъ мы безъ спору...
«Только съ крулемъ надо сговориться:
«Замокъ сдать нельзя безъ уговору.

«На кругу, въ моей избѣ, безъ спѣха
«Завтра утромъ все рѣшимъ по чести.
«Въ вашей думѣ—я вамъ не помѣха:
«Вмѣстѣ бились,—ну и кончимъ вмѣстѣ...

«А теперь—пора и до ночлега!
«Ночью къ ляхамъ—не идти съ поклономъ...»
Вѣтеръ мечетъ въ окна тучи снѣга,
Стонетъ вьюга заунывнымъ стономъ...

V.

На столѣ фонарь едва мерцаетъ,
Голоса затихли за избою,—
Только вьюга глухо завываетъ,
Только вѣтеръ злится за стѣною...

Бросилъ въ уголъ шапку князь Данила,
Сѣлъ къ столу,—сидитъ, не шелохнется...

Словно въ жилахъ сразу кровь застыла,
Словно сердце сжалось и—не бьется.

Встали думы черными тѣнями,
Сладить съ сердцемъ—не хватаетъ мочи,—
Подъ густыми сивыми бровями,
Какъ подъ пепломъ угли, тлѣютъ очи.

На дворѣ какъ будто тише стало,
Вздрогнулъ князь. Раздумье отлетѣло.
— Вотъ когда его пора настала!..
— Удалось-бы только сладить дѣло...

Въ эту ночь въ сѣняхъ у воеводы
Крюкъ Иванъ безъ сна ходилъ дозоромъ.
Вмѣстѣ съ княземъ дѣлалъ онъ походы...
— Онъ не выдастъ... не пойдетъ за воромъ...

Князь не долго ждалъ себѣ отвѣта,—
Сговорились, дѣло повершили:
Подъ избу изъ погреба до свѣта
Десять бочекъ съ зельемъ подкатили.

VI.

Въ старой Вильнѣ долго предъ зарею
Въ эту ночь колокола звонили.
На разсвѣтѣ долго подъ стѣною
Чьи-то тѣни у воротъ ходили.

Стихла вьюга. Рано надъ стѣнами
Въ алыхъ тучкахъ солнце поднималось.

Въ старомъ замкѣ съ первыми лучами
На дворѣ тревога начиналась.

Шли къ избѣ солдаты въ ратномъ строѣ...
Вотъ труба протяжно протрубила...
Свѣтелъ ликомъ, на крыльцо рѣзное,
Какъ на праздникъ, вышелъ князь Данила.

«Въ добрый часъ! Изба для насъ готова!
«Если будетъ власть на то Господня,
«Сдержимъ мы по чести наше слово:
«Сразу съ замкомъ порѣшимъ сегодня.

«Проходите!»—Тронулись солдаты,
Съ плечъ снимаютъ пики съ бердышами,
Ставятъ копья, оправляютъ латы...
Вдругъ Чешиха сталъ передъ рядами...

«Слушай всѣ! Ни съ мѣста! Князь Данила
«Ворогъ намъ. Не мѣсто здѣсь для схода!
«Тамъ въ избѣ для всѣхъ одна могила!
«Зелье тамъ! Не съ нами воевода!»

Грозный гулъ пронесся надъ толпою...
Зашумѣли, сдвинулись солдаты...
«Десять бочекъ съ зельемъ подъ землею!
«На крыльцо! Вяжи его, ребята!»

Съ дикимъ крикомъ воровской измѣны
Налегли, веревками скрутили,
Зашумѣли, бросились на стѣны,
Широко ворота отворили...

Въ воротахъ тѣснится вражья сила...
Гетманъ Пацъ подъ стягомъ появился...

Потемнѣлъ, рванулся князь Данила...
И на снѣгъ, какъ мертвый, повалился...

VII.

Въ старой Вильнѣ шумно ляхъ ликуетъ,
Клиръ поетъ Te Deum по костеламъ,
Польскій круль побѣду торжествуетъ,
Плѣнныхъ ждетъ на праздникѣ веселомъ.

Въ соболяхъ король выходитъ въ сѣни,
Шутитъ круль съ вельможными гостями...
Алой тканью устланы ступени,—
Кресла, лавки убраны коврами...

Сѣлъ король. Кругомъ толпы народа.
Вѣютъ флаги. Нѣтъ конца знаменамъ...
Вотъ идетъ подъ стражей воевода,
Князь Данила, къ королю съ поклономъ.

Стихли трубы... чуть звенятъ оковы...
Ждетъ король. Кругомъ толпа застыла.
Молча смотритъ, блѣдный и суровый,
У крыльца на круля князь Данила.

Что-же онъ? Не гнется шея, что-ли?
Не боится плахи и полона?
Что не проситъ милости и воли,
Головы жалѣетъ для поклона?

«Плѣнникъ нашъ, князь Мышецкій,—предъ нами»
Сдвинувъ брови, молвилъ круль сурово,—
«Скупъ на просьбы, не богатъ рѣчами,
«Хоть сегодня—не за нами слово...

«Или князь отъ насъ боится мести?
«Оробѣлъ? Стыдится за оковы?
«Пусть онъ проситъ... Ради ратной чести
«Мы его помиловать готовы...»

«Отъ тебя,—князь молвилъ—что мнѣ плаха?
«Мнѣ, король, не въ честь твоя награда!
«Въ полону мнѣ отъ собаки-ляха
«Кромѣ казни—ничего не надо».

Вздрогнулъ круль. «Такъ вотъ какое слово,
«Ты предъ нами молвилъ безъ боязни!
«Отъ собаки?..» крикнулъ круль сурово...
«Казни ждешь?—Такъ жди-же лютой казни!»

VIII.

Въ алыхъ тучкахъ солнце заходило,
По церквамъ къ вечернѣ отзвонили,—
У тюрьмы, гдѣ смерти ждалъ Данила,
Съ бердышами сторожа ходили.

Князь писалъ. Предъ казнью на чужбинѣ
Сердцемъ онъ о сынѣ стосковался,—
Онъ писалъ поклонъ своей княгинѣ
И на вѣки съ родиной прощался.

«Князь Иванъ, шлю вѣсть тебѣ лихую:
«Я измѣной выданъ въ руки ляху...
«Завтра утромъ голову сѣдую
«Положу я подъ топоръ на плаху.

«Польскій круль казнитъ меня изъ мести.
«Будутъ въ Вильнѣ помнить воеводу!

«Не ронялъ я съ ляхомъ нашей чести,
«Не чинилъ, какъ воръ, безчестья роду.

«Крестъ царю я цѣловалъ не ложно:
«Изъ послѣдней мочи до измѣны
«Промышлялъ надъ ляхомъ сколько можно,
«Боронилъ отъ вражьей силы стѣны.

«Князь Иванъ, князь Мышецкій, со мною
«Наше имя не избыло чести.
«Такъ и ты не пяться предъ грозою,
«Стой за Русь безъ шатости и лести.

«По отцѣ, что сгинулъ на чужбинѣ,
«Пусть попы отслужатъ панихиду.
«Будь опорой матери-княгинѣ,
«Береги, не дай ее въ обиду.

«Домъ блюди. Теперь за все въ отвѣтѣ
«Ты одинъ. Молись въ дни скорби Богу.
«Я же, грѣшный, завтра на разсвѣтѣ
«Отхожу въ послѣднюю дорогу».

IX.

Къ утру тучи въ небѣ заходили,
Князь предъ смертью каялся монаху,
Въ церкви Духа въ колоколъ звонили,
У воротъ палачъ готовилъ плаху.

Къ Острой Брамѣ съ первыми лучами,
Какъ на праздникъ, шли толпы народа...

Гетманъ Пацъ подъѣхалъ съ сердюками...
Подошелъ подъ стражей воевода...

Свѣтелъ князь,—дивятся даже ляхи.
Онъ на церковь Богу помолился,
Скинулъ шубу, молча сталъ у плахи,
До земли народу поклонился.

Словно въ думѣ строгой и высокой
Тихо легъ на плаху князь Данила.
Подъ сѣкирой, вся въ крови, далеко
Голова отъ шеи отскочила.

X.

Въ церкви Духа въ колоколъ звонили,
Въ церкви Духа князя отпѣвали,—
Въ черныхъ ризахъ чернецы ходили,
До могилы князя провожали.

Подъ молитвы онъ уснулъ въ могилѣ,
Подъ крестомъ онъ въ землю былъ положенъ,—
Только долго не спалось Данилѣ,
Сонъ его былъ чутокъ и тревоженъ.

Долго шла молва среди народа,
Что, когда надъ Вильной сонъ спускался,
Выходилъ изъ гроба воевода
И на стѣны тихо поднимался.

Не фонарь, а голову сѣдую
Онъ держалъ въ рукѣ передъ собою,

Уходилъ дозоромъ въ мглу ночную—
Ждать врага, готовить рати къ бою,—

До зари стоялъ передъ востокомъ,
Снова полный думы и тревоги,
Словно вновь, въ томленьи одинокомъ,
Отъ Москвы ждалъ рати и подмоги.

Ждалъ не даромъ. Время наступило.
Русь идетъ... Подъ Вильну подступаетъ...
Спитъ теперь спокойнымъ сномъ Данила,
Отъ трудовъ великихъ отдыхаетъ.

11 марта 1901 года.

ЮРАТА.

Дождь пересталъ. Осенней бури вой
Сталъ затихать. На берегу песчаномъ
Не плещетъ море мутною волной,
Не мчится вѣтеръ гнѣвнымъ ураганомъ.

Вчера всю ночь протяжно лѣсъ стоналъ,
Шумѣлъ во мглѣ косматыми вѣтвями,
Всю ночь въ камняхъ ревѣлъ тяжелый валъ,
Какъ гордый рабъ, окованный цѣпями.

Дождь пересталъ. Уходитъ на востокъ
Тяжелыхъ тучъ разорванная стая.
Смиривъ свой гнѣвъ, ложится на песокъ
Вдали отъ скалъ въ камняхъ волна сѣдая.

Сквозь щели тучъ прозрачной пеленой
Пробился блескъ мерцающей лазури.
Но берегъ пустъ. Мы, только мы съ тобой
Пришли смотрѣть слѣды вчерашней бури.

Печальный видъ. Балтiйская волна
Не знаетъ пѣсни вольной и безпечной.
Въ ненастной мглѣ—о чемъ шумитъ она?
О чемъ поетъ въ печали безконечной?

И ты грустна. Ты молча смотришь вдаль.
Твой ясный взоръ темнѣетъ въ думѣ строгой...
Все будитъ здѣсь забытую печаль,
Все дышитъ здѣсь уныньемъ и тревогой...

Печальный день—печальная заря—
Холодный блескъ холоднаго заката...
Что ты нашла? Обломокъ янтаря?
То шлетъ тебѣ свой бѣдный даръ Юрата.

Ты знаешь-ли царицу этихъ водъ?
Слыхала-ль ты забытое названье?
Когда-то здѣсь прошло изъ рода въ родъ
Старинное литовское преданье.

Какую дань завистливой судьбѣ
Царица водъ здѣсь принесла когда-то!
Подъ говоръ волнъ я разскажу тебѣ,
Какъ здѣсь жила прекрасная Юрата.

I.

Давно прошла счастливая весна,
Пора любви и счастья миновала,—
Но не всегда балтiйская волна
Въ ненастной мглѣ о прошломъ тосковала.

Перкунъ царилъ въ высокихъ небесахъ,
Свѣтилъ землѣ съ безоблачной лазури...
Тогда никто на этихъ берегахъ
Не видѣлъ тучъ, не слышалъ злобной бури.

Властитель тучъ, отбросивъ тяжкiй громъ,
Съ улыбкой шелъ надъ этими волнами,
Безъ нихъ скучалъ онъ въ сумракѣ ночномъ,
Ихъ цѣловалъ онъ первыми лучами.

Уноситъ ночь въ своихъ туманахъ сны,
Тревожнымъ сномъ спитъ море голубое,—

Вотъ тихiй вздохъ проснувшейся волны,
Вотъ легкiй звонъ жемчужнаго прибоя.

Куда спѣшитъ румянная Заря
По лону водъ, тревогою объята?
Вонъ тамъ, на днѣ дворецъ изъ янтаря...
— Перкунъ идетъ! Ты слышишь-ли, Юрата?

— Перкунъ идетъ! Сквозь пологъ голубой,
— Сквозь янтари могучими лучами
— Проникнетъ онъ въ подводный теремъ твой,
— Найдетъ тебя влюбленными очами.

Въ прозрачной мглѣ въ чарующихъ мечтахъ
Безъ сна лежитъ царица молодая.
— Перкунъ идетъ!—Съ улыбкой на устахъ
Она встаетъ, волнуясь и сiяя...

— Перкунъ идетъ!—Прислужницы толпой
Къ царицѣ водъ спѣшатъ на зовъ счастливый.
Волнами стелетъ гребень золотой
Тяжелыхъ косъ волнистые извивы.

Ея вѣнецъ—весь въ крупныхъ жемчугахъ,
Алмазныхъ бусъ горитъ наборъ лучистый,—
Прозрачный плащъ, сгибаясь на волнахъ,
За нею вьется зыбью серебристой.

Въ сквозной рѣзьбѣ узорное крыльцо
Надъ грудой скалъ стоитъ въ водѣ высоко.
Царицы водъ прекрасное лицо
Озарено сiянiемъ съ востока.

Перкунъ идетъ.—Юрата, гдѣ-же ты?
— Ты спишь еще? Проснись: проснулось море,

— Проснулись въ полѣ птички и цвѣты,
— Проснулись рыбки въ голубомъ просторѣ.

— Проснулась ты? Меня Юрата ждетъ?
— Привѣтъ тебѣ!—веселый кличъ несется.
Ему съ крыльца царица свѣтлыхъ водъ
Шлетъ свой привѣтъ и весело смѣется.

Какъ счастливъ онъ, влюбленный свѣтлый богъ!
Какъ любо ей подъ ясными лучами!
Счастливый день,—безъ бури, безъ тревогъ,
Безъ темныхъ тучъ,—проходитъ надъ волнами.

За теремомъ, подъ темною скалой,
Гдѣ тихо дремлютъ ласковыя воды,
Окружена служебныхъ дѣвъ толпой,
Она съ утра заводитъ хороводы.

Среди подругъ у скалъ она бѣжитъ,
То рветъ цвѣты, то жемчугъ собираетъ,
Гдѣ подъ водой, какъ зыбкiй малахитъ,
Зеленый лугъ коверъ свой разстилаетъ.

Среди камней съ улыбкой на устахъ
Она идетъ подъ яркими лучами,
Гдѣ рыбки спятъ, качаясь на волнахъ,
Въ полдневный зной за темными скалами.

Подкравшись къ нимъ, она плеснетъ волной,—
И закричитъ, и звонко засмѣется,
Когда у скалъ, сверкая чешуей,
Вся стая ихъ въ испугѣ пронесется.

Счастливый день,—безъ бури, безъ тревогъ,—
Горитъ и блещетъ влага голубая,—

*

На небесахъ,—въ лазури,—свѣтлый богъ,
Въ лазури водъ—царица молодая.

День догорѣлъ. Перкунъ свѣтить усталъ,
Но медлитъ онъ съ улыбкой у заката:
Проститься съ нимъ на груды темныхъ скалъ
Въ слезахъ идетъ печальная Юрата.

— Прощай, Перкунъ!—несется надъ водой...
— Ты весь въ дыму вечерняго тумана.
— Какъ ночь длинна! Но съ утренней зарей
— Встрѣчать тебя я выйду рано, рано...

II.

Сіяетъ день. Въ лазури голубой
Идетъ Перкунъ, сверкающій лучами.
Съ утра сидитъ надъ темною скалой
Царица водъ съ печальными очами.

О чемъ она тоскуетъ на скалѣ,
То смотритъ въ даль, то медленно вздыхаетъ,
И жемчугъ слезъ въ прозрачной полумглѣ
На камни скалъ изъ чудныхъ глазъ роняетъ?

Тамъ, за горой, гдѣ тихая рѣка
Къ ея волнамъ бѣжитъ волной несмѣлой,
Въ лучахъ зари на лодкѣ рыбака
Скользилъ у скалъ сегодня парусъ бѣлый.

Къ ея скаламъ рыбакъ направилъ челнъ,
На вольныхъ рыбъ здѣсь неводъ свой поставилъ,
Смутилъ покой ея лазурныхъ волнъ,
Собралъ уловъ—и дальше путь направилъ.

Онъ тихо плылъ съ добычей по рѣкѣ,
Юрата шла за нимъ, полна печали...
Какъ долго бились рыбки на пескѣ!
Какъ тяжело на солнцѣ засыпали!

— О, злой рыбакъ! Надъ гладью тихихъ водъ
— Имъ не играть подъ вечеръ, въ часъ заката!
— Въ полдневный зной ихъ больше не найдетъ
— Среди камней у берега Юрата!

— О, злой рыбакъ! Но... если ты къ скаламъ
— Опять придешь съ лукавыми сѣтями?
— Нѣтъ, ни за что! Я рыбокъ—не отдамъ...
— Мнѣ власть дана надъ этими водами.

— Царица я. Здѣсь знаютъ власть мою...
Она встаетъ, темнѣютъ въ гнѣвѣ очи...
— Готовьте мнѣ янтарную ладью
— Вы, дѣвы водъ, и ждите темной ночи!

— Мы пѣснями заманимъ рыбака,
— Но не войдетъ онъ въ теремъ мой подводный,—
— Среди зыбей холоднаго песка
— Уснетъ на вѣкъ онъ, блѣдный и холодный...

День догорѣлъ. Безсонная волна
Во мглѣ шумитъ, на берегъ набѣгая.
Алмазный мостъ въ водѣ зажгла луна,
На жемчугъ волнъ свои лучи роняя.

Тамъ, надъ рѣкой, гдѣ стебли тростника
Сквозь сонъ звенятъ во мглѣ, полны тревогой,
Горитъ костеръ у хаты рыбака,
Сидитъ рыбакъ на камнѣ у порога.

Мелькнулъ челнокъ, какъ сонъ, въ лучахъ луны,
Въ туманной мглѣ прозрачной тѣнью блещетъ,—
Не рѣжетъ онъ испуганной волны,
Скользя въ водѣ, его весло не плещетъ.

Кто въ немъ собралъ прекрасныхъ юныхъ дѣвъ?
Чьи блещутъ тамъ плѣнительныя очи?
Нездѣшнихъ словъ чарующій напѣвъ,
Какъ сонъ любви, наполнилъ сумракъ ночи.

Въ немъ все любовь, все счастье и тоска,
Въ немъ все полно томленьемъ страстной муки...
У ногъ его звенятъ изъ тростника,
Какъ тихій зовъ, тоскующіе звуки.

Его зовутъ. Онъ слышитъ, онъ идетъ.
Туда, скорѣй!—Но—пѣсня отзвенѣла...
Зачѣмъ молчитъ во мглѣ царица водъ?
Зачѣмъ Юрата пѣсни не допѣла?

Она молчитъ. Ей измѣнилъ языкъ.
Лукавой пѣсни звуки смолкли сами.
Съ своей ладьи на берегъ сквозь тростникъ
Она глядитъ тревожными очами.

Какъ онъ хорошъ, красавецъ молодой!
Какимъ огнемъ его глаза сверкаютъ!
Нѣтъ, дѣвы водъ подъ темною волной
Такихъ огней, такой любви не знаютъ.

Въ его глазахъ—и думы и печаль,
Въ его любви—его душа пылала.
О, какъ его Юратѣ стало жаль!
Какъ сердце въ ней о немъ затосковало!

Нѣтъ, не рыбакъ—она къ нему придетъ,
Пройдетъ сквозь ночь на берегъ легче тѣни!
—«Рыбакъ, я здѣсь»... И предъ царицей водъ
Рыбакъ упалъ въ восторгѣ на колѣни.

Всю ночь они сидѣли надъ рѣкой.
Костеръ погасъ и звѣзды меркнуть стали,
Когда ушла въ подводный теремъ свой
Царица водъ въ томленьи и печали.

И съ той поры, лишь только на рѣкѣ
Въ вечерней мглѣ погаснетъ лучъ заката,
По лону водъ въ янтарномъ челнокѣ
Спѣшитъ къ рѣкѣ влюбленная Юрата.

III.

Какъ ночь любви для счастья коротка!
Какъ сонъ любви смежаетъ нѣгой очи!
Проснулся лѣсъ, слышнѣй шумитъ рѣка,
Звенитъ прибой, рѣдѣетъ сумракъ ночи.

Давно спѣшитъ румяная Заря
По лону водъ тревогою объята.
Вонъ тамъ на днѣ дворецъ изъ янтаря...
— Перкунъ идетъ! Ты слышишь-ли, Юрата?

Но теремъ пустъ. Давно привѣтъ Зари
Въ прозрачной мглѣ несется безъ отвѣта,—
Давно горятъ и блещутъ янтари,
Сквозитъ волна подъ заревомъ разсвѣта.

Идетъ Перкунъ въ лазури голубой,
Въ его лучахъ все блещетъ, все проснулось,

Въ его лучахъ въ подводный теремъ свой,
Закрывъ лицо, царица водъ вернулась.

Онъ видѣлъ все.—Онъ вспыхнулъ—гнѣвъ въ очахъ—
Онъ потемнѣлъ—закрылся черной тучей—
Шумитъ гроза—огни на небесахъ—
Тяжелый громъ дрожитъ въ рукѣ могучей—

Тяжелый валъ, какъ молотъ, въ камни бьетъ—
Дрожитъ скала.—Раздался тяжкій грохотъ—
Изъ гнѣвныхъ тучъ надъ тихимъ стономъ водъ
Изъ края въ край несется страшный хохотъ.

Дворецъ разбитъ.—Обломки янтарей—
Изрыто дно подъ темною скалою...
Тамъ глубоко лежитъ среди камней
Царица водъ, убитая грозою.

И новый громъ пронесся. Въ тяжкой мглѣ
Прошелъ Перкунъ, сверкающій огнями,
И рыбака надъ мертвою къ скалѣ
Онъ приковалъ тяжелыми цѣпями.

Съ тѣхъ поръ Перкунъ въ ненастныхъ облакахъ
Передъ собой сѣдыя волны гонитъ,
Съ тѣхъ поръ рыбакъ на темномъ днѣ въ цѣпяхъ,
Какъ дикій звѣрь, подъ грохотъ бури стонетъ.

Балтійскихъ водъ тяжелая волна
Забыла блескъ и солнца, и лазури,—
Съ тѣхъ поръ въ тоскѣ печально ждетъ она
То зимнихъ льдовъ, то долгой гнѣвной бури...

Прибой шумитъ. Въ его сѣдыхъ валахъ
Такъ много слезъ, холодныхъ слезъ и горя!
Вотъ твой янтарь... На этихъ берегахъ
Онъ лучшій даръ взволнованнаго моря...

5 октября 1899 года.

ПѢСНЯ ИНЕСЫ.

I.

Это знаютъ всѣ испанцы,
Даже мальчикъ каждый знаетъ:
Некрасивая испанка
Рѣдко вѣтряной бываетъ.

Некрасивая испанка
Строгихъ правилъ, жизни строгой,—
А хорошенькая рѣдко
Остается недотрогой.

Ахъ, хорошенькой испанкѣ
Очень трудно жить на свѣтѣ:
Хитрый бѣсъ и днемъ, и ночью
Ей повсюду ставитъ сѣти.

Ставитъ сѣти, козни строитъ
И—не жди—не дастъ онъ маху...
Не отбить тогда испанку
Отъ соблазна и монаху...

Очень трудно, очень трудно
Одолѣть такого бѣса...
Какъ съ нимъ мучилась недавно
Черноглазая Инеса!

Не избыть бы ей напасти,
Не уйти бы ей отъ ада,

Если-бъ бѣса не осилилъ
Кардиналъ Хуанъ Саградо.

Мужъ ученый, онъ владѣетъ
Дивной властью надъ бѣсами..
Впрочемъ, я скажу, что знаю,
А ужъ тамъ—судите сами...

II.

У веранды подъ навѣсомъ
Смѣхъ и говоръ за столами:
Старый Педро мастеръ ладить
Съ тароватыми гостями.

Каждый день въ его тавернѣ
Смѣхъ и говоръ у веранды.
Знаютъ дворикъ дона Педро
Даже сумрачные гранды,

Знаютъ погребъ дона Педро
Даже важные прелаты—
И за то въ его карманы
Такъ и сыплются дукаты.

Полудѣтскій звонкій хохотъ
Раздается у навѣса,—
Это дочка дона Педро,
Черноглазая Инеса.

По годамъ почти ребенокъ,
Но кокетливо и ловко
Подаетъ гостямъ бокалы
Черноглазая плутовка!

Въ три ряда на шейкѣ смуглой
Нить кораллов блѣдныхъ вьется,
Стройный станъ въ корсажѣ черномъ,
Какъ тростникъ подъ вѣтромъ, гнется.

Сколько ласки, сколько свѣта
Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ!
Ахъ, тогда никто не думалъ
Ни о бѣсѣ, ни объ адѣ!

Ахъ, никто съ тревогой въ сердцѣ
Въ эти дни не зналъ печали!
Впрочемъ, опытные люди
Кое-что ужъ замѣчали.

Какъ она, поднявъ рѣсницы,
Взглянетъ пристально, бывало,—
У людей, весьма почтенныхъ,
Даже сердце замирало,

А потомъ, какъ отъ обжога,
Сердце долго, долго ныло...
Но тогда еще не знали,
Въ чемъ тутъ дѣло, чья тутъ сила...

III.

Прошлымъ лѣтомъ, какъ-то въ маѣ
Всѣ мы точно съ толку сбились:
Щегольскія кастаньеты
У Инесы появились.

Щегольскія кастаньеты
Въ смуглой ручкѣ такъ стучали,

Что порой мы все на свѣтѣ
У веранды забывали.

Не поймешь, чему смѣешься,
Не поймешь, откуда слезы,
И куда плывутъ въ туманѣ
Серебристой ночи грезы.

Только въ небѣ надъ соборомъ
Въ легкой дымкѣ мѣсяцъ станетъ,
Всѣхъ какой-то силой тайной
Такъ къ Инесѣ и потянетъ.

Въ жгучихъ грезахъ таетъ сердце,
Въ жгучихъ грезахъ меркнетъ разумъ...
А Инесѣ—все забавы,
Нѣтъ конца ея проказамъ...

Вотъ она беретъ гитару,
Что-то тихо напѣваетъ,
Что-то шепчетъ, брови хмуритъ,
Словно что-то вспоминаетъ,—

Вся осыпана лучами,
Смотритъ въ небо, смотритъ въ горы
И вздыхаетъ такъ печально,
Опуская грустно взоры.

«Скучны, скучны ваши пѣсни,—
Какъ-то намъ она сказала,—
«Мнѣ весна другую пѣсню
«Лунной ночью нашептала.

«Какъ поется эта пѣсня,
«Я сама еще не знаю,—

«То, какъ будто бы припомню,
«То опять позабываю»...

IV.

Солнце скрылось. Мѣсяцъ смотритъ
Съ неба блѣдными очами.
Смѣхъ, и пѣсни, и гитары
У веранды за столами...

Смѣхъ, и пѣсни, и гитары
Разомъ смолкли у навѣса:
Въ щегольскія кастаньеты
Звонко щелкнула Инеса.

Вотъ она, вся въ блескѣ лунномъ,
Громко, весело и смѣло
Сорвала аккордъ съ гитары,
Улыбнулась и—запѣла:

«Май идетъ въ цвѣтахъ душистыхъ,
«Новой пѣсней всѣхъ чаруя,—
«Онъ поетъ о нѣгѣ страсти,
«О блаженствѣ поцѣлуя...

«Всѣ за мной! Полнѣй бокалы!
«Стройте звонкія гитары!
«Эти пѣсни—пѣсни мая,
«Въ нихъ—любви весенней чары...

«Стройте звонкія гитары!
«Гонитъ май тоску и холодъ...
«За Инесой всѣ, кто любитъ!
«За Инесой всѣ, кто молодъ!»

И задорно въ ручкѣ смуглой
Кастаньеты застучали...
«За Инесой»—дружнымъ хоромъ
Мы въ восторгѣ отвѣчали,

«За Инесой»—до полночи
Раздавались у веранды,
«За Инесой»—пѣли слуги,
«За Инесой»—пѣли гранды,—

Только звонко дрогнутъ струны,
Смуглой ручкою задѣты,
Только щелкнутъ въ смуглой ручкѣ
Щегольскія кастаньеты...

V.

Съ той поры, лишь только звѣзды
Бѣглымъ пламенемъ зажгутся,
У веранды въ честь Инесы
Серенады раздаются.

Подъ тревожный шепотъ ночи
Много разъ она любила...
Ахъ, любви такъ много, много
Въ этомъ пылкомъ сердцѣ было!..

Подъ тревожный шепотъ ночи
Много клятвъ она давала,
Но на утро эти клятвы
Простодушно забывала.

Забывала... Гдѣ же помнить?
Новыхъ встрѣчъ такъ въ жизни много,

Такъ задорно закипаетъ
Въ сердцѣ новая тревога,

Такъ смѣшно бѣгутъ за нею
Всѣ, однимъ огнемъ согрѣты,
Только крикнуть «за Инесой»
Или щелкнуть въ кастаньеты...

Гдѣ она—тамъ смѣхъ и пѣсни,
Гдѣ она—тамъ нѣтъ печали.
Даже старцы «за Инесой!»
Шаловливо напѣвали.

Донъ Алонзо, падре старый,
Тотъ, что весь въ дугу согнулся,
Разъ на рынкѣ «за Инесой»
Вдругъ запѣлъ и—улыбнулся.

Разъ алькадъ, войдя къ супругѣ,
Добродѣтельной сеньорѣ,
Началъ было «за Инесой»,
Но, конечно, бросилъ вскорѣ.

Въ пѣснѣ было столько нѣги,
Столько радости безпечной,
Что мы всѣ готовы были
Пѣть ее съ улыбкой вѣчной!

Но не такъ смотрѣли дамы.
Прежде всѣхъ жена алькада
Поняла, что въ этомъ дѣлѣ
Не безъ темной силы ада.

И, конечно, нашимъ дамамъ
Было очень непріятно,

Что мужья ихъ льнутъ къ Инесѣ
Изъ-за бѣса, вѣроятно.

«Бѣсъ въ Инесѣ»,—злятся жены,
На мужей съ утра сердиты,
«Бѣсъ въ Инесѣ»,—грустно шепчутъ
Молодыя сеньориты,

«Бѣсъ въ Инесѣ»,—съ строгимъ видомъ
Говорятъ печально вдовы,—
«Это онъ, конечно, гонитъ
Всѣхъ мужчинъ въ ея оковы».

Спозаранку въ каждомъ домѣ
Поднимались крикъ и споры,
Только скоро прекратились
Всѣ пустые разговоры.

Слыша споры, видя смуту,
Кардиналъ Хуанъ Саградо
Разсудилъ, что изъ Инесы
Бѣса выгнать очень надо.

Зналъ Саградо, что испанки
Духомъ бѣдны, сердцемъ слабы,
И хотѣлъ, чтобы Инеса
Вечеркомъ къ нему зашла бы.

Злыя чары злого бѣса
Самъ Саградо зналъ когда-то
И послалъ позвать Инесу
Расторопнаго аббата.

Обѣщалась. Но—забыла...
Все ее тянуло къ аду:

Молодые пикадоры
Ей давали серенаду.

Въ этотъ вечеръ у веранды
Такъ луна свѣтила ясно,
Что Инесу ди-Саградо
Цѣлый вечеръ ждалъ напрасно.

Оказалось, что въ Инесѣ
Бѣсъ силенъ и мало вѣры...
Ну, тогда Саградо принялъ
Ужъ совсѣмъ другія мѣры.

VI.

Подземелье. На колонны
Давятъ каменные своды.
Словно тѣни вѣчной ночи,
Здѣсь проходятъ дни и годы.

Лишь порой на эти своды
Вѣетъ пламя дымомъ чернымъ,
Въ черныхъ маскахъ чьи-то тѣни
Молча ходятъ передъ горномъ,

Пахнетъ дымъ смолой и сѣрой,
Поднимаясь надъ котлами,
Длинный воротъ темной дыбы
Глухо звякаетъ цѣпями.

Клещи, крючья, гвозди, цѣпи,
Черезъ блокъ ползутъ канаты,
На жаровни мечутъ уголь
Раскаленныя лопаты,—

Лишь порой глухіе стоны
Здѣсь полны безумной муки,
И подъ сводами, тревожно
Замирая, гаснутъ звуки.

На столѣ, вдали отъ горна,
Три свѣчи тогда мерцаютъ,
Три монаха въ маскахъ черныхъ
Свитки длинные читаютъ,

Замирая гаснутъ стоны,
На столѣ дымятся свѣчи,—
Секретарь согнувшись пишетъ
Въ книгу пыточныя рѣчи.

Подземелье. Звонъ желѣза.
Три свѣчи и три монаха.
Словно тѣнь, къ столу Инеса
Подошла, дрожа отъ страха.

О, какъ страшны эти своды,
Эти звуки, эти тѣни!
И Инеса съ дѣтскимъ плачемъ
Опустилась на колѣни.

Чей то голосъ властный, строгій...
Гдѣ она его слыхала?
«Это—самъ Хуанъ Саградо,
Это голосъ кардинала...»

VI.

«Древній змій добычи новой
«Ищетъ нынѣ въ нашемъ стадѣ.

*

«Станемъ, братіе, на стражѣ:
«Лютый врагъ у насъ въ оградѣ

«Древній змій вратами плоти
«Входитъ въ сердце, душу губитъ.
«Горе грѣшной плоти, горе,
«Если врагъ ее полюбитъ!

«Чтобъ сберечь отъ смерти душу,
«Чтобъ спасти ее отъ ада,
«Плоть терзать и мучить тѣло
«Въ этомъ тлѣнномъ мірѣ надо.

«Отъ огней геенны вѣчной
«Мы земнымъ огнемъ спасаемъ.
«Только мы всѣ козни ада
«Въ чадахъ бренной персти знаемъ.

«Вѣрь, дитя,—отъ вѣчной муки
«Мы тебя спасти желаемъ.
«Мы къ тебѣ съ любовью руки,
«О, Инеса, простираемъ».

Возложивъ съ любовью длани
Надъ головкою мятежной,
Наклонился къ ней Саградо
И шепнулъ съ улыбкой нѣжной:

«О, дитя! Отринь соблазны,
«Отжени отъ сердца бѣса...
«Я безумецъ... Я страдаю...
«Пожалѣй меня, Инеса...»

VIII.

Ночь. Тюрьма. Въ углу солома.
На стѣнѣ ночникъ мерцаетъ.
У стола сидитъ Инеса
И печально размышляетъ.

«Какъ мнѣ страшно! Какъ мнѣ скучно!
«Бѣсъ во мнѣ, а я—не знала...
«До сихъ поръ еще ни разу
«Я его не замѣчала...

«Какъ онъ могъ въ меня забраться?
«И чего ему тамъ надо?
«Ахъ, какъ страшно и сердито
«Говорилъ о немъ Саградо!

«Если бѣса выгнать можно,
«Надо гнать его скорѣе:
«Мнѣ совсѣмъ не до разсказовъ
«О какомъ-то старомъ змѣѣ.

«А какой онъ въ маскѣ страшный!
«Только слышишь: муки, муки...
«Что же? Здѣсь въ тюрьмѣ, конечно,
«Я съ ума сойду отъ скуки...»

Грустно, бѣдная Инеса
Надъ столомъ въ слезахъ согнулась...
Но... подумавъ... быстро встала,
И—сквозь слезы—улыбнулась...

«Онъ шепталъ мнѣ... Что такое?
«Чтобъ его я пожалѣла?

«Я... его?.. Ахъ, да... Конечно!
«Понимаю, въ чемъ тутъ дѣло...

— Эй, тюремщикъ! Сторожъ! Гдѣ вы?
Мнѣ васъ видѣть очень надо...
Эй, кого-нибудь пошлите
Къ кардиналу ди-Саградо!

— Пусть онъ знаетъ, что отъ страха
Здѣсь съ ума сойдетъ Инеса,
Что она давно готова
Отогнать отъ сердца бѣса,

— Что тюрьма съ ея соломой
Ей ужасно надоѣла,
Что она теперь сердечно
Кардинала... пожалѣла...

IX.

Подземелье. На колонны
Давятъ каменные своды.
Словно тѣни вѣчной ночи,
Здѣсь проходятъ дни и годы.

Три свѣчи. По сводамъ эхо,
Чей-то голосъ повторяетъ:
Секретарь письмо Саградо
Ровнымъ голосомъ читаетъ:

«Въ эту ночь темничный сторожъ
«Намъ донесъ, что козни бѣса
«Поняла смиреннымъ сердцемъ
«И отринула Инеса:

«Грѣхъ ея омыли слезы
«Сокрушенья и печали.
«Мы сегодня на разсвѣтѣ
«Изъ тюрьмы Инесу взяли.

«Чтобъ помочь ей въ битвѣ трудной
«Чтобъ спасти ее отъ ада,
«Намъ еще, конечно, много
«Потрудиться съ нею надо.

«Врагъ силенъ. Змѣиной лести
«Надо съ корнемъ вырвать сѣмя.
«А для этого, конечно,
«Нужны силы, нужно время.

«Посему, дабы какъ должно
«Дать отпоръ нечистой силѣ,
«На своей приморской виллѣ,
«Мы Инесу помѣстили.

«О грѣхахъ въ уединеньи
«Ей теперь подумать надо».
Нумеръ. Годъ, число и мѣсяцъ.
Ниже подпись: «ди-Саградо».

Три свѣчи. По сводамъ эхо
Чей-то голосъ повторяетъ:
Предсѣдатель трибунала
Резолюцію читаетъ.

— Что же спорить съ ди-Саградо?
Какъ сказалъ онъ, такъ и будетъ:
Пусть Инеса, сколько надо,
У него пока побудетъ...

X.

На пологомъ спускѣ къ морю,
Надъ лазурными волнами
Вся въ рѣзныхъ балконахъ вилла
Притаилась за садами.

На аллеи тѣнь бросаютъ
Въ полдень дубы и каштаны,
Чуть звеня, алмазной пылью
Разсыпаются фонтаны.

Здѣсь, свой духъ постомъ смиряя,
Заперлась отъ насъ Инеса:
Каждый вечеръ ди-Саградо
Изъ нея гоняетъ бѣса.

Въ этомъ очень трудномъ дѣлѣ
Старый мастеръ ди-Саградо.
Здѣсь, конечно, много силы
И припасовъ разныхъ надо.

Каждый вечеръ осликъ умный
Важно шествуетъ по склону,
Каждый вечеръ онъ подходитъ
Съ новой ношею къ балкону:

Книги въ толстыхъ переплетахъ,
Серьги, кольца и браслеты,
Желтый ладонъ, ароматы,
Тамбурины, кастаньеты,

Ткани, шелкъ, щипцы, кораллы,
Власяницы и вериги,

Аликанте въ узкихъ фляжкахъ,
Фрукты, сласти, снова книги,

Вѣера, бичи, мантильи,
Гвозди, цѣпи, жемчугъ старый
И съ серебряной рѣзьбою
Въ лентахъ шелковыхъ гитары.

У ограды подлѣ виллы
Я люблю бродить порою:
Каждый вечеръ чья-то пѣсня
Раздается за стѣною.

Гдѣ я слышалъ эту пѣсню?
У Инесы?.. Или... Гдѣ же?
И мотивъ... какъ будто тотъ же,
И слова какъ будто... тѣ же...

29 нояб. 1900 г.

СТРАБА ЖЕЛАНИЧЪ.

(Чешское преданіе).

I.

Властиславъ, лучанскій воевода,
Рать готовитъ, чтобъ идти на Прагу,
Взять въ полонъ Неклана въ Вышеградѣ,
Княземъ сѣсть надъ чешскою землею.
Шлетъ пословъ онъ по землѣ лучанской
Поднимать лучанъ своихъ на чеховъ.

II.

Отъ села къ селу, отъ рода къ роду,
Черезъ Огру, черезъ Брезеницу
Кличутъ кличъ послы отъ воеводы,
На Неклана землю поднимаютъ.

Впереди—посолъ съ двумя мечами,
О бокъ съ нимъ—суровый мужъ съ арканомъ,
А за ними на коняхъ дружина.
Первый мечъ—на поясѣ ременномъ,
А второй—посолъ передъ собою
Не спуская держитъ всю дорогу.
Это мечъ желѣзный Властислава,
Всей землѣ его посолъ желѣзный.
За мечемъ везетъ арканъ изъ лыка
Грозный вѣстникъ гнѣва воеводы.

Мчатся кони,—имъ вездѣ дорога,
Мчатся кони,—устали не знаютъ,
Отъ села къ селу, отъ веси къ веси
За посломъ летитъ его дружина.

III.

Въ каждой веси ждутъ посла лучане,
Ждутъ посла съ его мечемъ желѣзнымъ:
По мечу верстаютъ годныхъ къ бою.
Меньше ростомъ,—оставайся дома,
Вровень съ нимъ,—бери топоръ и стрѣлы,
Соколъ есть,—бери его съ собою,
Ловчій песъ—и псу найдется дѣло:
По мечу ты больше не ребенокъ,
Годенъ къ бою, нуженъ воеводѣ.

Въ каждой веси ивовую палку
Подаетъ послу оруженосецъ.
Сколько родъ бойцовъ поставитъ въ поле,
По зарубкамъ самъ посолъ считаетъ
И ножемъ желѣзнымъ мѣтитъ палку.
Кончитъ счетъ, махнетъ мечемъ желѣзнымъ,
Развернетъ въ рукахъ арканъ изъ лыка,
Скажетъ: «тотъ, кто не поспѣетъ къ сроку,—
Вотъ арканъ,—подохнетъ на арканѣ»—
И съ дружиной дальше въ путь поѣдетъ.

Такъ пошло еще у дѣдовъ старыхъ,
Такъ и нынѣ стало за обычай.

IV.

За рѣками, гдѣ шумятъ пороги,
Подлѣ горъ, гдѣ въ дикихъ грудахъ камни
По болотамъ топкимъ навалились,
Гдѣ чужому не найти дороги.—
Съ старыхъ дней сидятъ въ лѣсахъ хлумчане,
Крѣпки тѣломъ, въ битвахъ сердцемъ люты,
Живы, сыты отъ звѣриной ловли.
Въ волчьихъ шапкахъ и косматыхъ шкурахъ
Съ топоромъ выходятъ на медвѣдя,
Гонятъ псовъ по вепрю и по волку,
Ѣздятъ въ поле съ соколомъ на птицу.

Только имъ посолъ промолвилъ слово,
Только кверху мечъ желѣзный поднялъ,
Всколыхнулись,—какъ одинъ, всѣмъ родомъ
Поднялись, мечемъ не надо мѣрить:
Встали всѣ отъ мала до велика,
Рвутся въ бой, какъ звѣри на добычу.
Въ ихъ рукѣ не дрогнетъ тяжкій молотъ,
Въ топоры имъ биться за обычай,
Злые псы пойдутъ на человѣка,
Ловчій кречетъ съ соколомъ проворнымъ
Пригодятся и въ кровавой сѣчѣ.

Встали разомъ, всѣ готовы къ бою,
Словно только первой ждали вѣсти.

V.

Подъ горой, у лѣса, надъ болотомъ
Крѣпкій тынъ изъ темныхъ старыхъ бревенъ

Стариками дѣдами поставленъ.
Съ старыхъ дней посѣли тамъ желане,
Старый родъ въ хлумчанскомъ старомъ родѣ.

Покачнулись, почернѣли стѣны,
Поросли зеленымъ мохомъ крыши,
У сѣней столбы порасшатались,
Но живутъ въ довольствѣ звѣроловы.

Водитъ ихъ на битву статный Страба,
По отцу и дѣду первый въ родѣ.
Дворъ широкъ, и домъ его просторенъ.
Въ немъ живетъ онъ съ мачихой старухой,
Да съ женою, молодой чехиней.

Не женой порогъ переступила
Въ домѣ Страбы блѣдная чехиня,
Не женой, а дѣвой полонянкой.
За сѣдломъ, скрутивъ арканомъ руки
Плѣнной дѣвѣ, мчалъ свою добычу,
Изъ набѣга возвращаясь, Страба.

Даромъ дались, сплоховали чехи,—
Подпустили вороговъ подъ стѣны,
Не успѣли перенять дорогу,
Завалить ворота не успѣли.
Подлетѣлъ, какъ коршунъ, къ тыну Страба,
Въ ворота желане съ нимъ пробились,
Смяли чеховъ, выбили юнаковъ,
Женъ съ сѣдла рубили топорами,
Старыхъ дѣдовъ копьями кололи,
Тынъ зажгли, ворота разметали,
На спѣхъ брали по домамъ добычу.

Тутъ завидѣлъ блѣдную чехиню
На крыльцѣ высокомъ статный Страба.
По крыльцу съ заржавленной сѣкирой
Сивый дѣдъ сходилъ въ рубахѣ бѣлой—
На порогѣ съ ворогами биться.
Сшибъ копьемъ могучій Страба дѣда,
Поднялся, схватилъ въ обхватъ чехиню,
На сѣдло съ размаха перекинулъ
И къ воротамъ полетѣлъ съ добычей.

Изъ набѣга къ мачихѣ старухѣ
Онъ привезъ рабыню полонянку.

Слово-ль знала блѣдная чехиня,
Надъ питьемъ-ли наговоръ шептала,
Иль слѣды брала за нимъ съ дороги,—
Только къ ней пришелъ могучій Страба
И сказалъ: «не быть тебѣ рабыней,
Будь отнынѣ мнѣ женою, дѣва».

Ничего чехиня не сказала,
Только низко голову склонила.

Съ той поры она хозяйка въ домѣ,
Ткетъ холсты, беретъ въ колодахъ соты,
Варитъ медъ, хранитъ и сушитъ шкуры,
Держитъ домъ, обѣдъ готовитъ мужу,
Ждетъ его у очага съ охоты,—
Но молчитъ, не скажетъ даромъ слова,
Мужъ войдетъ, она не улыбнется,
Съ нимъ на пѣсни не пойдетъ къ воротамъ,
По веснѣ вѣнковъ не заплетаетъ.

Только ночью, если пусто въ домѣ,
Если мѣсяцъ надъ землей не свѣтитъ,

У окна порой она садится
И поетъ невѣдомую пѣсню.

Что поетъ, сказать никто не можетъ,
Этихъ словъ не помнятъ даже дѣды,
Но томитъ и сердце мучитъ пѣсня,
Будто плачетъ по веснѣ кукушка,
Будто воетъ за горой волчица,
Будто воронъ стонетъ надъ убитымъ.

А старуха мачиха уходитъ
Ночью въ горы, бродитъ по болотамъ,
Собираетъ травы и коренья,
Надъ цвѣтами заклинанья шепчетъ.
Вѣщимъ словомъ изъ могилы дѣдовъ
Поднимаетъ у костра колдунья,
Смотритъ въ воду, говоритъ съ богами,
До росы сидитъ подъ старымъ дубомъ,
Тайны жизни у судьбы пытаетъ.

VI.

Мечъ желѣзный и арканъ изъ лыка
Привезли послы отъ Властислава.
Встрѣтилъ ихъ въ воротахъ статный Страба,
Кликнулъ кличъ, собралъ свою дружину
И сказалъ: «желане будутъ къ сроку,
«Не придется ждать ихъ воеводѣ,
«По мечу имъ мѣриться не надо:
«Мы встаемъ всѣмъ родомъ на Неклана».

Страба мечъ свой точитъ на точилѣ,
Тетивою крѣпкій лукъ сгибаетъ,

Со стѣны снимаетъ для похода
Шлемъ изъ кожи съ обручемъ желѣзнымъ,
Въ табунѣ коня арканомъ ловитъ,
За сѣдломъ кладетъ тяжелый молотъ.

Подаетъ ему ремни чехиня,
Подъ сѣдло тяжелый мѣхъ приноситъ,
Хлѣбъ и сыръ готовитъ для похода,
Снаряжаетъ мужа къ лютой сѣчѣ,—
Но молчитъ и губъ не разжимаетъ,
Не подниметъ даже глазъ на мужа.

Тихо къ Страбѣ мачиха подходитъ,
«Только солнце сядетъ,—шепчетъ тихо,—
Приходи въ ущелье за болотомъ:
Тамъ въ дыму тебѣ скажу я слово».

VII.

На закатѣ, по опушкѣ лѣса,
Вдоль болота шелъ къ ущелью Страба.

Вѣтеръ вылъ протяжно надъ болотомъ,
Съ чахлой ольхи рвалъ гнилые сучья,
Тростники надъ омутами гнулись,
Нагибалась верба надъ камнями,
Въ сизыхъ тучахъ заходило солнце.

Отъ болота повернулъ къ ущелью
Подлѣ темной старой липы Страба.

Солнце скрылось, скалы потемнѣли,
Въ голыхъ сучьяхъ птицы заметались,

Вѣтеръ съ визгомъ рвался изъ ущелья,
По сырымъ камнямъ скользили ноги.

У скалы подъ темнымъ дубомъ искры
Отъ костра по вѣтру разлетались.
За костромъ, согнувшись надъ клюкою,
Вся въ дыму, въ огонь вперяя очи,
Неподвижно вѣщая стояла.
Нѣтъ узловъ въ ея одеждѣ бѣлой,—
Не застегнутъ воротъ у рубашки,
Не завязанъ поясъ подъ грудями,
Ноги босы, волосы сѣдые
Безъ повязки падаютъ на плечи.

Сѣрыхъ глазъ она не отводила
Отъ огня, согнувшись надъ клюкою,
Но, когда передъ костромъ за дымомъ
Страба сталъ, нагнулась надъ камнями,
Подняла нашептанныя травы
И наотмашь ихъ въ огонь метнула
И запѣла, заклиная чары:
«Мгла за мною, мгла передо мною,
Мгла за дымомъ,—сгинь ты, вражья сила!».

Бѣлый дымъ подъ дубомъ заклубился,
Потянулся по стволамъ деревьевъ,
По сучкамъ до маковокъ поднялся,
До вершинъ закуталъ плотно скалы,
Разошелся по всему ущелью.
Страба видѣлъ только дымъ, да пламя,
Да сквозь дымъ въ упоръ глаза колдуньи.

«Подойди,—она ему сказала,—
Жребій твой въ огнѣ я вижу, Страба».

VIII.

Бѣлый дымъ клубится по ущелью,
У костра стоитъ могучій Страба,
Отъ огня, согнувшись надъ клюкою,
Сѣрыхъ глазъ колдунья не отводитъ.

Вдругъ она всѣмъ тѣломъ задрожала,
Отъ костра поспѣшно отшатнулась,
Надъ огнемъ свой посохъ протянула,
Будто что-то оттолкнуть хотѣла.
Дыбомъ встали волосы сѣдые,
Вѣщимъ страхомъ загорѣлись очи
И, какъ клекотъ коршуна надъ бездной,
Хриплый вопль пронесся за туманомъ.
«Вижу, боги. Горе! Горе! Горе!
Расплелись, безсильно пали чары,
Одолѣла чешская колдунья!
Я сильна, она меня сильнѣе.
Уступаю. Горе! Горе! Горе!»

Бѣлый дымъ клубится по ущелью,
У костра стоитъ могучій Страба,
Отъ огня, согнувшись надъ клюкою,
Сѣрыхъ глазъ колдунья не отводитъ.

«Вижу, боги, тайны дней грядущихъ,—
Вновь за дымомъ говоритъ колдунья.—
Слушай, Страба, что судили боги.
Будетъ битва, вы начнете битву,
Но назадъ дороги вамъ не будетъ.
Свищутъ стрѣлы, льется кровь ручьями,
Всюду гибель, падаютъ лучане,

Наступаютъ тѣснымъ строемъ чехи,
Одолѣли, прочь идутъ съ добычей,
Кровь и кровь, въ оврагѣ воютъ волки,
Закричалъ съ осины вѣщій воронъ,
Надъ землей лучанской мгла и тучи,
По бойцамъ могучимъ плачутъ жены,
Дѣвы ждутъ полона и неволи,
Гордымъ чехамъ дань несутъ владыки».

Бѣлый дымъ клубится по ущелью,
У костра стоитъ могучій Страба,
Отъ огня, согнувшись надъ клюкою,
Сѣрыхъ глазъ колдунья не отводитъ.

«Вижу, боги, тайны дней грядущихъ,—
Вновь за дымомъ говоритъ колдунья.—
Ты одинъ домой вернешься, Страба,
Но зарокъ на жребій твой положенъ.
Сдѣлай все въ день битвы по зароку.
Ворогъ твой тебя тамъ первымъ встрѣтитъ.
Бей его копьемъ, но не до смерти,
Изъ сѣдла ударомъ только выбей.
Соскочи съ коня къ нему на землю,
Шлемъ сорви, отрѣжь живому уши,
Въ сумку брось, садись въ сѣдло и на спѣхъ
Мчись домой изъ грозной лютой сѣчи.
Будетъ кто-то плакать за тобою,
Звать назадъ, грозить тебѣ погоней,
Духи ночи черными тѣнями
Надъ тобой нагнутся и зашепчутъ,
Съ голыхъ сучьевъ вороны застонутъ,
Въ перегонъ съ конемъ помчатся волки,
На рѣкѣ у брода новый омутъ
Бѣлой пѣной перейметъ дорогу,—

*

Не пугайся, бей коня сильнѣе:
Только дома ворогъ твой безсиленъ.
Сдѣлай такъ, какъ я тебѣ сказала,
А не то—не жить тебѣ на свѣтѣ».

Поднялось и сразу скрылось пламя,
Смолкла вдругъ колдунья и пропала,
Только гдѣ-то глухо крикнулъ воронъ,
Да ручей проснулся за туманомъ,
И вода протяжно зашумѣла.

Изъ ущелья тихо вышелъ Страба
И пошелъ вдоль лѣса надъ болотомъ.

IX.

Надъ бездоннымъ омутомъ въ болотѣ
Огоньки то гасли, то горѣли,
Не по вѣтру съ шумомъ гнулась верба,
Шевелились сучья старой липы,
Будто что-то въ темнотѣ ловили,
Налетали тучи другъ на друга,
Отъ бѣды незримой убѣгая.
Слышалъ Страба вѣщій шорохъ ночи,
Видѣлъ тѣни на скалахъ въ туманѣ.

Вотъ и тынъ. Вздохнулъ глубоко Страба,
Поблѣднѣли и пропали тѣни,
Шорохъ стихъ, и улеглась тревога,
Перестало колотиться сердце.

Подошелъ къ своимъ воротамъ Страба.
Тихо было на дворѣ и въ домѣ, —
Не шептались у крыльца деревья,

За кустами окна не свѣтились,
Не клубился дымъ надъ темной крышей,
Лютый песъ на привязи не лаялъ.
Конь не ржалъ у стойла подъ навѣсомъ.

По крыльцу поднялся въ сѣни Страба,
Отперъ дверь—и замеръ на порогѣ.

Въ полной мглѣ чехиня тихо пѣла
У окна невѣдомую пѣсню.
Мѣрно плыли звуки другъ за другомъ,
Тихой грустью жалобы звучали,
У окна печальный нѣжный голосъ
Въ одинокой скорби изливался.
Что она той пѣсней заклинала
И о чемъ въ потемкахъ ворожила?

Пошатнулся у порога Страба,
Сжалось сердце, подкосились ноги,
Онъ присѣлъ на лавку у порога,
Посмотрѣлъ къ окну и въ вѣщемъ страхѣ
«Что поешь?»—спросилъ онъ у чехини.

Ничего чехиня не сказала,
Только сразу оборвала пѣсню
И застыла въ думѣ, какъ нѣмая.

X.

На равнинахъ турскихъ стали чехи,
Ждали битвы подъ селомъ Хейновскимъ.

Тяжело ударили лучане,
Крѣпко бились, дружно наступали,

Велъ ихъ въ битву грозный воевода,—
Но не имъ побѣду дали боги:
Въ лютой сѣчѣ одолѣли чехи,
Разметали грозныя дружины,
Переняли у враговъ дороги,
Обошли, со всѣхъ сторонъ сдавили
И лучанъ въ кровавой схваткѣ смяли.

Не сдавались гордые лучане,
Не просили у враговъ пощады,
Изъ кровавой сѣчи не бѣжали,
Рядъ за рядомъ падали на землю,
Подъ мечами падалъ мужъ за мужемъ

Только Страба ускакалъ изъ битвы
Раннимъ утромъ, при началѣ боя.
Все исполнилъ Страба по зароку,
Сдѣлалъ все, какъ мачиха велѣла,
Только крѣпко въ недруга ударилъ
И домой съ кровавою добычей
Отъ села Хейновскаго помчался.

Поднялось, высоко стало солнце,
Перешло за полдень, наклонилось
Въ алыхъ тучкахъ низко надъ горами,
По дорогамъ протянулись тѣни,
Отгорѣли. потемнѣли тучи,
Ночь настала, поползли туманы
По низинамъ, стали надъ болотомъ,
Въ темномъ небѣ загорѣлись звѣзды,
Красный мѣсяцъ поднялся надъ боромъ,
Закричалъ въ лѣсу протяжно филинъ,
Стаей вышли на добычу волки,
Сталъ блѣднѣть на темномъ небѣ мѣсяцъ,

Меркнуть стали звѣзды въ темномъ небѣ,—
Страба мчался, надъ лукой согнувшись,
Щитъ закинувъ на ремнѣ за спину.

У воротъ въ родной деревнѣ Страба
Соскочилъ съ коня передъ разсвѣтомъ.

XI.

Тихо было на дворѣ и въ домѣ.
Только вдругъ ворота распахнулись,
Вышли жены въ бѣлыхъ покрывалахъ,
Увидали Страбу и сказали:
«Не къ добру домой пріѣхалъ Страба».

Привязалъ коня къ колодѣ Страба,
По крыльцу поднялся тихо въ сѣни,
У дверей тяжелый щитъ поставилъ,
Отперъ дверь—и замеръ на порогѣ:
Тамъ, на лавкѣ, подъ покровомъ бѣлымъ
Въ сѣрой мглѣ передъ окномъ раскрытымъ
Чье-то тѣло мертвое лежало.

Подошелъ къ окну шатаясь Страба,
Надъ лицомъ откинулъ покрывало,
Посмотрѣлъ—и отступилъ въ испугѣ:
Передъ нимъ его жена лежала,
На ея груди чернѣла рана.

Отъ порога мачиха старуха
Подошла и, наклонившись къ Страбѣ,
«Подними ей волосы»—сказала.

Страба поднялъ. Тамъ, гдѣ были уши,
Онъ увидѣлъ двѣ кровавыхъ раны.

Молча Страба въ сумку руку сунулъ,
Вынулъ уши, что привезъ изъ битвы,
И приставилъ ихъ къ кровавымъ ранамъ.
Подошли къ кровавымъ ранамъ уши.

Вздрогнулъ Страба, опустились руки,
Все въ глазахъ заволокло туманомъ,
Сразу въ жилахъ кровь похолодѣла,
Сжалось сердце, духъ перехватило.

Долго онъ стоялъ передъ чехиней,
Долго онъ не могъ наладить думы.
Понялъ Страба, кто ему былъ ворогъ,
Кто съ нимъ бился подъ селомъ Хейновскимъ.

«Знала-ль ты?»—спросилъ онъ у старухи,
И старуха отвѣчала: «знала.
Только ты не мнѣ, а ей бы вѣрилъ.
Если-бъ я тебѣ сказала правду.
Принеси богамъ великимъ жертву:
Надъ тобой я разогнала чары».

На разсвѣтѣ вышелъ Страба въ поле
И одинъ пошелъ къ священной рощѣ.
Долго въ думахъ онъ сидѣлъ на камнѣ,
Долго слушалъ вѣщій шумъ дубравы.
И, когда онъ всталъ, вздохнулъ глубоко
И сказалъ съ печалью тяжкой въ сердцѣ:

«Знаю я, о чемъ чехиня пѣла,
«Знаю, чѣмъ она насъ заклинала.
«Пусть на насъ сбылись ея заклятья,
«Не чехиня принесла намъ гибель,
«Не чехиня: такъ судили Боги»...

4 апр. 1901 г.

НЕДОБРЫЯ ОЧИ.

Солнце, зной—и эти очи
Съ ихъ лучами, съ ихъ огнемъ!
Цѣлый день, съ утра до ночи,
Съ нею были мы вдвоемъ.

Сколько молній, сколько власти
Каждый взоръ ея таитъ!
До сихъ поръ въ истомѣ страсти
Сердце ноетъ и горитъ...

Ночь, прохлада,—надъ рѣкою
Соловей поетъ въ саду...
Вновь съ тревогой и тоскою
Я ее въ аллеѣ жду,

Я ловлю въ огнѣ желанья
Каждый шорохъ въ тишинѣ...
И встаетъ одно преданье
Предо мною въ смутномъ снѣ...

I.

Какъ-то въ Польшѣ въ дни былые
Появился страшный панъ,—
Длинный чубъ, усы сѣдые,
Шитый золотомъ жупанъ,

Рукоятка ятагана,
Поясъ, шпоры—серебро,
У алмазнаго султана
Соколиное перо...

Страшный панъ! Нездѣшней силы
Слѣдъ хранитъ его чело,
Словно тлѣніе могилы
На щекахъ его легло,

Словно онъ боится встрѣчи
На дорогѣ и въ селѣ,
Словно тяжесть давитъ плечи
И гнететъ его къ землѣ...

Скажутъ: «здравствуй», —онъ ни слова,
Только вздрогнетъ и вздохнетъ,
Да, нахмуривъ бровь сурово,
Стиснетъ зубы и уйдетъ...

Раздается надъ полями
Страшный хохотъ въ тишинѣ...
Панъ съ недобрыми очами
Появился въ той странѣ!

II.

Слухи шли, что только взглянетъ
Панъ на лугъ зеленый, —вдругъ
На лугу трава завянетъ,
Листья сыплются вокругъ, —

Только, страшный и могучій,
Панъ на небо поглядитъ,

Стонетъ вѣтеръ, таютъ тучи,
Дождь на землю не летитъ, —

Подъ недобрыми очами
Гнется ива у рѣки,
И надъ желтыми песками
Засыхаютъ тростники...

Въ полѣ парень за сохою
Прежней пѣсни не поетъ,
Въ темной рощѣ надъ рѣкою
Красной дѣвицы не ждетъ, —

Смотритъ дѣвица уныло
И не вьетъ себѣ вѣнка,
Словно сердце въ ней сдавила
Чья-то мертвая рука, —

Если въ полѣ ненарокомъ,
Сквозь покровъ бровей сѣдыхъ,
Страшный панъ недобрымъ окомъ
Вскинетъ медленно на нихъ...

III.

Жилъ у мельника въ то лѣто
Юный хлопецъ въ батракахъ.
Слышалъ онъ, что бродитъ гдѣ-то
Страшный панъ у нихъ въ поляхъ, —

Слухъ прошелъ, его видали
Пастухи во ржи густой...
Разъ онъ спитъ на сѣновалѣ,
Слышитъ, кто-то надъ рѣкой

У запруды тихо ходитъ,
Слышитъ чей-то тихій стонъ...
То не ихъ-ли панъ обходитъ?
Не его-ли ищетъ онъ?

Смотритъ хлопецъ боязливо,—
Надъ рѣкой ползетъ туманъ...
Вотъ онъ—вотъ—подъ старой ивой
У запруды страшный панъ!

Съ неба ясными лучами
Сыплетъ мѣсяцъ молодой,—
Панъ чернѣетъ за кустами,
Словно камень гробовой...

Вдругъ... далеко... прозвучали
Чьи-то стоны по рѣкѣ...
Кто-то плачетъ въ злой печали...
Кто-то вопитъ въ злой тоскѣ...

Это панъ... То онъ рыдаетъ...
Крики, стоны, хохотъ злой
Гулко роща повторяетъ
Въ лунномъ блескѣ за рѣкой,—

Словно бѣсы въ гнѣвѣ дикомъ
Тамъ ведутъ свою игру,
Словно лѣшій пьянымъ крикомъ
Гонитъ путника въ бору...

Смотритъ хлопецъ боязливо,—
Палъ на землю панъ сѣдой,
Стонетъ, корчится подъ ивой,
Бьется въ камень головой,—

Словно звѣрь голодный, воетъ,
Къ ивѣ съ хохотомъ ползетъ,
Ятаганомъ яму роетъ,
Гложетъ землю, корни рветъ...

Этой ямы, этой ночи
Бѣдный хлопецъ не забылъ:
Панъ руками вырвалъ очи
И подъ ивой ихъ зарылъ,—

И уползъ, пропалъ въ туманѣ,
Въ ночь понесъ тоску свою...
Съ той поры о страшномъ панѣ
Не слыхали въ томъ краю.

IV.

Панъ пропалъ... Но съ этой ночи
Бродитъ хлопецъ самъ не свой:
Помнитъ онъ, гдѣ злыя очи
Въ землю пряталъ панъ сѣдой!

Лунной ночью спать не можетъ,
За работой ночи ждетъ:
Той тоски, что сердце гложетъ,
Самъ, бѣдняга, не пойметъ...

Ночь. Луна. Вода, сверкая
Въ лунномъ блескѣ, тихо спитъ...
Къ старой ивѣ изъ сарая
Съ ломомъ хлопъ, какъ воръ, спѣшитъ...

Ближе... Вотъ... какъ сердце бьется!
Въ головѣ стоитъ туманъ...

Не надъ нимъ-ли то смѣется
Изъ-за ветелъ страшный панъ?

Здѣсь... за дѣло!.. Здѣсь могила
Панскихъ глазъ: земля рыхла,—
Здѣсь навѣкъ ихъ вражья сила
Въ мертвой немочи легла!..

Вдругъ... Какъ молнія изъ тучи,
Въ блескѣ, въ пламени лучей,
Брызнулъ къ небу, снова жгучій,
Знойный взоръ лихихъ очей!..

Докопался хлопецъ бѣдный!..
Опаленный злымъ огнемъ,
У запруды, страшный, блѣдный,
Онъ заснулъ послѣднимъ сномъ...

Глупый хлопъ!.. А я—умнѣе?
Мало солнца, мало дня,—
При лунѣ я жду въ аллеѣ
Прежнихъ молній и огня!..

Или въ легкой дымкѣ ночи
Прежней силы нѣтъ въ огнѣ?
Или гаснутъ эти очи
На свиданьи при лунѣ?

Вотъ она... Какъ сердце бьется!..
Жду, дыханье затаивъ...
А она... она смѣется!..
Охъ,—и мнѣ смѣшно: я живъ!.

30 января 1899 г.

А. С. ПУШКИНУ.

Тобой, поэтъ, полна земля родная,
Въ ея любви ты славенъ и великъ,—
Уже давно отъ края и до края
Назвалъ тебя всякъ сущій въ ней языкъ,

Уже давно поетъ въ простомъ напѣвѣ
Твои слова надъ колыбелью мать,
Въ твоихъ стихахъ признанья милой дѣвѣ
Уже давно намъ сладко повторять.

Изъ рода въ родъ, въ сіяньи вѣчно новомъ,
Чаруя слухъ, идетъ твоя мечта,
Давно живетъ твоимъ волшебнымъ словомъ
И наша мысль, и наша красота.

Сквозь даль вѣковъ смотрѣлъ ты зоркимъ окомъ.
Широкій міръ открылся предъ тобой,—
Но ты не сталъ чужихъ боговъ пророкомъ,
Ты къ правдѣ шелъ дорогой не чужой.

Какъ другъ и вождь, въ дни скорби и печали
Ты насъ училъ, какъ родину любить,—
Родной земли забытыя скрижали
Тобой, поэтъ, намъ стали говорить.

Тобой живутъ завѣтныя преданья,
Минувшихъ дней плѣнительные сны,
Ты разбудилъ въ живомъ очарованьи
Волшебный міръ далекой старины.

Въ глухой степи ты понялъ сонъ кургана,
Могучихъ дѣдовъ думы разгадалъ...
Звенятъ мечи, поетъ струна баяна,
На синемъ морѣ плещетъ темный валъ.

Князь ласковый, князь-солнышко пируетъ,
Тотъ пиръ честной, тѣ пѣсни—до зари...
Но близокъ врагъ, княжна въ плѣну тоскуетъ,
И въ грозный бой идутъ богатыри.

То молодость, то дни весны и ласки,
Веселый Май проходитъ надъ землей,—
Волшебный міръ старинной русской сказки
Опять живетъ волшебной красотой.

Но дни пришли суровой русской были,—
Какъ ночи тѣнь, надъ родиной легли.
Тогда, поэтъ, съ тобой заговорили
Черезъ вѣка строители земли.

Ты понялъ ихъ. Тяжелый трудъ державный
Ты оцѣнилъ въ суровой ихъ борьбѣ.
Чтобъ выковать народу жребій славный,
Не уступить измѣнчивой судьбѣ,

Великій Петръ держалъ рукой желѣзной
Въ дни мятежей державныя бразды,
Въ борьбѣ съ враждой, слѣпой и безполезной,
Не опустилъ натянутой узды.

Ты въ немъ любилъ могучій русскій геній,
Великихъ думъ стремительный полетъ,—
Ты видѣлъ въ немъ для новыхъ поколѣній
Родной зари торжественный восходъ.

Ты былъ въ твой вѣкъ, въ тѣ сумрачные годы,—
Печальная и смутная пора!—
Почти одинъ апостоломъ свободы,
Отъ новыхъ дней ждалъ славы и добра.

И день насталъ, судьбой опредѣленный!
То былъ твой день, зажглась твоя заря!
Сбылась мечта: «народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя...»

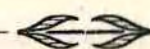
Могучій гимнъ поетъ святая лира,
Въ ней все любовь, въ ней ненависти нѣтъ,—
Она полна гармоніи и мира...
О, какъ легко любить тебя, поэтъ!

Задумчивый, младенчески-прекрасный,
Ты зла не зналъ, ты мести не служилъ,—
Какъ свѣтлый духъ, ты видѣлъ мыслью ясной
Всю мощь добра, всю немощь темныхъ силъ.

То русскій духъ, то звуки намъ родные,
Родной земли разгаданный языкъ!..
Ты будешь жить, пока живетъ Россія,
Въ ея любви и славенъ, и великъ...

Съ тобой нашъ путь! Съ тобой молчитъ тревога!
Въ тебѣ залогъ и славы, и побѣдъ.
Вотъ новый вѣкъ стучится у порога...
—Благослови грядущій вѣкъ, поэтъ!

7 мая 1899 года.

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Вѣкъ минувшій, вѣкъ тревожный,
Полный бѣдъ и славы ложной,
Полный мощныхъ, славныхъ дѣлъ,
Началъ ты, пѣвецъ Свѣтланы,
Ты сквозь ранніе туманы
День грядущій разглядѣлъ.

Какъ теперь—при насъ, при внукахъ,—
Новый вѣкъ рождался въ мукахъ.
Ты ребенка принималъ,
Старый пѣстунъ, отъ купели,
Ты стоялъ у колыбели
И его благословлялъ.

Дѣды шли тогда съ тревогой
Въ первый разъ другой дорогой,
Новыхъ словъ языкъ искалъ.
Чтобъ вести ихъ къ цѣли дальней,
Ты стоялъ у наковальни,
Старый мастеръ, и ковалъ,—

Ты ковалъ, чеканилъ слово,
Чтобъ оно было готово
Встрѣтить новыхъ думъ прибой,
И на твой призывъ кипучій
Подалъ голосъ свой могучій
Пушкинъ въ пѣснѣ молодой.

Вѣщій сердцемъ, вѣщій духомъ,
Ты зачуялъ чуткимъ слухомъ,
Что гремитъ весенній громъ,
Громъ грядущихъ поколѣній,
Что проснулся русскій геній
И взмахнулъ своимъ крыломъ,

Что отнынѣ въ думѣ строгой
Въ даль вѣковъ своей дорогой
Русскій двинется народъ,
Что, свершая подвигъ трудный,
Онъ, хранимый силой чудной,
Въ сердцѣ Бога сбережетъ.

Въ жаждѣ правды, въ жаждѣ свѣта,
Вѣщей думою поэта
Въ тайны жизни ты проникъ—
И твой образъ величавый
На скрижалахъ русской славы
Русскимъ помысломъ великъ.

Пусть же помнятъ наши внуки
Первыхъ русскихъ пѣсенъ звуки,
Первыхъ русскихъ думъ полетъ,—
Пусть твой образъ благородный
Вѣчно въ памяти народной,
Въ русской памяти живетъ.

14 апрѣля 1902 года.

ПАМЯТИ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Полонскій... Сколько думъ, какихъ завѣтныхъ думъ
Среди друзей разбудитъ имя это!
Съ нимъ долетитъ сквозь жизни скучный шумъ
До слуха чуткаго былая рѣчь поэта.

Его души простая красота,
Какъ сонъ любви, развѣянной годами,
Какъ сказка дѣтская, какъ дѣвичья мечта,
Дохнетъ на нихъ весенними цвѣтами.

Въ нашъ лживый вѣкъ, въ нашъ грубый вѣкъ онъ жилъ,
Но жилъ по своему,—не такъ, какъ всѣ другіе:
Какъ юноша, онъ вѣрилъ и любилъ,
Берегъ въ душѣ порывы молодые.

Онъ правды ждалъ, онъ ждалъ счастливыхъ дней...
Они придутъ, дни золотого вѣка,
Не будетъ въ мірѣ злобы и цѣпей,
Еще проснется сердце человѣка.

Зачѣмъ гадать о будущемъ съ тоской?
Вѣдь у людей любви и вѣры много,
Вѣдь съ неба солнце свѣтитъ надъ землей,
Вѣдь міръ стоитъ на вѣчной правдѣ Бога.

Задумчиво, бывало, онъ глядитъ
Куда-то вдаль, не кончивъ прежней рѣчи...

Клубится дымъ сигары. Онъ сидитъ
Передъ столомъ, накинувъ пледъ на плечи.

И какъ-то вдругъ проснется всей душой,
И оживетъ, и загорится снова
То яркимъ образомъ, то смѣлою мечтой,
То мыслью, скованной въ размѣренное слово.

И было съ нимъ такъ просто и легко,
Такъ на душѣ спокойно станавилось,
Какъ будто тѣни тучъ умчались далеко,
И солнце новыхъ дней на небѣ засвѣтилось.

Ты до конца сберегъ цвѣты твоей весны,
Въ твоихъ рукахъ, поэтъ, они не увядали.
На праздникъ твой, когда тобой мечты полны,
Мой скромный даръ тебѣ я приношу въ печали.

Какъ отзвукъ гаснущій твоей былой мечты,
Того, о чемъ тебѣ всю жизнь шептала греза,
Я приношу тебѣ послѣдніе цвѣты,
Что я сберегъ отъ нашего мороза.

5 декабря 1901 года.

ПАМЯТИ ЯНА ГУСА.

Властный пурпуръ римской тоги
Римъ не снялъ передъ крестомъ:
Въ новыхъ храмахъ тѣ же боги
Рядомъ съ новымъ алтаремъ.

Старый Римъ волчицы старой
Править міромъ не усталъ—
И себя тройной тіарой
Пастырь міра увѣнчалъ.

Ожилъ Римъ въ величьи новомъ:
Папа въ шапкѣ золотой—
И Христосъ въ вѣнцѣ терновомъ
Надъ желѣзною толпой.

Рима вѣрные вассалы,
Въ жаждѣ славы неземной,
Поднимаютъ феодалы
Въ битвахъ мечъ свой боевой.

Храмовъ мраморные своды
Обновилъ державный Римъ—
И, какъ прежде, всѣ народы
Преклонились передъ нимъ.

Воля Рима волей Бога
Будетъ міру съ этихъ дней:
Совѣсть міра у порога
Гордыхъ римскихъ алтарей.

Но съ благою вѣстью мира,
Свергнувъ иго темныхъ силъ,
Не для папы, не для клира
Въ міръ Спаситель приходилъ.

На Голгофѣ, умирая,
Всѣхъ къ Себѣ Онъ кротко звалъ,—
Всѣхъ любя, ключей отъ рая
Папѣ Онъ не завѣщалъ.

И славянской вѣры пламень
Даже Римъ не погасилъ:
Новой церкви первый камень
Здѣсь не папа положилъ.

Отъ далекаго востока,
Гдѣ не гордый Римъ царилъ,
Два апостола—пророка
Шли,—Меѳодій и Кириллъ,—

Шли къ славянамъ и вѣщали:
«Васъ Христосъ къ Себѣ зоветъ.
Ваши скорби и печали
Онъ увидитъ и пойметъ.

Онъ отнынѣ съ вами будетъ
Въ правдѣ духа Своего,
Никого Онъ не забудетъ,
Не отринетъ никого».

Это слово побѣждало
Темныхъ силъ и мракъ, и зло,—
Словно колоколъ, звучало
И сердца людскія жгло.

И когда, грозя кострами,
Римъ къ себѣ ихъ властно звалъ,—
«Богъ не въ Римѣ, Богъ—и съ нами»
Смѣло Риму Гусъ сказалъ.

Римъ костеръ для Гуса ставитъ,
Гнѣвный Римъ костеръ зажегъ,—
Гусъ до смерти Бога славитъ,
Полный вѣры: «съ нами Богъ».

Отъ костра его широко
Искры сыплются кругомъ...
Полетятъ онѣ далеко,
Вспыхнутъ вновь былымъ огнемъ,

Вѣкъ за вѣкомъ, родъ за родомъ,
Будутъ чехи ихъ беречь,
Чтобы снова всѣмъ народомъ
Новый пламенникъ зажечь,

Чтобъ въ его огнѣ сгорѣло
Зло неправды вѣковой,
Чтобъ далеко прогремѣло
Имя Чехіи родной,

Чтобы въ памяти народной
Никогда молчать не могъ
Гуса голосъ благородный
На кострѣ: «и съ нами—Богъ»

15 іюля 1903 года.

НЕЖДАННЫЙ ГРОМЪ.

Нежданный громъ! Нежданная война!
Кто ждалъ грозы отъ мирнаго Китая?
Передъ врагомъ въ былыя времена
Онъ отступалъ, меча не обнажая.

Давно дремалъ таинственный Драконъ,
Его давно бояться перестали,
Уже давно его лѣнивый сонъ
Могильнымъ сномъ въ Европѣ называли.

Издалека къ далекимъ берегамъ
Шли корабли въ невѣдомыя воды:
Разставивъ грозно пушки по бортамъ,
Купецъ сбиралъ съ чужихъ полей доходы.

Драконъ дремалъ... Оковы на него
Его враги уже давно ковали,
Его поля и мирный трудъ его
Уже давно на биржахъ продавали.

Лѣнивый сонъ—его могильный сонъ!
Никто не ждалъ съ востока грозной вѣсти:
Проснулся вдругъ таинственный Драконъ,
И цѣпи рветъ, и въ гнѣвѣ жаждетъ мести.

Тамъ льется кровь... Скорѣе, всѣ туда,—
Тушить пожаръ мятежнаго Китая!
И мчатся вдаль желѣзныя суда,
Военный флагъ по вѣтру развѣвая.

Своихъ бойцовъ на бой Европа шлетъ,
Она полна воинственной отваги,—
И русскій тамъ съ другими въ бой идетъ,
И наши тамъ побѣдно вѣютъ стяги...

Мечъ обнаженъ: кровь русская лилась...
Мечъ обнаженъ: на насъ враги напали...
Не нашей волей битва началась,
Мы новыхъ лавровъ въ битвѣ не искали.

Но—поднять мечъ... За честь страны родной,
Не для вѣнковъ обманчивой побѣды
Идутъ полки подъ русскимъ стягомъ въ бой,
Какъ прежде шли и прадѣды, и дѣды.

Кто палъ въ бою, пусть спитъ спокойнымъ сномъ:
Своихъ могилъ Россія не забудетъ,
Мысль юноши въ восторгѣ молодомъ
Съ нимъ говорить о русской славѣ будетъ.

Но въ день, когда Китай падетъ къ ногамъ
Своихъ враговъ, окованный цѣпями,
Что въ этотъ день сказать придется намъ,
Передъ Европы гордыми вождями?

Добить врага? Его твердыни сжечь?
Разграбить край подъ видомъ мести правой?
О, какъ давно знакома эта рѣчь
Въ устахъ Европы, лживой и лукавой!

Давно корысть державныхъ богачей
Толкаетъ міръ на путь борьбы преступной:
То биржа шлетъ въ просторъ чужихъ полей
Для грабежа Европы мечъ подкупный.

А что же мы? Что намъ тогда сказать?
Какъ намъ тогда рѣшать судьбы Китая?
Свою добычу злобно отбивать
И клочья рвать истерзаннаго края?

Ужель и мы въ дыму пороховомъ
На помощь шли корыстному разбою?
Нѣтъ, никогда! Сквозь пушекъ тяжкій громъ
Иная рѣчь мнѣ слышится порою:

«Нѣтъ, братья, нѣтъ! Довольно. Конченъ бой.
«Домой пора. Вы здѣсь—давно чужіе.
«Не вамъ ломать кровавою рукой
«Чужой страны устои вѣковые!

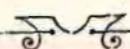
«Кто звалъ сюда васъ въ этотъ мирный край?
«Чѣмъ люди здѣсь предъ вами виноваты?
«Тѣмъ, что безъ васъ умѣетъ жить Китай?
«Тѣмъ, что моря и нивы здѣсь богаты?

«Не грабить ихъ—какъ это трудно вамъ,
«Когда весь міръ давно ограбленъ вами!
«Вы, бѣдняки, немногимъ богачамъ
«Несете дань, добытую штыками!

«Честнѣе былъ разбойникъ прежнихъ дней:
«Онъ самъ съ мечемъ шелъ въ чуждые предѣлы,
«Самъ видѣлъ блескъ сверкающихъ мечей...
«Но—трусы вы!.. Лишь ваши пушки смѣлы...

«Нѣтъ, братья, нѣтъ! Довольно. Конченъ бой.
«Насилья, лжи и крови слишкомъ много!
«Вы слишкомъ сыты злобой и враждой!
«Васъ Богъ забылъ и вы—забыли Бога».

11 іюня 1900 года.

ПРИВѢТЪ СЛОВИНЦАМЪ.

Скучно было... Подъ вечеръ Нева
Застывала въ туманѣ тяжеломъ,
Не манили ея острова
Яркой зеленью, шумомъ веселымъ.

Дождь, какъ нищій, стучался въ окно,
Туча небо кругомъ обогнула,—
И туда, гдѣ я не былъ давно,
Къ синю морю меня потянуло.

Въ забытьи полуденнаго сна
Воды спятъ на широкомъ просторѣ...
Хороша ты, морская волна!
Хорошо ты, Ядранское море!

Я смотрю, какъ вода серебромъ
Закипаетъ, шумя за кормою,
Какъ стремительно чайка крыломъ
Рѣжетъ пѣну надъ темной волною.

Вотъ навстрѣчу намъ островъ бѣжитъ.
Мрачно смотрятъ безплодныя скалы,—
А подъ ними въ водѣ—малахитъ,
Бирюза, жемчуги и опалы.

Любо все здѣсь,—изъ черныхъ очей
Взоръ южанки, блестящій и жгучій,
И на палубѣ звонкихъ рѣчей
Тихимъ вечеромъ говоръ пѣвучій.

Этотъ говоръ... И мнѣ онъ знакомъ...
Я внималъ ему часто когда-то...
Мнѣ, я помню, читали на немъ
Мелодичныя пѣсни Торквато.

Эти звуки въ терцины ковалъ
Гнѣвный Данте, тосканецъ угрюмый,—
Въ нихъ, какъ въ бронзѣ, на вѣкъ отливалъ
Леопарди печальныя думы.

Рѣчи нѣги, истомы, огня,—
Жданной встрѣчи, нежданной разлуки...
Но сквозь нихъ донеслись до меня
Непонятные, странные звуки.

Я не видѣлъ, кто былъ на кормѣ,
Но я слышалъ знакомое слово...
Эти рѣчи въ ночной полутьмѣ
Прозвучали такъ ярко и ново.

Я невольно внималъ имъ въ тоскѣ,—
Много въ сердцѣ онѣ разбудили:
Тѣ слова на родномъ языкѣ
Мнѣ о чемъ-то родномъ говорили.

Это нашъ, это русскій языкъ,—
Только что-то на югѣ съ нимъ сталось:
Къ звонкой рѣчи нашъ слухъ не привыкъ.
Тутъ не русское поле сказалось.

На горахъ по другому звучитъ
Звонкій откликъ пастушьей свирѣли,
Сине море не такъ говоритъ,
Какъ на снѣжной равнинѣ мятели.

Тамъ, гдѣ къ морю съ Альпійскихъ высотъ
Многоводная Сава сбѣгаетъ,
Нашимъ словомъ словинскій народъ
Все въ родной сторонѣ называетъ.

Край ихъ бѣденъ. Въ борьбѣ вѣковой
Тяжкій жребій имъ выпалъ на долю:
Только пѣсня имъ скажетъ порой
Про старинную вольную волю.

Ихъ немного, а много враговъ,—
Тяжко бремя давнишняго гнета,
А подъ мѣрные звуки оковъ
Не спорится на свѣтѣ работа.

Въ языкѣ—старины ихъ завѣтъ,
Въ языкѣ ихъ—грядущаго тайны...
Пусть дойдетъ нашъ сердечный привѣтъ
До Триглава, до Савы, до Крайны...

8 февраля 1903 года.

ДАРЫ НАРОДАМЪ.

(Съ чешскаго, изъ Кс. Свободы).

Шелъ Христосъ съ Петромъ апостоломъ
Къ намъ на землю съ неба свѣтлаго.
Петръ въ большомъ мѣшкѣ подарки несъ
Всѣмъ народамъ, сколько ни было
Ихъ подъ яснымъ Божьимъ солнышкомъ.

«Богъ ко всѣмъ народамъ милостивъ,
Всѣхъ Онъ любитъ одинаково»,—
Говорилъ апостолъ ласково,
Одѣливъ подаркомъ каждаго.
Опустѣлъ мѣшокъ съ подарками,—
Но апостолъ затуманился,
На Христа глядитъ задумчиво.
«Ну, а какъ же быть намъ съ чехами?
И они вѣдь ждутъ подарочка».

Стало жалко чеховъ Господу.
Посмотрѣлъ онъ на апостола
И сказалъ ему: «чтобъ на небо
Я вернуться могъ безъ горести,
Дай и чехамъ, что имъ надобно,
Если всѣмъ ты роздалъ милости».

Вновь апостолъ затуманился,
Поднялъ плечики, задумался
И сказалъ, вздохнувши: «Господи!
Все, что было взято, роздано,—
Ничего имъ не осталося».

26 іюля 1903 года.

РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Когда такъ весело, такъ звонко—
Сквозь скучной жизни скучный шумъ—
Звенитъ безпечный смѣхъ ребенка,
Мнѣ тяжело отъ грустныхъ думъ.

О, дѣти! Чѣмъ дѣлиться съ вами?
Что завѣщать мы можемъ вамъ?
Съ какими славными дѣлами
Мы сами перейдемъ къ вѣкамъ?

О, дѣти! Пусть свѣтлѣй и краше
Вся ваша молодость пройдетъ,
Пусть лучезарнѣе, чѣмъ наше,
Надъ вами солнышко блеснетъ.

Пусть ваше сердце смѣло бьется,
Легко, свободно дышитъ грудь,
Пусть все падетъ и разойдется,
Что намъ загородило путь.

Пусть говоритъ вамъ все родное
Живымъ, понятнымъ языкомъ:
Въ презрѣнномъ мертвенномъ покоѣ
Позорно жить чужимъ умомъ.

Родной страны завѣты живы,
Хранитъ ихъ, чтитъ родной народъ,—
Пусть на просторъ родимой нивы
Зерно родное упадетъ.

Трудитесь. Въ памяти народной
Не будетъ честный трудъ забытъ,—
Всѣхъ прежде подвигъ благородный
Вашъ сынъ и внукъ благословитъ.

И увѣнчаютъ васъ достойно,
Когда на грани бытія
Вы сыну скажете спокойно:
«Работай ты,—не кончилъ я».

19 октября 1901 года.

БЫЛО...

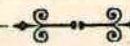
Не говори, что мысль открыла
Тебѣ святыню новыхъ думъ:
Въ вѣкахъ минувшихъ это было,
И это зналъ пытливый умъ.

Любовь и смерть, земля и небо,
Обманъ и правда, ночь и день,
И трудъ тяжелый изъ-за хлѣба,
И къ счастью каждая ступень—

Даны давно, даны отъ вѣка,
Какъ жизни вѣчныя черты,
И не измѣнятъ человѣка
Твои случайныя мечты.

Что значатъ сны? Ихъ много, много...
Но сонъ—не жизнь, а жизнь—одна—
И зрѣютъ въ ней, по волѣ Бога,
Нездѣшней правды сѣмена.

23 февраля 1903 года.

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМЪ.

Новаго идола снова поставили,
И вознесли надъ толпой, и прославили,
И увѣнчали жрецы.
Новыя звѣзды на небѣ явилися,
Новые люди подъ небомъ родилися,
Новой земли мудрецы.

Въ новыхъ божницахъ жрецы величавые
Мечутъ на идола взоры лукавые
И предъ толпою кадятъ.
Все здѣсь дозволено: двери отворены,
Жрицы нечистой вѣнки опозорены,
Сдернутъ нескромный нарядъ...

Щеки пылаютъ и взоръ загорается,
Шепотъ безстыдный кругомъ поднимается,
Пьяный готовится пиръ...
Въ дикомъ разгулѣ толпа себя выдала...
И у подножья нечистаго идола
Звонко хохочетъ сатиръ...

1 октября 1903 года.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Безсильно гаснетъ день усталый,
Отъ горъ бѣжитъ къ долинѣ мгла,
Надъ сонной рѣчкой отблескъ алый
Заря холодная зажгла,

Съ осины долго вдоль дороги
Летятъ багряные листы...
Въ усталомъ сердцѣ спятъ тревоги,
Въ холодныхъ думахъ спятъ мечты.

1899.

II.

Онъ изнемогъ, онъ старъ годами,—
Но снова молодъ онъ душой,
Когда духовными очами
Вдали онъ видитъ міръ иной,—

Когда, какъ прежде, голосъ милый
Его туда, къ себѣ зоветъ...
Онъ той-же встрѣчи за могилой
И той-же молодости ждетъ...

27 апр. 1899.

III.

Я не вѣрю тебѣ, я не вѣрю веснѣ,
Я не вѣрю нараднымъ мечтамъ.

Ахъ, бывало, въ такомъ-же младенческомъ снѣ
Я весною бродилъ по лугамъ!

Пѣсней воли гремѣла въ разливѣ рѣка,
Нѣгой счастья дышали цвѣты...
А теперь... и весной не отходитъ тоска,
Не приходятъ былыя мечты...

26 апр. 1899.

IV.

Зачѣмъ влачить ненужныя оковы?
Зачѣмъ служить развѣнчаннымъ богамъ?—
Весна идетъ съ призывомъ къ жизни новой,
Весна идетъ по рощамъ и лугамъ...

Какъ сонъ любви, плыветъ по влагѣ сонной
Вдали чета влюбленныхъ лебедей
И до зари, счастливый и влюбленный,
Поетъ любовь и счастье соловей...

2 мая 1899.

V.

Мнѣ дорогой шепнулъ вѣтерокъ, что найду
Я сегодня тебя въ этомъ старомъ саду,
Что на яблоняхъ въ ночь распустились цвѣты,
Что дыханьемъ ихъ дышишь и мучишься ты...

Знаю эти цвѣты, знаю ихъ ароматъ,
Знаю, какъ они сердце весною томятъ,
Какъ тревожно и ярко подъ лаской ихъ вновь
Расцвѣтаютъ въ душѣ и мечты, и любовь...

3 мая 1899.

VI.

Надъ вольнымъ просторомъ рѣки
Внимаю я пѣснѣ знакомой,—
То пѣсня весенней тоски,
То пѣсня весенней истомы...

Туда-бы на крыльяхъ весны
Летѣть въ безграничномъ просторѣ,
Гдѣ снятся счастливые сны,
Гдѣ плещется синее море...

10 мая 1899.

VII.

Вчера шелъ дождь... За зеленью густой
Слышнѣй звенятъ немолчные фонтаны,
Съ Ай-Петри внизъ тяжелой пеленой
По кручамъ горъ дымясь ползутъ туманы,

Внизу у скалъ, какъ легкій бѣлый дымъ,
Кипитъ волна жемчужнаго прибоя—
И сквозь туманъ надъ моремъ голубымъ,
Горитъ и блещетъ небо голубое...

11 авг. 1899.
Алупка, Гюзель Гермекъ.

VIII,

Старый вязъ въ плющѣ зеленомъ,
Вѣтви медленно склоняя,
Въ знойный полдень надъ балкономъ
Что-то шепчетъ, засыпая...

Этотъ шепотъ полонъ ласки,—
Что онъ шепчетъ, я не знаю—
И подъ звуки южной сказки
Беззаботно засыпаю...

13 августа 1899.
Алупка, Гюзель Гермекъ.

IX.

Тихо въ берегъ скалистый стучится волна,
Изъ-за дальней горы выплываетъ луна,
Звѣзды сѣткой жемчужной лазурь заплели,
По оврагамъ ручьи загремѣли вдали,

Подъ серебряный звонъ пробудившихся водъ,
Соловей крымской ночи, кузнечикъ, поетъ,
И подъ говоръ волны, тайной нѣги полны,
Снятся въ дымкѣ прозрачной волшебные сны...

17 авг. 1899.
Алупка, Гюзель Гермекъ.

X.

По вѣткамъ дуба сѣткой темной
Красиво вьется плющъ густой
И южный дубъ въ красѣ заемной
Подъ осень зеленъ, какъ весной...

И здѣсь ненужный блескъ обмана,
Причуды женской суеты—
Прилежно прятать подъ румяна
Давно поблекшія черты...

22 авг. 1899.
Алупка, Гюзель Гермекъ.

XI.

Дитя мое, когда-бъ я былъ поэтомъ,
Я былъ-бы молодъ сердцемъ и душой,
На твой привѣтъ отвѣтилъ-бы привѣтомъ,
Я о любви-бы пѣлъ передъ тобой.

Но я усталъ... Мечта моя устала...
Боюсь любить,—повѣрь, боюсь любить...
О, сколько грезъ весна мнѣ нашептала!
О, сколько грезъ мнѣ надо хоронить!

12 марта 1901 г.

XII.

Зимняя стужа и солнце весеннее,—
Искры горятъ на снѣгу серебромъ...
Мысли живѣе, мечты вдохновеннѣе
Подъ золотистымъ веселымъ лучемъ.

Въ воздухѣ чуткомъ какъ будто колышится
Пологъ таинственный зимняго сна...
Шепчетъ волна, или это мнѣ слышится
«Здравствуй, весна»?—

5 февр. 1903.

XIII.

Смолкъ тоскливый гулъ мятели.
Вечеръ. Лѣсъ кругомъ молчитъ.
Съ длинныхъ вѣтокъ темной ели
Жесткой пылью снѣгъ летитъ.

Кони выбились изъ мочи...
Гдѣ-то шорохъ... Жутко тутъ...
Спѣшно тѣни близкой ночи
Сзади крадучись бѣгутъ.

1903.

XIV.

Въ новой дымкѣ обольщенья
Предъ тобою—новый рай,
Но надъ нимъ до искушенья
Съ толкомъ надпись прочитай.

Блещетъ надпись золотая
Въ искрахъ знойнаго луча:
Золотыя двери рая
Золотого ждутъ ключа...

3 апр. 1903.

XV.

То шепчетъ ночь весенняя, не ты,—
И, вѣря ей, ты сердце обманула:
Не для меня огни твоей мечты,
И ты не мнѣ слова любви шепнула.

Ты молода: дай срокъ твоей судьбѣ,—
Не торопись: не надо спорить съ нею...
Твой «онъ» придетъ—и скажетъ все тебѣ,
Чего тебѣ сказать я не съумѣю...

15 февр. 1903.

XVI.

Я проснулся... Въ мигъ умчались,
Разлетѣлись сны мои...
Какъ задорно раскричались
У колодца воробьи!

Солнце встало, день смѣется,
Дверь открыта на балконъ—
И надъ озеромъ несется
Мѣрный колокола звонъ...

1903.

XVII.

Что стоишь, потупивъ взоръ лучистый,
У рябины въ долгой думѣ ты?
Тамъ,—смотри,—черемухи душистой
Распустились первые цвѣты!

Крупныхъ гроздьевъ яркіе рубины
Свѣситъ съ вѣтокъ осенью она...
Помни,—осень, осень для рябины,
А кругомъ,—не видишь ты?.. весна!

1903.

XVIII.

Съ крышъ, какъ нитки золотыя
Въ крупныхъ бусахъ, дождь виситъ,—
На крыльцѣ столбы рѣзные
Солнце ярко золотитъ.

Подбѣжавъ къ дорогѣ черной,
Разозлившись, какъ звѣрекъ,—
И тревожный, и задорный
Плачетъ первый ручеекъ...

1903.

XIX.

Лепестки въ слезахъ роняя,
Вянетъ роза подъ окномъ,—
Мотыльковъ печальныхъ стая
Вьется трепетно кругомъ.

Имъ понятны эти слезы,
Одинокой муки слѣдъ...
А пчела летитъ отъ розы
И гудитъ: здѣсь меду нѣтъ...

1903.

XX.

Я этой тайны не зналъ,
Впрочемъ, и не было тайны
Если порой я вздыхалъ,
Вздохи тѣ были случайны.

Тамъ прихотливы мечты,
Гдѣ доказательства слабы:
Если-бъ вздыхала и ты,—
Тайна, конечно, была бы...

1903.

XXI.

За старой церковью, въ оградѣ невысокой
Сирень раздвинула надъ плитами кусты:
Тамъ съ клена падаютъ въ тревогѣ одинокой
Холодной осенью багряные листы.

Мы въ дѣтствѣ прятались за этими кустами...
Теперь—могилка тамъ: я помню грустный день...
Я не былъ тамъ давно, но часто предъ глазами
Стоятъ и старый кленъ, и церковь, и сирень...

20 февр. 1903.

XXII.

О, берегись! Если въ сердце войдетъ
Злоба, что прежде свой голосъ таила,
Съ нею въ кровавомъ туманѣ придетъ
Темная сила.

Зыблются крылья, мгновенныхъ огней
Блещутъ зарницы, скрывая дорогу,—
И не поднимешь ты въ пору очей
Къ солнцу и къ Богу.

22 февр. 1903.

XXIII.

Брось стихи, не вѣрь поэтамъ:
Рѣчь ихъ лжива и блѣдна,—
Въ знойный полдень знойнымъ лѣтомъ
Эта проза—не нужна.

Вотъ подъ осень, какъ бываетъ
За дождемъ не видно дня,
Лишь поэтъ въ мечты роняетъ
Искры жизни и огня.

1903.

XXIV.

Ночь! Скорѣй бѣги въ овраги,
Гдѣ темнѣе мгла:
Блѣднорозовые стяги
Зорька подняла.

Крестъ на церкви загорѣлся
Въ золотыхъ лучахъ...
Ночь! Туманъ твой разлетѣлся
И пропалъ въ поляхъ!

1903.

XXV.

Умное сердце не знаетъ тревоги:
Умное сердце—умно...
Только подъ вечеръ, я слышу, съ дороги
Кто-то стучится въ окно.

Что-то мелькнуло и сразу пропало,
Легкій на лѣстницѣ шумъ...
Умное сердце быть умнымъ устало.
Сердце, на что тебѣ умъ?

1903.

XXVI.

Золотой прозрачной сѣткой
Дождь весь въ солнцѣ подошелъ,—
Легъ густой, тяжелой вѣткой
Гибкій хмѣль на частоколъ...

Въ каждой каплѣ незамѣтной
Искра блещетъ и горитъ—
И дугою многоцвѣтной
Въ небѣ радуга стоитъ...

1903.

XXVII.

Поруганный кумиръ, поверженный треножникъ,
Давно оставленный, давно забытый храмъ—
Разскажутъ вновь тебѣ, внимательный художникъ,
Что не всегда они могли сказать вѣкамъ.

Теперь забыли ихъ, а прежде къ нимъ ходили,
Учились вѣровать, молиться и любить—
Для новыхъ алтарей ихъ камни положили,
У новыхъ алтарей ихъ не могли забыть.

23 февр. 1903.

XXVIII.

Я забылъ эти сны, что подъ пѣсни весны
Нашептали мнѣ грустную быль...
Лепестки блѣдныхъ грезъ буйный вѣтеръ унесъ,
Какъ въ степи онъ уноситъ ковыль.

Но порой при лунѣ вспоминается мнѣ
Стройный тополь въ далекомъ краю:
Только онъ сохранилъ, только онъ не забылъ,
Только онъ знаетъ тайну мою...

1903.

XXIX.

Ночь была холодна... Умирая,
Поблѣднѣли, согнулись цвѣты...
Знойный полдень веселаго мая
Не вернетъ имъ былой красоты...

Имъ казалось, могучая сила
Въ нихъ любовь и желанье зажгла,
Ихъ весеннее солнце манило...
А на утро... ихъ гибель ждала...

1903.

XXX.

Пѣсня—солнце въ переводѣ
На земной языкъ.
Солнце—свѣтлыхъ вдохновеній
Пламенный родникъ.

Солнце бродитъ въ виноградѣ,
Дышутъ имъ цвѣты,—
Бродятъ солнцемъ, дышутъ солнцемъ
Пѣсни и мечты...

1903.

XXXI.

Въ виноградныхъ гроздьяхъ зрѣетъ
Новое вино.
Въ сочныхъ ягодахъ краснѣетъ
И горитъ оно.

Это солнца отблескъ алый
Загорѣлся въ немъ...
Мы зимой съ виномъ въ бокалы
Солнце разольемъ...

1903.

XXXII.

Ты идешь ко мнѣ на встрѣчу,
Улыбаясь горделиво...
Новый зонтикъ... Что за прелесть?
Новый поясъ... Какъ красиво!

Лучше-ль ты? Конечно, лучше...
Развѣ можетъ быть сравненье?
Я едва могу держаться
На границахъ восхищенья...

1903.

XXXIII.

Я ждалъ тебя въ тревогѣ одинокой...
Осенній день такъ скученъ и унылъ!..
Душистый хмѣль гирляндою широкой
Я надъ твоимъ портретомъ перевилъ.

*

Дождь зашумѣлъ, темнѣе небо стало...
А какъ вчера нашъ вечеръ былъ хорошъ!
Да гдѣ же ты? Ты только опоздала
Или совсѣмъ сегодня не придешь?..

1903.

XXXIV.

Всей ложью счастья ночь чаруетъ,
Всѣ силы ночи ворожатъ.
Нескромный вѣтеръ не волнуетъ
Зеленой мантіи дріадъ.

Въ аллеѣ лунный блескъ тревоженъ,
Живутъ безмолвные кусты...
И взоръ пугливъ и остороженъ,
Когда съ балкона сходишь ты...

1903.

XXXV.

Далеко дымъ отбросилъ паровозъ
Въ багряной мглѣ холоднаго заката.
Дрожатъ листы желтѣющихъ березъ
И въ темнотѣ уносятся куда-то.

Внизу туманъ... Осенняя печаль—
Подъ шумъ дождя—въ раздумьи одинокомъ...
Что если мнѣ на югѣ будетъ жаль
Осеннихъ думъ на сѣверѣ далекомъ?..

1903.

XXXVI.

Въ безмолвной рощѣ подлѣ сада,
Шурша подъ робкою ногой,
Коверъ пушистый листопада
Лежитъ багряной пеленой.

Молотятъ гдѣ-то... Дымъ столбами
Стоитъ надъ крышами вдали,
И надъ пустынными полями
Кричатъ протяжно журавли...

1903.

XXXVII.

Какъ ты глядишь! Что хочешь ты узнать?
Чего ты ждешь такъ жадно и тревожно?
Всю жизнь тебѣ могу я разсказать,
Но разсказать все сердце—невозможно.

Неразрѣшимъ мудреный твой вопросъ:
Какъ я скажу, что̀ вѣчно, что̀ не вѣчно?
Но только знай,—въ порывѣ юныхъ грезъ
Ты мнѣ мила сегодня безконечно.

5 марта 1903.

XXXVIII.

Не отогнать мнѣ полной муки
И недовѣрчивой мечты...
Ты говорила въ часъ разлуки,
Что «вѣчно помнить» будешь ты...

Слова порой мѣняютъ силу,
Словами часто люди лгутъ:
Положатъ мертваго въ могилу
И «память вѣчную» поютъ...

1903.

XXXIX.

«Любить легко»,—ты говорила мнѣ
И я тебѣ повѣрилъ простодушно.
И вотъ съ утра съ накидкой на спинѣ
Я за тобой въ горахъ хожу послушно.

Хотѣла ты, чтобъ дивнымъ видомъ горъ
Я съ высоты съ тобою любовался,
Чтобъ обнялъ насъ заоблачный просторъ...
Но не сердись: я такъ проголодался...

1903.

XL.

Ива, свѣсившись тревожно
Въ блѣдныхъ сумеркахъ весны,
Слышитъ шорохъ осторожный
Отбѣгающей волны.

Подъ прибрежными кустами
Кто-то шепчетъ въ тишинѣ—
И безсильными вѣтвями
Ива тянется къ волнѣ.

1903.

XLI.

Подошли ночныя тѣни
И кругомъ стоятъ,
Острымъ запахомъ сирени
Дышитъ старый садъ,

Въ блѣдномъ небѣ чуть мерцаетъ
Первая звѣзда
И беззвучно подползаетъ
Холодъ отъ пруда...

1903.

XLII.

Солнце жжетъ. Пчелы усталой
Слышенъ медленный полетъ.
Пышный макъ головкой алой
Наклонился у воротъ.

Пахнетъ сѣномъ, хмѣль ложится
Разгибаясь на песокъ,
И въ глазахъ дрожа струится
Знойный воздухъ, какъ дымокъ.

1903.

XLIII.

Спѣлая рожь золотистой волной по холмамъ разливалась.
Ты собирала цвѣты, ты завивала вѣнокъ.
Звонко старинную пѣсню ты пѣла и звонко смѣялась,
А подъ горой у рѣки плакалъ печальный рожокъ.

Спой мнѣ опять эту пѣсню, старинную пѣсню, простую..
Я собиралъ для тебя въ полѣ далекомъ цвѣты...
Тамъ я одинъ тосковалъ и теперь я безумно тоскую...
Эти далекіе дни, можетъ быть, вспомнишь и ты?..

1903.

XLIV.

Не солнце холоднѣе стало,
Не вѣчный пламенникъ погасъ,
Но сердце сжалось и устало
И утомился жадный глазъ.

И ярко все, что было прежде.
И блѣдны новые цвѣты,
И не даютъ огней надеждѣ
Воспоминанья и мечты...

16 марта 1903.

XLV.

Должно быть, вечеръ... Равнодушно
Чужой любви я вижу сны
И не спѣшу мечтой послушной
На голосъ счастья и весны.

Когда вечерними огнями
Зажгутся въ небѣ облака,
Я крику чаекъ надъ волнами
Люблю внимать—издалека...

1903.

XLVI.

Для старца міръ широкъ и на землѣ просторно:
Не кончены дѣла, завѣтъ сѣдыхъ вѣковъ,—
За родомъ родъ землѣ работаетъ упорно,
Сбираетъ урожай и ждетъ еще плодовъ.

А молодая мысль не знаетъ этихъ граней
И рвется на просторъ, въ заоблачную даль:
Среди другихъ міровъ, среди другихъ созданій
Ей лучше кажется и радость, и печаль...

17 марта 1903.

XLVII.

Чѣмъ ближе къ могилѣ, тѣмъ все на землѣ
Становится ближе и ближе:
Отъ новыхъ міровъ въ неизвѣданной мглѣ
Мечта опускается ниже,—

Отъ царственныхъ горъ, отъ широкихъ морей
Къ забытой деревнѣ убогой,
Гдѣ путникъ усталый средь мирныхъ полей
Въ раздумьи сидитъ надъ дорогой...

1903.

XLVIII.

Мысль легка, когда не знаетъ,
Что мерещится вдали,
И безпечно улетаетъ
Быстрымъ взмахомъ отъ земли.

Только нѣтъ тепла и хлѣба
Въ этой безднѣ голубой--
И она безсильно съ неба
Опускается домой...

1903.

XLIX.

На осинѣ тонкой, у березъ забытой,
Ярко-красныхъ листьевъ золото горитъ.
Но, когда къ ней вѣтеръ подойдетъ сердитый,
Вся она забьется робко и—дрожитъ.

Долго воетъ вѣтеръ, а потомъ пригнется,
Съ трепетной осины листья оборветъ,
Высоко подкинетъ, дальше понесется
И съ побѣднымъ гуломъ по лѣсу пройдетъ...

1903.

L.

Да, грѣшно къ любви безпечной
Пріучать свои мечты.
О любви святой и вѣчной
Говорила долго ты.

И въ словахъ твоихъ сказалось
Столько правды и ума,
Что потомъ ты испугалась
И расплакалась сама...

1903.

LI.

Ты печально вчера говорила,
Осторожнымъ раздумьемъ полна:
«Я на горе тебя полюбила
«И на горе разстаться должна»...

А сегодня, волнуясь тревожно,
Ты шептала въ саду у пруда:
«Нѣтъ, разстаться съ тобой—невозможно,
«Не забыть мнѣ тебя—никогда».

1903.

LII.

Та, другая, любить не умѣетъ:
Увлекаетъ, смѣется она...
Лишь свое она сердце жалѣетъ,
Лишь собой ея дума полна...

Такъ вчера ты сказала въ печали
Мнѣ завѣтныя тайны любви—
И такъ грустно, такъ грустно звучали
Убѣжденныя рѣчи твои...

19 марта 1903.

LIII.

Долго вчера надъ рѣкой я сидѣлъ въ одинокой печали.
Въ чащѣ густыхъ тростниковъ глухо плескалась волна.
Молча кругомъ, какъ на стражѣ, косматыя ели стояли,
Изъ-за разорваныхъ тучъ тускло свѣтила луна.

Думы, тяжелыя думы въ испугѣ метались тревожно...
Съ болью въ безрадостной мглѣ мысль напрягалась безъ силъ...
Ночь, безразсвѣтная ночь! Отъ тебя убѣжать невозможно:
Сѣрый, холодный туманъ въ холодѣ вѣчномъ застылъ.

1903.

LIV.

Не искушай незрѣлыхъ силъ надменно:
Ты не родня высокимъ небесамъ.
Тамъ твой огонь разсѣется мгновенно
И отойдетъ къ немеркнущимъ огнямъ.

Тамъ—высоко—и ночь горитъ огнями,
Здѣсь—на землѣ—все смутно и темно...
Земныхъ огней безсильными лучами
Намъ въ ночь міровъ проникнуть не дано.

19 марта 1903.

LV.

Ночь надъ уснувшей землей развернула свое покрывало.
Трепетно звѣзды зажглись, мѣсяцъ надъ рощей стоялъ.
Въ блѣдныхъ лучахъ при лунѣ, какъ чужая, ты молча стояла.
Отблескомъ бѣглыхъ огней взоръ твой холодный сіялъ.

Смуглыя щеки твои не горѣли, какъ прежде, отъ ласки,—
Былъ безмятежно глубокъ взоръ безотвѣтныхъ очей...
Нѣтъ, я не вѣрилъ глазамъ: это мѣсяца новыя сказки,
Это туманная ложь южныхъ безумныхъ ночей.

1903.

LVI.

Отчекань въ стихѣ крылатомъ,
Чтобъ осталось на вѣка,
Какъ сегодня предъ закатомъ
Сразу вспыхнула рѣка,

Какъ надъ ельникомъ летѣли
Тучи въ золотѣ лучей,—
Какъ зажглись и потемнѣли
Взоры ласковыхъ очей...

1903.

LVII.

Былой надежды не тревожь:
Она въ груди моей уснула.
Когда надъ нею тихо ложь
Свой темный пологъ развернула...

Пусть тамъ царитъ, какъ прежде, мракъ...
Не надо мнѣ душистой розы,
Но подари мнѣ этотъ макъ:
Онъ сны несетъ, онъ даритъ грезы...

1903.

LVIII.

Внизу, въ камняхъ валы шумѣли,—
Кроваво-красные стволы
Угрюмыхъ сосенъ пламенѣли
Въ огняхъ заката у скалы,—

Надъ моремъ тучи торопливо
Бѣжали въ дымкѣ золотой,
И чайки рѣяли пугливо
Надъ потемнѣвшею волной.

1903.

LIX.

О, не вѣрь въ эту ночь прихотливой мечтѣ:
Это сказка не этой весны...
То идутъ надъ землей въ неземной красотѣ
Молодые, забытые сны...

Отзвенѣвшіе звуки проснулись—и вновь
Надъ уснувшей рѣкою звенятъ...
За туманомъ они говорятъ про любовь...
Про былую любовь говорятъ...

1903.

LX.

По теченью лѣниво уноситъ рѣка
Расплетенныя кольца вѣнка...
Разлетѣлись надъ сонною зыбью рѣки
Отъ нарядныхъ цвѣтовъ лепестки...

Потемнѣли тяжелые корни въ вѣнкѣ
Отъ холодной воды на рѣкѣ...
И бросаетъ рѣка расплетенный вѣнокъ
На холодный и влажный песокъ...

1903.

LXI.

Есть-ли счастье въ мірѣ этомъ?
Есть-ли счастье въ мірѣ томъ?—
Вѣчно спорятъ жрецъ съ поэтомъ
И мечтатель съ мудрецомъ.

Счастье-ль то, что прежде было
И промчалось безъ слѣда?
Счастье-ль то, что въ даль манило,
Не сбываясь никогда?

21 марта 1903.

LXII.

По лѣсамъ въ печали далеко звучали
Жалобные клики позднихъ журавлей:
Насъ теперь немного, далека дорога,
Холодно и скучно у пустыхъ полей.

Всѣ на югъ умчались, только мы остались—
Слушать стоны вѣтра, ждать сѣдой зимы.
Что-же намъ мѣшаетъ? Все здѣсь умираетъ...
Скоро-ли въ дорогу соберемся мы?

1903.

LXIII.

На забытомъ курганѣ въ золотистомъ туманѣ
Три березы надъ степью стоятъ,
Поднимаясь высоко,—а за ними далеко
Догораетъ холодный закатъ.

На курганѣ высокомъ, о быломъ и далекомъ,
О забытомъ тоскуютъ онѣ...
И, склонясь осторожно, что-то шепчутъ тревожно
Три березы въ ночной тишинѣ...

1903.

LXIV.

Изъ края въ край, изъ рода въ родъ
Идетъ загадочное слово:
Кто въ этой жизни не умретъ,
Тотъ не воскреснетъ къ жизни новой.

А жизнь безумно хороша
Съ ея томительной тревогой,
И алчетъ жадная душа
Съ собою взять такъ много, много...

23 марта 1903.

LXV.

Видитъ взоръ въ неясной мглѣ
Сѣрыхъ чаекъ на скалѣ.
За туманомъ нѣтъ вдали
Ни залива, ни земли.

Только здѣсь, на ребрахъ скалъ
Сѣрыхъ чаекъ день собралъ:
Прилетятъ на мигъ сюда
И исчезнутъ безъ слѣда...

1903.

LXVI.

Жизнь идетъ, мѣняя краски
Отъ весны до зимнихъ дней.
Съ каждымъ словомъ новой сказки
Сердце тише и бѣднѣй.

Замираетъ звукъ за звукомъ.
Гаснетъ вечеръ золотой—
И на смѣну прежнимъ мукамъ
Мертвый крадется покой.

23 марта 1903.

LXVII.

Дѣдамъ пѣсня отрадно звучала
На веселомъ, на долгомъ пиру.
«Начинай твою пѣсню съ начала»,—
Говорили они гусляру.

Что осталось отъ жизни широкой?
Гдѣ былые пиры съ гусляромъ?
Для себя мы въ тоскѣ одинокой
Только разъ свою пѣсню поемъ...

1903.

LXVIII.

Въ бѣдныхъ снахъ воображенья
Бѣденъ жизнью міръ иной,
И небесныя видѣнья
Вѣютъ скукою земной.

Съ жуткимъ трепетомъ безсилья
Въ царствѣ вѣчной красоты
Опускаютъ грустно крылья
Поблѣднѣвшія мечты.

25 марта 1903.

LXIX.

Въ нашихъ грезахъ—скучно небо,
Въ нашемъ небѣ—жизни нѣтъ:
Если тамъ не нужно хлѣба,
Если тамъ не меркнетъ свѣтъ,

Если тамъ цвѣты не вянутъ,
Не обманываютъ сны,—
Наши души плакать станутъ
О цвѣтахъ земной весны.

1903.

LXX

Полный гнѣва и угрозы,
Мчится вѣтеръ съ высоты:
Не легко сорвать съ березы
Пожелтѣвшіе листы.

Сколько дней онъ въ сучьяхъ бьется,
Спать березѣ не даетъ,
А она дрожитъ и гнется,
Но листовъ не отдаетъ...

1903.

LXXI.

Не бросай тревожно взоры
Ночью съ берега у скалъ:
Я сегодня черезъ горы
Къ вамъ дорогу отыскалъ.

Парусъ мой вчера видали
И теперь слѣдятъ за нимъ...
Съ горъ меня они не ждали:
Тамъ дороги нѣтъ чужимъ...

1903.

LXXII.

О, нѣтъ, то не любовь, хоть сердце затомилось,
Хоть захватило духъ въ тоскующей груди:
То счастье прежнее на мигъ тебѣ приснилось—
И снова въ даль зоветъ—и говоритъ: иди...

Но, если ты пойдешь на этотъ голосъ нѣжный,
Чтобъ новой красотѣ мечты твои отдать,
И сбудется твой сонъ,—проснувшись, рабъ мятежный,
Съумѣешь-ли потомъ ты цѣпи разорвать?..

26 марта 1904.

LXXIII.

Твои мечты неосторожны,
Твои надежды—не вѣрны:
И далеки, и невозможны
Забытой молодости сны.

*

Остановясь къ концу дороги,
Въ усталомъ сердцѣ грѣешь ты
Свои послѣднія тревоги,
Свои послѣднія мечты...

1903.

LXXIV.

Старый грѣшникъ, въ грѣшномъ словѣ
Ты живешь какъ будто вновь,
Для тебя какъ будто вновѣ
Увлеченье и любовь.

Или это сны аскета,
Только пестрыя слова,—
На лугахъ чужого лѣта
Прошлогодняя трава.

26 марта 1903.

LXXV.

Не всегда ищи простора
Для пытливыхъ долгихъ думъ:
Тамъ острѣе зоркость взора,
Но не тамъ настойчивъ умъ.

У лампады одинокой,
Въ кельѣ тѣсной и простой
Мысли смѣлой и высокой
Ближе весь просторъ земной.

27 марта 1903.

LXXVI.

Отъ друзей, отъ разговоровъ
Вечеръ я отвоевалъ.
Ужъ давно отъ шумныхъ споровъ,
Скучныхъ споровъ я усталъ.

Точно съ рукъ свалились узы...
Я забылся въ полуснѣ
И съ улыбкой робкой музы
Слышу шепотъ въ тишинѣ...

1903.

LXXVII.

Цѣни враговъ... На полѣ чести,
Какъ честный врагъ, ихъ мечъ встрѣчай
И торжествомъ постыдной мести
Свою побѣду не вѣнчай.

Но если ты въ свободѣ скромной
Боишься рабства и цѣпей,
Бѣги измѣны вѣроломной,
Бѣги отъ дружбы и друзей.

1903.

LXXVIII.

На прибрежьи песчаномъ у зеленой сосны
Слышенъ шорохъ лѣнивый полуденной волны.
Опаленное небо въ высотѣ голубой
Поднялось и не дышитъ надъ усталой землей.

На поляхъ спѣлый колосъ неподвижно стоитъ,
Къ тихой заводи ива наклонилась и спитъ.
Разсказало намъ солнце у зеленой сосны
Утомленнаго счастья полуденные сны.

1903.

LXXIX.

Безсмертье... Гдѣ? Земля мала,
Все на землѣ недолговѣчно:
Здѣсь жизнь надъ смертью зацвѣла
И улыбается безпечно.

Въ другихъ мірахъ? Но если тамъ
Есть тоже мѣры и границы
И свѣтятъ неземнымъ очамъ
Земныя бѣглыя зарницы?

28 марта 1903.

LXXX.

О, давай вспоминать, что померкло давно,
Что на ранней зарѣ къ намъ стучалось въ окно,
Что къ намъ въ садъ донеслось изъ душистыхъ полей,
Что намъ въ тихую ночь говорилъ соловей.

Пусть пропалъ, какъ туманъ, этотъ сонъ на яву,
Мнѣ его не забыть, только имъ я живу,
Только въ немъ загорѣлись живые огни,
Что свѣтили мнѣ въ долгіе, темные дни.

1903.

LXXXI.

Если точный образъ надо
Современной дружбѣ дать,
Ни Ореста, ни Пилада
Не придется вспоминать.

Что-бы образъ въ формѣ сжатой
Сдѣлать точнымъ,—нарисуй
Руки Понтія Пилата
И Іуды поцѣлуй.

1903.

LXXXII.

Не мѣшай мнѣ, дай дослушать сказку,
Сказку жизни пестрой и пустой.
Вотъ она почти снимаетъ маску,
Но еще стыдится предо мной.

Приподнявъ сквозное покрывало,
Опустила голову она...
Сколько муки! Какъ въ ней счастья мало!
Какъ она печальна и блѣдна!

1903.

LXXXIII.

Ты поблѣднѣла въ печали,
Жизнь и меня утомила...
Пѣсни, что лѣтомъ звучали,
Осенью роща забыла...

Вотъ журавли закричали,
Въ стаю скликаютъ другъ друга...
Нѣтъ у насъ свѣтлаго юга,
Чтобъ улетѣть отъ печали...

1903.

LXXXIV.

Вожди ушли, упали стяги,
Забытъ, заброшенъ старый храмъ...
И вотъ въ чаду тупой отваги
Бѣгутъ толпы къ его стѣнамъ.

Разбиты бронзовыя двери,
Летятъ на землю алтари—
И, какъ безсмысленные звѣри,
Хохочутъ въ храмѣ дикари...

29 марта 1903.

LXXXV.

Пусть арфы и лютни на ивахъ
У рѣкъ вавилонскихъ молчатъ,
Зачѣмъ-же на дѣдовскихъ нивахъ
Не старыя пѣсни звучатъ?

Позорно вожди измѣнили
Священнымъ завѣтамъ земли—
И старыя пѣсни забыли,
И новыя къ намъ принесли..

30 марта 1903.

LXXXVI.

Зловѣщимъ призракомъ грядущее стоитъ:
Въ людскихъ сердцахъ вражда, и месть, и злоба зрѣютъ...
Послѣдній лучъ зари въ туманной мглѣ горитъ,
И тучи черныя въ огнѣ кровавомъ рдѣютъ...

И ночью будетъ громъ,—и молніи зажгутъ
Деревни, города, лачуги и чертоги,—
И хлѣбъ въ поляхъ сгоритъ,—и люди побѣгутъ.
Какъ звѣри дикіе, въ трущобы и берлоги...

30 марта 1903.

LXXXVII.

Не то, что видитъ глазъ, прекрасно:
Въ потемкахъ вѣчной суеты
Для многихъ глазъ горятъ напрасно
Огни незримой красоты.

Въ какомъ-то снѣ не видятъ очи
За бѣглымъ пологомъ тѣней
Въ глубокихъ безднахъ темной ночи
Сторожевыхъ ея огней.

31 марта 1903.

LXXXVIII.

Отъ недавней бури море отдыхало,
Разлетались тучи въ небѣ голубомъ,
Ты въ пескѣ холодномъ янтарей искала,
Выброшенныхъ моремъ въ сумракѣ ночномъ.

От҄ меня далеко ты ушла въ печали
И глядишь на волны долго у камней...
На пустынномъ морѣ тихо прозвучали
Медленныя пѣсни одинокихъ дней...

1903.

LXXXIX.

Врагамъ онъ врагъ, друзьямъ онъ другъ,
Тяжелый мечъ въ рукѣ тяжелой,—
Къ своимъ друзьямъ, въ ихъ тѣсный кругъ
Онъ входитъ съ шуткою веселой.

Правдивъ его языкъ простой,
Въ немъ годы сердца не убили...
Во снѣ мнѣ кажется порой,
Что и такіе люди были...

1903.

XC.

Не въ птицѣ, гордой и свободной,
Парящей въ небѣ надъ землей,—
Въ змѣѣ и скользкой, и холодной
Данъ образъ мудрости людской.

Припавъ къ землѣ, между корнями
Неслышно умъ земной скользитъ
И злыми, зоркими глазами
Свою добычу сторожитъ.

3 апрѣля 1903.

XCI.

Ночные сполохи огней
Безумца взоры ослѣпляютъ...
Во тьмѣ огни минувшихъ дней
Впередъ дорогу освѣщаютъ.

Пусть блѣденъ ихъ неровный свѣтъ,
Пусть надъ толпою ихъ немного,—
Безъ нихъ въ потьмахъ движенья нѣтъ,
И тонетъ въ полной мглѣ дорога.

4 апрѣля 1903.

XCII.

«Мы дѣти солнца, мы идемъ
«Въ ночную мглу съ его лучами,—
«Въ лѣсу мы факелы зажжемъ,
«И мгла разступится предъ нами».

И лѣсъ во мракѣ потонулъ,
И вѣтеръ темными крылами
Взмахнулъ, и факелы задулъ,
И въ ночь помчался съ облаками.

1903.

XCIII.

Юноша, ты Фаэтонъ, незаконный, но гордый сынъ Феба:
На колесницѣ его хочешь ты солнцемъ летѣть,
Новыхъ дорогъ поискать на просторѣ высокаго неба,
Золотомъ новыхъ лучей землю по новому грѣть?

Съ неба упалъ Фаэтонъ. Геліады надъ нимъ уронили
Желтый янтарь изъ очей въ крупныхъ тяжелыхъ слезахъ.
Старую правду боговъ и для насъ янтари сохранили:
Небо и землю сожжетъ солнце въ неловкихъ рукахъ.

1903.

XCIV.

Опять хаоса жрецъ лукавый
Вечерней жадно ждетъ зари,
Что бы увѣнчанные славой
Разрушить ночью алтари,

Чтобъ утромъ въ бѣдные обломки
Распались храмы дней былыхъ,
Чтобъ одичавшіе потомки
Забыли прадѣдовъ своихъ...

1903.

XCV.

Иди впередъ, не бойся ночи,
Не бойся призраковъ ночныхъ:
Привыкнутъ скоро видѣть очи
И безъ огней сторожевыхъ.

Смотри впередъ, смотри далеко:
При блескѣ утренней звѣзды
Ты у могучаго потока
Положишь первые слѣды...

1903.

XCVI.

Скучный вѣкъ! Вездѣ пророки,
Слишкомъ много новыхъ словъ,
Новой мудрости уроки
У крикливыхъ мудрецовъ,

И, охвачены заботой—
Новый міру дать укладъ,
Всѣ хотятъ учить кого-то
И учиться не хотятъ...

11 апрѣля 1903.

XCVII.

Надъ озеромъ соннымъ въ прозрачномъ туманѣ
Двѣ тѣни слетаются тамъ,
Гдѣ старыя сосны на старомъ курганѣ
Угрюмо шумятъ по ночамъ.

Къ забытому камню онѣ прилетали
Подъ темнымъ навѣсомъ сосны,
И были ихъ рѣчи любви и печали,
И злобы, и мести полны...

1903

XCVIII.

Въ божницѣ царственной Дагона
Среди пирующихъ враговъ
Слѣпой Самсонъ, герой Сіона,
Стоитъ въ оковахъ у столбовъ.

Горятъ огни, звенятъ цѣвницы,
Жрецы стоятъ у алтарей
И въ покрывалахъ легкихъ жрицы
Цвѣтами сыплютъ на гостей...

12 апрѣля 1903.

XCVIV.

Бѣдный, вездѣ ему скучно,—
Такъ онъ уменъ и великъ,
Ибо вездѣ неотлучно
Съ нимъ его умный языкъ.

Чтобъ не наслушаться вздора,
Самъ онъ вездѣ говоритъ,—
Только боится, что скоро
Умный языкъ заболитъ...

1903.

C.

Вы спали, сонъ смежилъ вамъ очи:
Вамъ вѣщій ужасъ не открылъ,
Чтò здѣсь въ молчаньи темной ночи
Посланникъ неба говорилъ.

Пора, земля заговорила,
Проснитесь для земныхъ тревогъ:
Чтобъ сонныхъ ночь не утаила,
Іуда факелы зажегъ...

18 апрѣля 1903.

CI.

Свѣжій вѣнокъ заплеталъ я въ саду, вспоминая Дедала,
Чтобъ сегодня тебя, юный Икаръ, увѣнчать.
Ты собирался давно и теперь твое время настало
Фебу въ лицо посмотрѣть, крылья свои испытать.

Всѣ мы, Икаръ, въ твои годы высоко на крыльяхъ летали,
Въ небо совсѣмъ улетѣть часто хотѣлось и намъ...
Солнце сожгло наши крылья, и съ неба давно мы упали,
И не хотимъ улетать мы отъ земли къ небесамъ.

1903.

CII.

Наши думы—посѣдѣли:
Долго опытъ насъ училъ...
Въ свой чередъ мы не жалѣли
Молодыхъ тревожныхъ силъ.

А теперь другимъ дорогу,
Пусть ихъ умъ перекипитъ:
Злую правду понемногу
Скучный опытъ говоритъ.

19 апрѣля 1903.

CIII.

Сонъ золотой у Семелы на ложѣ согнала тревога:
Что если милый—не богъ, не олимпіецъ Зевесъ?
Если онъ богъ, то она обнимать его хочетъ, какъ бога:
Пусть и въ любви будетъ богъ грозный владыка небесъ

Но не приходятъ съ Олимпа на землю влюбленные боги
Въ образѣ вѣчныхъ боговъ, въ блескѣ безсмертныхъ лучей:
Съ нѣжной молитвой любви и они, не скрывая тревоги,
Жертвы богинямъ земнымъ жгутъ у земныхъ алтарей.

1903.

CIV.

Дважды-рожденнаго Вакха струю разольемъ по бокаламъ,
Славя Киприды дары, миртомъ челомъ обовьемъ.
Тихая звѣздная ночь подъ прозрачнымъ идетъ покрываломъ,
Городъ шумитъ вдалекѣ, все замолчало кругомъ.

Тамъ, на Олимпѣ державномъ, пируютъ безсмертные боги
И, благосклонные, въ ночь смотрятъ на насъ съ высоты.
Пусть же отгонятъ отъ насъ на пиру и печаль, и тревоги,
Смѣхъ шаловливый любви, пѣсни, вино и цвѣты.

1903.

CV.

Идутъ года, — Эллады генiй
Въ видѣньяхъ первой красоты
Не будитъ прежнихъ впечатлѣнiй,
Не манитъ вдумчивой мечты.

Но умной шуткой Римъ суровый
Зоветъ улыбку на уста,
И снова дышитъ жизнью новой
Его сѣдая красота.

1903.

CVI.

Полубоговъ развѣнчанное племя,
Создавшихъ Римъ желѣзною рукой,—
Вы навсегда вписали ваше время
Въ умы племенъ съ ихъ жизнью вѣковой.

Рабы у васъ учились править мiромъ,
Вашъ гордый умъ въ концы земли проникъ,
И вашъ законъ навѣки сталъ кумиромъ,
И съ нимъ въ вѣка уходитъ вашъ языкъ.

1903.

CVII.

За вѣкомъ вѣкъ все глубже, все бѣднѣй
Тревожный сонъ безславныхъ поколѣнiй.
Для вѣры ихъ—на небѣ нѣтъ огней,
И не для нихъ зажегъ свой факелъ генiй.

Для нихъ земля—холодный мертвый прахъ,
И не живетъ лучистый пологъ неба:
Они идутъ, съ проклятьемъ на устахъ
Склонясь къ землѣ, и злобно ищутъ хлѣба...

26 апрѣля 1903.

CVIII.

Льстивый рабъ побѣды славитъ вѣка,
Мощь его холодныхъ строгихъ думъ,—
Но тоскуетъ сердце человѣка,
И не знаетъ счастья гордый умъ.

Мы въ дорогѣ что-то обронили,
Потеряли что-то на пути:
Тайну счастья прежняго забыли
И не въ силахъ новаго найти.

28 апрѣля 1903.

CIX.

Если по книгамъ ты хочешь узнать, что нельзя и что можно,
Старыя книги бери: старъ человѣческій умъ.
Сердце у юноши—пылкое сердце и бьется тревожно,
Къ осени спѣютъ плоды строгихъ медлительныхъ думъ.

Чудныя сказки Назонъ разсказалъ золотыми стихами,
Въ вѣчныя формы отлилъ старую правду отцовъ:
Въ юности смертные часто заносчиво спорятъ съ богами,
Но не по силамъ для нихъ дѣло безсмертныхъ боговъ.

1903.

CX.

«Нѣтъ красоты,—сказалъ художникъ блѣдный,—
Мой зорокъ глазъ: я знаю красоту.
Усталый міръ, измученный и бѣдный,
Вновь обманулъ пугливую мечту.

Она была, теперь ея не стало,—
Мнѣ не забыть знакомыя черты,—
Тогда она сама меня искала...
Но—міръ не тотъ: нѣтъ больше красоты...»

1903.

CXI.

Чужимъ богамъ, чужимъ пророкамъ
Ты легкомысленно служилъ
И въ сердцѣ темномъ и глубокомъ
Своихъ боговъ не находилъ.

Ты часто былъ у ихъ порога,—
Но трудно рабскому уму,
Отринувъ ложь чужого бога,
Повѣрить богу своему...

30 апрѣля 1903.

CXII.

Опять на рынкѣ идолъ новый
И сонмы новые жрецовъ,—
Для нищихъ духомъ богъ готовый.
Достойный храмовъ и вѣнцовъ.

Ему за то людское стадо
Готово жертвы приносить,
Что цѣлый день теперь не надо
Искать, кому и гдѣ служить.

1903.

CXIII.

«Въ вѣкахъ былыхъ и не мечтали
«О мощной правдѣ нашихъ думъ:
«Мы всѣ загадки разгадали,
«Намъ все сказалъ нашъ смѣлый умъ»...

*

Такъ говорили наши дѣды,
Такъ внуки скажутъ въ свой чередъ:
Вѣнчаетъ вѣкъ свои побѣды,
Чужихъ вѣнковъ—не бережетъ...

6 мая 1903 года.

CXIV.

Кто юности завидуетъ тревожной
Тотъ до себя съ годами не доросъ.
Зачѣмъ глядѣть съ печалью осторожной
На первый снѣгъ сѣдѣющихъ волосъ?

Окрѣпла мысль въ раздумьи одинокомъ,
Осѣлъ туманъ кочующей мечты,
И въ первый разъ передъ спокойнымъ окомъ
Окрылся мiръ спокойной красоты.

7 мая 1903 года.

CXV.

Какъ боги, они умирали,
Завиденъ ихъ жребiй земной:
Подъ вечеръ ихъ думы сверкали,
Какъ молнiи въ тучахъ, порой.

У нихъ сѣдина серебрилась,
Ихъ юность минула давно,
А сердце не спало и билось,
Пока не разбилось оно.

7 мая 1903 года.

CXVI.

Ищи твои думы не въ думахъ чужихъ,—
Тамъ сердце чужое сказалось:
Ты жилъ, ты живешь—и отъ звуковъ живыхъ
Не разъ твоя мысль загоралась.

Пусть ищутъ другiе на рынкѣ вождей,
Гдѣ каждый съ голодной тревогой,
Какъ нищiй, стучится у каждыхъ дверей
И проситъ подачки убогой.

7 мая 1903 года.

CXVII.

Прошли вѣка счастливыхъ поколѣнiй:
Во храмѣ жрецъ восхода солнца ждалъ
И отъ боговъ огнемъ небеснымъ генiй,
Какъ Прометей, свой факелъ зажигалъ.

Земныхъ огней надъ нашей ночью много,
Но наша ночь при нихъ еще темнѣй:
Въ земныхъ огняхъ нѣтъ вѣчности, нѣтъ бога,
Въ земныхъ умахъ безсмертныхъ нѣтъ огней.

8 мая 1903 года.

CXVIII.

Снова тревожнымъ огнемъ у Кассандры глаза засверкали,—
Блѣдная, смотритъ она въ вѣщемъ испугѣ впередъ.
Тайныя рѣчи свои ей суровыя Парки сказали:
Скорбь, и печаль, и бѣду темное время несетъ.

Но сохрани твои тайны, Кассандра, въ молчаньи глубокомъ:
Бѣдная, тяжко тебѣ тайны грядущаго знать!
Смертные люди и боги съ Олимпа не вѣрятъ пророкамъ,
Да и не весело имъ горя и гибели ждать.

8 мая 1903 года.

CXIX.

О вавилонской башнѣ снова
Мечтаетъ гордо умный вѣкъ:
И въ наши дни, какъ въ дни былого,
Съ богами споритъ человѣкъ.

Мечтаютъ новые Немвроды
Грозить богамъ, смирить боговъ
И гонятъ строить храмъ свободы
Бичами трепетныхъ рабовъ.

10 мая 1903 года.

CXX.

Къ рабамъ голоднымъ вѣсть свободы
Несетъ восторженный пророкъ:
Въ своей пустыни въ эти годы
Онъ слово правды уберегъ.

Но даромъ рѣчь его звучала,
Какъ рѣчь чужой, ненужной лжи:
Ему пустыня показала
Не нашей жизни миражи.

11 мая 1903 года.

CXXI.

Кипріды юной жрецъ сѣдой,
О чемъ ты думаешь въ печали?
Иль жрицы вѣтряной толпой
Отъ алтарей твоихъ бѣжали?

Или Кипріда не вняла
Твоимъ мольбамъ въ тиши отрадной
И съ обнаженнаго чела
Свалился твой вѣнокъ нарядный?

14 мая 1903 года.

CXXII.

Опять слова царятъ надъ міромъ,
Лѣнивый умъ безпечно спитъ
И передъ рыночнымъ кумиромъ
Толпа счастливая стоитъ.

Онъ новый идолъ, въ немъ все ново:
До насъ онъ мертвымъ камнемъ былъ,
Но этотъ камень наше слово
По нашей волѣ повторилъ.

14 мая 1903 года.

CXXIII.

Еще труба не прозвучала,
Еще архангелъ не зоветъ
И Звѣрь, сокрытый изначала,
Бѣды послѣдней не несетъ,—

Но безпокойные пророки,
Чтобъ какъ-нибудь не опоздать,
Послѣдней мудрости уроки
Толпѣ торопятся сказать.

15 мая 1903 года.

CXXIV.

Оскорблена жрецомъ твоимъ лѣнивымъ,
Ты прочь ушла отъ жертвенныхъ огней.
Въ послѣдній разъ укоромъ молчаливымъ
Блеснулъ огонь божественныхъ очей.

Я звалъ тебя, ты молча отвернулась,
Твой взоръ горѣлъ печалью и стыдомъ,—
И въ первый разъ, ты, гордая, согнулась
И шла, какъ рабъ подъ поднятымъ бичомъ

15 мая 1903 года.

CXXV.

Былая прелесть мечты тревожной
И сердца сны
Не будятъ больше надежды ложной
И въ дни весны.

Мы разгадали ея обманы...
И не для насъ
Волшебно блещутъ ея туманы
Въ вечерній часъ.

18 мая 1903 года.

CXXVI.

Тамъ, дальше—жизнь... Замедливъ на порогѣ,
Пытливый взглядъ бросаешь ты впередъ,
Ты ждешь чудесъ волшебныхъ на дорогѣ,
Передъ тобой нездѣшній міръ встаетъ,

Въ мечтахъ любви, въ истомѣ жгучей ласки...
Не торопись: дорога не длинна,
Земныхъ чудесъ причудливыя сказки
Недолго шепчетъ ранняя весна.

19 мая 1903 года.

CXXVII.

Зачѣмъ ты снова заговорила
О прежнихъ дняхъ?
Все наше счастье въ тѣ годы было
Въ твоихъ рукахъ.

Мечты другія тебя манили
Къ судьбѣ другой...
Тогда мы сердце похоронили
На вѣкъ съ тобой...

26 мая 1903 года.

CXXVIII.

Пророкъ, ты знаешь новый рай,
Гдѣ нѣтъ заботы, нѣтъ печали?
Скажи намъ, гдѣ же твой Синай,
И кто писалъ твои скрижали?

Иль этотъ рай ты создалъ самъ
Въ своей мечтѣ, бездомный странникъ,
И отъ себя приходишь къ намъ,
Никѣмъ не посланный посланникъ?

2 іюня 1903 года.

CXXIX.

Лукъ въ рукѣ. Дуга согнется,
Звонко дрогнетъ тетива...
Чья же кровь сейчасъ прольется?
Чья поникнетъ голова?

Притаясь въ углу, ты точишь
Эпиграмму... На кого?
Въ чьи ряды ты бросить хочешь
Стрѣлы гнѣва твоего?

1903 года.

CXXX.

За звономъ словъ: творить и вѣрить,
О золотыхъ вѣкахъ мечтать,—
Давно не слышно слова «мѣрить»,
Давно забыто слово «знать».

Все безгранично, все безбрежно
Въ хаосѣ смутныхъ, блѣдныхъ думъ
И равнодушно, и небрежно
На тайны жизни смотритъ умъ.

26 іюля 1903 года.

CXXXI.

Пророкъ, ты хочешь, чтобъ бѣжали
Вслѣдъ за тобой толпы людей,
Чтобы слова твои звучали
Надъ гуломъ шумныхъ площадей?

Оставь Синай, иди къ народу,
Возьми скрижали съ алтарей
И предъ толпой—толпѣ въ угоду—
О первый камень ихъ разбей.

23 авг. 1903 года.

CXXXII.

Моя муза вѣнки завивала
Изъ осеннихъ послѣднихъ цвѣтовъ
И печальныя пѣсни слагала
У пустынныхъ давно береговъ.

Ты любилъ ея пѣсни когда-то...
Эти пѣсни полюбишь ли ты?..
Въ догорающихъ безднахъ заката
Меркнутъ тѣни былой красоты...

24 авг. 1903 года.

CXXXIII.

Полу-поэтъ, полу-философъ,
Полу-Фальстафъ, полу-Ноздревъ—
На сотни нынѣшнихъ вопросовъ
Онъ отвѣчать всегда готовъ.

Въ печати мастеръ на всѣ руки,
На все онъ свой имѣетъ взглядъ.
Властитель думъ, онъ врагъ науки—
И даже чортъ ему не братъ.

25 авг. 1903 года.

CXXXIV.

Многосторонніе умы
Въ вѣкахъ прославятъ наше время:
Ужъ и теперь, пожалуй, мы
Совсѣмъ особенное племя.

Начнется съ нами новый вѣкъ,
Иные намъ пути открылись:
Чтобъ умеръ прежній человѣкъ,
Мы взяли и—переродились...

27 авг. 1903.

CXXXV.

Прочти, обдумай и пойми
Послѣдней мудрости скрижали:
Мы перестали быть людьми,—
Теперь мы много выше стали.

Любой пророкъ, чтобъ какъ нибудь
Не заблудился ты во мракѣ,
Тебѣ покажетъ новый путь
И мѣсто, гдѣ зимуютъ раки.

1903.

CXXXVI.

Это вождь, провозвѣстникъ великихъ идей...
Надъ землей онъ паритъ, какъ орелъ:
Смысла жизни искалъ онъ съ младенческихъ дней,
Но пока ничего не нашелъ.

Но, мудрецъ и пророкъ, будетъ вѣчно страдать
Онъ за весь человѣческій родъ
И толпу за собой смысла жизни искать,
Можетъ быть, далеко поведетъ...

28 авг. 1903.

CXXXVII.

Тебѣ желанье мысль внушило,
Ту мысль не жизнь тебѣ дала:
Мечты таинственная сила
Волшебный замокъ создала.

Въ туманной мглѣ его бойницы
Сегодня взоръ чаруютъ твой,
А завтра первый лучъ денницы
Прогонитъ призракъ кочевой...

29 авг. 1903.

CXXXVIII.

Мечъ разбей: гдѣ золото чаруетъ
Взоръ вождей, не честный мечъ въ рукахъ...
Тамъ безстыдно алчность торжествуетъ
На чужихъ покинутыхъ поляхъ.

От҄ земли безсильный стонъ обиды
Далеко несется въ эти дни,
И горятъ безсонной Немезиды
Въ небесахъ священные огни...

14 сент. 1903.

CXXXIX.

Мечъ бери: стоять за правду надо...
Будетъ бой, себя не береги:
Словно волки изъ лѣсу на стадо,
Набѣжали хищные враги.

Если счастье въ черный день измѣнитъ,
Если смерть въ бою тебя найдетъ,
Честный сердцемъ подвигъ твой оцѣнитъ
И рабомъ тебя не назоветъ.

14 сент. 1903.

CXL.

Склоняясь къ каждому подножью
Любой безстыдной красоты,
Поэтъ изысканною ложью
Прикрылъ нечистыя мечты.

Забавъ порочныхъ жрецъ нескромный,
Усталой похоти пророкъ
Передъ толпой отъ Музы темной
Беретъ затасканный вѣнокъ.

18 сент. 1903.

CXLI.

Въ вечерній часъ на небѣ одиноко
Зажглась звѣзда мерцающимъ огнемъ...
Я шелъ одинъ... Звѣзда была далеко...
Ни огонька, ни голоса кругомъ...

Въ вечерній часъ надъ жизнью одиноко
Зажглась мечта мерцающимъ огнемъ...
Я шелъ одинъ... Мечта была далеко...
Ни огонька, ни голоса кругомъ...

28 нояб. 1903.

CXLII.

Поцѣлуй спокойнымъ поцѣлуемъ,
Въ сердцѣ бурь мятежныхъ не буди:
Мы съ тобой о прошломъ не тоскуемъ
И не вѣримъ счастью впереди.

Руку дай... И сны былой печали
Будемъ вмѣстѣ молча вспоминать...
Отдохни, забудься... Мы устали...
Мы устали вѣрить и мечтать...

1903.

CXLIII.

Не гадай: что будетъ, будетъ,—
Что прошло, на вѣкъ прошло:
Снова сердца не разбудитъ
То, что прежде сердце жгло.

Отгорѣли сны и грезы,
Спятъ холоднымъ сномъ мечты
И поникли поздней розы
Поблѣднѣвшіе цвѣты...

1903.

CXLIV.

Если сердце въ тебѣ истомилось,
Въ день печали другихъ не зови:
Надъ безумной землей закатилось
Благодатное солнце любви.

Люди, умные люди устали
Отъ толпы, отъ тревоги людской
И своей одинокой печали
Не раздѣлятъ съ печалью чужой.

10 дек. 1903.

CXLV.

Отчего ты лиры строгой
Бросилъ мѣрный, ровный строй
И опять звенятъ тревогой
Пѣсни, спѣтыя тобой?

Или фея майской сказки,
Въ дымкѣ новой красоты,
Вновь дохнула хмѣлемъ ласки
На дремавшія мечты?

4 янв. 1904.

CXLVI.

Уже не такъ усталой лиры
Звучитъ дрожащая струна:
Упали гордые кумиры,
Ушла нарядная весна...

Мой вечеръ близокъ... Понемногу
Свой черный стягъ подъемлетъ онъ
И сквозь послѣднюю тревогу
Звучитъ протяжный тихій звонъ...

19 апр. 1904.

CXLVII.

Горитъ въ огняхъ твой свѣтлый храмъ,
Обвитъ твой жертвенникъ цвѣтами,
Въ тиши душистый ѳиміамъ
Клубится темными волнами.

Зачѣмъ тебѣ нестройный хоръ
Жрецовъ, и жрицъ, и черни шумной?
Здѣсь не смутитъ нечистый взоръ
Въ ночной тиши молитвы умной.

1903.

CXLVIII.

Раннимъ утромъ тучка золотая
Отъ утеса въ небо уходила.
Ей на встрѣчу, счастье обѣщая,
Молодое солнце выходило.

Тучка шла, волнуясь и сверкая,
Солнце жгло полдневными лучами...
Надъ утесомъ тучка золотая
Разлилась послѣдними слезами.

1904.

CXLIX.

До лучшихъ дней... Неласково къ намъ небо,
Тяжелыхъ думъ медлителенъ полетъ,
Молчитъ струна на звонкой лирѣ Феба,
Кастальскій ключъ звенѣть перестаетъ.

Все поднялось. Полны народомъ стѣны.
Горятъ костры сторожевыхъ огней...
Прощай, родникъ кипучей Ипокрены!
Кастальскій ключъ, прощай!.. До лучшихъ дней...

12 авг. 1905.

ЛИРИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

*

У Ай-Петри закатъ догорѣлъ на горахъ,
Лунный столбъ закачался на темныхъ волнахъ,
За камнями у берега тѣни легли,
Ай-Тодорскiй маякъ загорѣлся вдали,
Дышитъ ночь горячо... Позабытые сны
Навѣваетъ прибой черноморской волны...
Снова снится, что съ жизнью бороться легко,
Что холодная осень еще далеко,
Что вернется весна, запестрѣютъ цвѣты,
Что теперь не обманутъ, какъ прежде, мечты...

9 августа 1899 г.

Скажи, какой могучій властелинъ
Свой замокъ тамъ, на кручахъ горъ поставилъ?
Кому грозилъ съ заоблачныхъ вершинъ,
Что онъ берегъ и чѣмъ себя прославилъ?

И кто его настигъ и одолѣлъ?
Отъ чьей руки твердыни эти пали?
Скажи, какихъ великихъ думъ и дѣлъ
Передо мной священныя скрижали?

Скажи, что тамъ?
— Ай-Петри. Лишь орламъ
Доступны тѣ изломанныя кручи,—
На ребрахъ горъ, придвинувшись къ скаламъ,
Ночуютъ тамъ кочующія тучи...

17 авг. 1899 г.
Алупка. Гюзель-Гермекъ.

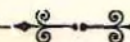

Пусть нелегко создать размѣръ пѣвучій,
Дать полный звукъ безжизненнымъ словамъ
И ихъ сковать въ двойной цѣпи созвучій,
Цезурой стихъ разрѣзавъ пополамъ,—

Но, милый другъ, поэзія—не въ этомъ:
То мертвый блескъ заемной красоты.
Нѣтъ, новый міръ рождается съ поэтомъ
Въ огняхъ его сверкающей мечты.

Волшебное, пророческое слово
Расторгнетъ вдругъ законы языка
И надъ толпой—таинственно и ново,—
Какъ Божій громъ, гремитъ издалека.

22 дек. 1901.

Ночь. Луна на небѣ знойномъ
Ходитъ, въ блескѣ безпокойномъ
Озаряя садъ,—
Смотритъ жадными лучами,
Какъ тяжелыми кистями
Зрѣетъ виноградъ.

Солнце здѣсь весь день стояло,
Сокъ душистый обжигало
Пламеннымъ лучемъ
И зажгло въ тревогѣ жадной
Искры влаги виноградной
Пурпурнымъ огнемъ.

И луна,—какъ заклинанье,
Сыплетъ зыбкое сіянье
На уснувшій садъ,
Къ спѣлымъ ягодамъ ласкаясь,—
И въ тиши, не просыпаясь,
Зрѣетъ виноградъ.

1903.

Вся полна негодованья,
Въ гнѣвѣ сдвинувъ брови строго,
Ты явилась на свиданье,
Хоть пришлось мнѣ ждать немного.

Укоризненныя рѣчи
Злой, язвительной морали
Въ первый часъ неловкой встрѣчи
Такъ торжественно звучали.

А потомъ—ты улыбнулась,
А потомъ—смѣяться стала
И, когда домой вернулась,
У крыльца захохотала...

1903.

Словъ таинственная сила
Черезъ долгій рядъ вѣковъ
Сберегла и сохранила
Думы дѣдовъ и отцовъ.

Въ край родной въ степи далекой
Мчится Игорь на конѣ,
Ходитъ въ скорби одинокой
Ярославна на стѣнѣ.

Причитаетъ и голоситъ—
И печаль минувшихъ дней
Буйный вѣтеръ въ даль уноситъ
Отъ Путивля и степей.

Ярославна плачетъ съ нами—
И печальный пѣсни ладъ,
Какъ и дѣды, со слезами
Наши внуки повторятъ.

1 апрѣля 1903 г.

И не хочу, и не могу
Забыть часы счастливой встрѣчи,
И нѣжно въ сердцѣ берегу
Вашъ милый взглядъ и ваши рѣчи.

Черты спокойной красоты,
Слова спокойнаго привѣта
Зажгли мгновенныя мечты
Почти влюбленнаго поэта.

И будетъ мнѣ чего-то жаль
При звучномъ имени Регины,
Когда вернусь въ родную даль
Я, вольный странникъ, изъ чужбины.

И вспомню я средь зимнихъ дней,
Когда у насъ бушуетъ вьюга,
Васъ въ блескѣ пламенныхъ очей
И въ красотѣ роскошной юга...

1897.

Онъ сказалъ: вотъ утесъ надъ водой...
Здѣсь сижу я порой
И гляжу на пустынныя воды.
Тяжко море шумитъ,
Какъ безумная, чайка кричитъ,
Волны въ гнѣвѣ. Суровой природы
Непривѣтливъ неласковый видъ.
Но легко мнѣ. Душа не болитъ.
Я смотрю на ненастныя тучи.
Любъ мнѣ ихъ непрерывный полетъ,
Воля крѣпнетъ, и сила растетъ,
И туда,—за безплодныя кручи,
Улетаетъ мечта,
Зорче смотритъ пытливое око
И далеко
Отбѣгаетъ волненья черта,
Не смѣняясь чертою покоя.

Мнѣ легко. Замолчи.
Знаю, ярче на югѣ лучи,
Ярче небо горитъ голубое...
Кипарисъ тамъ... Въ саду надъ прудомъ,
Подлѣ ивы, зеленой и гибкой,
Мертвый мраморъ, повитый плющемъ,
Смотритъ въ тихія воды съ улыбкой.
Тѣсно сердцу отъ этой мечты...
Счастье... югъ... Но отъ той красоты
Мое сердце тоскуетъ...
О, пусть море бушуетъ,
Пусть пронзительно чайка кричитъ,—

Съ тяжкимъ стономъ, вся въ пѣнѣ холодной,
Пусть на камни волна налетитъ
И отпрянетъ въ тревогѣ голодной.

О, уйди!
Эта ласка во взорѣ!..
Отъ нея что-то рвется въ груди
И смотрѣть устаю я на море...
Видишь парусъ? Въ могучей борьбѣ
Полетѣть бы на встрѣчу судьбѣ,
Чтобъ извѣдать, осталась-ли сила,
Иль совсѣмъ ослабѣла рука?..

Видишь? Снова сошлись облака
И тревожнѣй волна заходила...

15 янв. 1903 г.

Сядемъ здѣсь, у камина... Въ минувшіе дни,—
Какъ далеко, какъ страшно далеко они—
Здѣсь когда-то мечтать ты любила.
Ты смѣешься? И ты вспоминаешь порой,
Какъ сюда, завернувшись въ платокъ голубой,
На свиданья ко мнѣ ты ходила?..

Брошенъ въ сторону гребень зубчатый изъ косъ,
Разгибаются змѣи тяжелыхъ волосъ,
Блещутъ мраморомъ круглыя плечи,
Меркнетъ, вспыхнувъ, и вновь загорается взглядъ,
И въ ночной тишинѣ такъ тревожно звучатъ
Торопливыя, милыя рѣчи.

Только мѣсяцъ, да звѣзды глядятся въ окно...
Что ты плачешь? Зачѣмъ?—Это было давно
И теперь—не вернется, что было...
Помнишь эти бокалы? Ну, выпьемъ до дна,
Хоть за то, что и къ намъ молодая весна
Какъ на праздникъ любви приходила.

1903 г.

Когда ласкающей рукой
И тихимъ словомъ дружбы нѣжной
Ты сонъ согнала золотой
Надежды и любви мятежной,—

Когда дуга твоихъ бровей
На мигъ одинъ согнулась строже,
Прикрывъ огонь твоихъ очей,
Ты стала мнѣ еще дороже.

Тобой была душа полна,
Тобой мечты мои дышали—
И гдѣ-то плакала струна
Какой-то ласковой печали.

24 мая 1904 г.

БЕЗУМІЕ.

(Монологъ).

Отойди, отойди, Сатана! Не шепчи!
Я безумно страдаю...
Все я знаю,—
Все я знаю,—молчи!

Что? Вчера?—Я всю ночь сторожилъ...
Лжешь, изъ дома она не ходила,
На ночь рано свѣчу погасила,
На балконъ самъ я двери закрылъ...

Что ты шепчешь, проклятый? Въ окно?
При лунѣ я увидѣлъ бы тѣни...
Или въ то? У сирени?
Тамъ темно...

Уходи! То не ты говорилъ!
Все я знаю,
Я теперь вспоминаю:
Это онъ за оградой ходилъ...

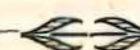
Будь ты проклятъ! Мнѣ трудно дышать!..
Что? Сегодня? О, лживыя рѣчи!
Гдѣ же мѣсто ихъ встрѣчи?
Что? Въ бесѣдкѣ опять?

Какъ? Обоихъ? Но гдѣ сторожить?
Прежде съ нимъ, или съ нею?
Я ружья зарядить не успѣю...
Или... ножъ захватить?

Отойди, отойди! Дай вздохнуть:
Что-то душитъ... Проклятый, не ты ли?
Какъ сказалъ ты? А,—вмѣстѣ грѣшили,
Вмѣстѣ лгали,—такъ вмѣстѣ и въ путь...

Отвернись! Мнѣ въ глаза не гляди!
Голова такъ устала...
Что ты? Время настало?
Что-жъ ты медлишь? Веди!

18 мая 1900 г.

М. В. ЛАУДОВОЙ ХОРЖИЦЕВОЙ.

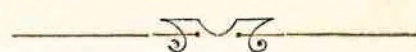
Намъ наше сѣверное лѣто
Не улыбалось въ этотъ годъ:
У насъ и въ солнцѣ мало свѣта,
И часто въ тучахъ день встаетъ.

Но наше лѣто вы согрѣли,
Согнали съ неба стаи тучъ,
На наши сѣверныя ели
Весенній уронили лучъ.

И тучкой легкой и свободной
Опять на югъ летите вы
Отъ нашей осени холодной,
Отъ нашей царственной Невы—

Далеко, въ Прагу вамъ родную...
Но сѣверъ также вамъ сродни:
Здѣсь часто вашу рѣчь живую
Мы вспомнимъ въ сумрачные дни.

30 іюля 1903.

ДНИ ТОСКИ И ПЕЧАЛИ...

*

ДНИ ТОСКИ И ПЕЧАЛИ.

I.

Дни тоски и печали!..
Наши дѣды не знали
Въ дни тяжелой кручины тревоги:
Ихъ суровыя очи
Не искали средь ночи
Новой правды и новой дороги.

Какъ имъ совѣсть велѣла,
За великое дѣло
Поднимались землею для сѣчи,—
Ихъ судьба не пугала,
Ихъ рука не дрожала,
Были просты и прямы ихъ рѣчи.

Дѣло правды и чести—
Безъ измѣны и лести
Стать, позорнаго страха не зная,
За судьбы вѣковыя,
За святыни родныя,
За приволье родимаго края.

Не за дѣло чужое,
За свое, за родное
Стяги грозной войны поднимали,—
Вражья воля—неволя,
Не для насъ эта доля:
Гибли въ битвахъ и срама не знали.

II.

Дни тоски и печали...
Надъ землей прозвучали
Незнакомыя, новыя рѣчи...
Въ комъ же сердце устало?
Чья рука задрожала?
Кто бѣжалъ злой измѣной изъ сѣчи?

Или прежняя сила
Намъ въ бою измѣнила
И не стало въ дружинахъ отваги?
Иль враги одолѣли
И на вѣкъ отшумѣли
Старой славой великіе стяги?

Нѣтъ, родныя печали
Не своихъ испугали,
Истомили не сердце родное:
За судьбы вѣковыя
Испугались чужіе,
Испугались за дѣло чужое

И тоскуютъ лукаво...
Что имъ старая слава
И святыни чужого народа?
Что имъ жизнь вѣковая
Нелюбимаго края?
На чужбинѣ нужна имъ—свобода.

Имъ давно надоѣло
Непонятное дѣло,
Тяжелы имъ потери чужія:

Имъ безумствомъ казалось,
Что вѣками слагалось,
Чѣмъ жила и дышала Россія.

III.

Дни тоски и печали...
За туманомъ пропали
Старыхъ дней величавые стяги,
Сердце вѣрить устало
И въ безумцахъ не стало
Смѣлыхъ думъ и порывовъ отваги.

Сердце трусовъ—ничтожно.
Только смѣлымъ возможно
Знать и дѣлать великое дѣло,
Чтобъ оно разбудило
Все, что сердце томило,
И въ далекихъ вѣкахъ прогремѣло.

Сердце трусовъ—ничтожно:
Все для нихъ невозможно,
Что великихъ усилій достойно,
Все, что ищетъ простора...
И подъ грязью позора
Оно бьется легко и спокойно...

Мысль на землю упала,
Поползла и пропала,
Какъ змѣя за разсѣлиной дикой...
Тучи небо застлали...
Дни тоски и печали,
Дни тоски и печали великой...

Декабрь, 1904 г.

Въ дни испытанья, въ дни тревоги
Всю зоркость мысли сохрани...
Куда ведутъ твои дороги?
Гдѣ путеводные огни?

Чѣмъ дышитъ грудь? Чѣмъ сердце бьется?
Кто щитъ и мечъ въ твоей борьбѣ?
Чѣмъ трудный подвигъ отзовется
Въ твоей загадочной судьбѣ?

Твоихъ побѣдъ твоимъ героямъ
Безъ опасеній ложныхъ вѣрь:
Ты силенъ ихъ безвѣстнымъ строемъ,
Безвѣстной жертвой ихъ потерь...

Они пришли съ полей далекихъ,
Изъ дальнихъ бѣдныхъ деревень,
Гдѣ молча въ думахъ одинокихъ
Не разъ встрѣчали черный день.

Припомни, ихъ отцы и дѣды
На рубежахъ родной земли
За славный день, за день побѣды
Себя въ бояхъ не берегли.

Они подъ стягами святыми
Стоятъ за Русь, не зная лжи...
О, въ день побѣды передъ ними
Вѣнки побѣдные сложи!..

31 мар. 1904 года.

ОДНИ.

Чтò на вѣкъ, что мимолетно,
Что прошло безповоротно,
Что грядущее сулитъ,—
Въ дни войны передъ очами
Вѣковѣчными чертами
Въ яркомъ пламени горитъ.

Врагъ грозитъ... И врагъ—съ востока...
Онъ за моремъ, онъ далеко
Онъ въ Европѣ всѣмъ—чужой:
Онъ еще въ раздумьи строгомъ
Передъ правдой, передъ Богомъ
Не склонялся головой.

Передъ дерзкими очами
Нѣтъ святыни въ нашемъ храмѣ,—
Онъ его спалить готовъ:
Жилъ одинъ онъ, за морями,
Не дѣлился мыслью съ нами
Въ долгой памяти вѣковъ.

Чтò въ тревогѣ и печали
Наши дѣды создавали,
Наша жизнь на чемъ стоитъ,
Что намъ сердце согрѣваетъ,—
Онъ не помнитъ, онъ не знаетъ,
Онъ не любитъ и не чтитъ.

Чтò же? Вся Европа встала
Ради Вѣчнаго Начала,
Ради правды вѣковой,

Чтобы вырвать мечъ преступный
Изъ руки, давно подкупной,
Сильной силою чужой?

Встала? Нѣтъ!.. Какъ прежде, снова
Помогать ему готова,
Сыплетъ золото ему,
Власть сулитъ и манитъ славой,
Рѣчью хитрой и лукавой
Разжигаетъ бой кровавый,
Накликаетъ ночь и тьму.

Что же? Пусть одни мы будемъ,
Пусть одни мы не забудемъ
Правду дѣдовъ и отцовъ...
Намъ въ союзахъ—нѣтъ удачи:
У друзей свои задачи,
Ложь и злоба у враговъ...

Мы встаемъ не ради мести,—
Это подвигъ, дѣло чести,
За святую правду бой...
Вспомнимъ, какъ ходили дѣды...
Будемъ биться до побѣды,
До побѣды вѣковой,—

Чтобъ прошелъ въ вѣкахъ, далеко,
Отъ заката до востока,
Грозный отзвукъ нашихъ дѣлъ,—
Чтобъ надъ русскими полями,
Какъ всегда на сельскомъ храмѣ
Православный крестъ горѣлъ...

14 февр. 1904.

RULE, BRITANIA...

„Англійскій вице-консулъ на островѣ Майорка получилъ отъ своего правительства оффиціальное извѣщеніе о томъ, что съ 13 по 17 мая (н. с.) въ Палермской бухтѣ будутъ сосредоточены пять англійскихъ эскадръ — въ составѣ около 100 судовъ, съ экипажемъ въ 30.000 человѣкъ. Полагаютъ, что англійское правительство рѣшило путемъ грандіозной демонстраціи дать міру зрѣлище британской мощи на морѣ".

(Телегр. изъ Мадрида въ Берлинъ).

Да, ты сильна, владычица морей!
Твои купцы не вѣдаютъ тревоги:
Державный флагъ англійскихъ кораблей
По всѣмъ морямъ загородилъ дороги.

Ты громы шлешь къ далекимъ берегамъ,
На много странъ ты цѣпи наложила
И много разъ озлобленнымъ рабамъ
Въ дни мятежей ты гибелью грозила.

Зачѣмъ же ты свою армаду шлешь
На свѣтлый югъ, на ласковыя воды?
Кому грозишь? Кого на бой зовешь?
Гдѣ предъ тобой должны дрожать народы?

Гдѣ недругъ твой? И гдѣ твоя война?
Что говорятъ развернутые флаги?
Быть можетъ, то, что ты еще сильна,
Еще полна воинственной отваги?

Ты съ слабыми боролась много лѣтъ,
Ты безоружныхъ часто побѣждала,
Но доблести въ твоихъ побѣдахъ нѣтъ,
Твоихъ героевъ слава не вѣнчала.

И съ кѣмъ теперь ты затѣваешь споръ?
Твой хищный взоръ стремится далеко-ли?
Такъ пусть судьбы свершится приговоръ:
Мы не рабы твоей надменной воли.

Иль это фарсъ недавней старины,
Комедія, любимая тобою,—
Добыть себѣ трофеи безъ войны,
Изъ рукъ чужихъ добычу взять безъ бою?

Ты любишь жать, гдѣ сѣяла не ты.
Когда войны стихаютъ треволненья,
Съ мечемъ въ рукахъ сбираешь ты цвѣты
Съ чужихъ побѣдъ, съ чужого пораженья.

Остерегись! На склонѣ темныхъ дней
Въ туманной мглѣ жди осени унылой!
Да, ты сильна, владычица морей,—
Но міръ въ рукахъ ты не удержишь силой.

Твои рабы твоихъ не любятъ узъ:
Ты держишь ихъ неласковой рукою.
Бѣда для нихъ, позоръ для нихъ союзъ,
Съ мечемъ въ рукахъ предписанный тобою.

Забыла ты, какъ буры въ черный годъ
Въ войнѣ съ тобой стягъ вольности держали,
Какъ ихъ вожди, чтобъ сбросить тяжкій гнетъ,
Твоихъ вождей, какъ львы пустынь, встрѣчали?

Дивился міръ ихъ доблести святой,
Поникшій стягъ ихъ слава осѣнила,
Ихъ не пугалъ неравный бой съ тобой...
Но въ этотъ разъ ты снова побѣдила...

Да, ты сильна, владычица морей,
И мечъ тяжелъ въ рукѣ твоей кровавой!
Но только ты побѣдою своей
Свой гордый стягъ не увѣнчала славой!

Ты міру миръ приносишь—на мечѣ,
Но мечъ не сдержитъ тяжести великой,
Но правды нѣтъ въ оковахъ и бичѣ,
Но правды нѣтъ въ побѣдѣ силы дикой.

Настанетъ день,—желѣзный скипетръ свой
Изъ алчныхъ рукъ уронишъ ты невольно,
Когда твой рабъ, закованный тобой,
Швырнетъ тебѣ: «Британія, довольно!..»

17 марта 1904 г.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

«Быль»—наши предки говорили,
Когда писали въ старину
О томъ, какъ ихъ князья ходили
Съ дружиной храброй на войну,

Какъ крѣпко съ ворогами бились,
Какой въ бояхъ несли уронъ,
Какъ честно славою гордились
Побѣдныхъ стяговъ и знаменъ.

Ложь—нашихъ дней бытописанья,
Надъ нашей жизнью—все туманъ:
Взамѣнъ правдиваго сказанья,
Вездѣ притворство и обманъ.

Скрывая правду грозной сѣчи,
Зачѣмъ, кому Европа лжетъ?
Сквозь эту ложь какія рѣчи
Для дней учета бережетъ?

Притворно лжи лукавой вѣрить,
Лукаво ложный слухъ пускать,
И предъ людями лицемѣрить,
И нагло словомъ торговать—

Вотъ торжество, вотъ гордость вѣка,
Вотъ умъ безславныхъ нашихъ дней!

Какъ скоро слово человѣка
Ничтожнымъ стало у людей!

Какъ много лжи, какъ правды мало!
На что уходитъ гордый умъ?..
Ужели время миновало
Святыхъ, высокихъ, чистыхъ думъ?

Темнѣетъ совѣсть, мысль темнѣетъ,
Былая честь въ сердцахъ молчитъ,
Въ потемкахъ гдѣ-то злоба зрѣетъ
И ложь на рынкахъ говоритъ...

15 мая 1904 г.

КЛЕВЕТНИКУ.

Русскій народъ, „нищій, невѣжественный, одичавшій до равнодушія къ своей судьбѣ, народъ недоѣдающій и безобразно перепивающій, обезземеленный, больной“...

„Бытовая нечестность, продажность, жестокость, распутство, пьянство, неуваженіе къ правамъ человѣка — этотъ грубый цинизмъ проникаетъ населеніе до его корней“.

„Глупость народная держитъ и образованные классы въ своемъ плѣну“.

„Въ жизни моего народа я вижу торжество не разума, а какой-то странной придурковатости, той захолустной народной темноты, которая есть естественное слѣдствіе одичанія благородной расы, духовнаго вырожденія ея подъ гнетомъ слишкомъ непосильныхъ жертвъ“.

„Новое Время“ 19 сентября 1904 г. № 10256. „Письма къ ближнимъ“ М. Меньшикова.

Когда въ чужой землѣ вѣнковъ дешевой славы
Униженно искалъ прославленный мудрецъ,
Своей родной земли завѣты и уставы
Порочилъ и чернилъ искусно ловкій льстецъ.

Наслѣдствомъ родовымъ, землей родного края,
Святыней вѣковой врагамъ онъ билъ челомъ,
Но даже и враги, измѣну презирая,
Сѣдого мудреца назвали дикаремъ *).

*) „Times“ усмотрѣлъ въ статьѣ гр. Л. Н. Толстого „образчикъ дикаго мышленія славянской расы“.

Тамъ лгутъ на насъ давно—и злобы не скрываютъ.
Знакомы намъ давно ихъ хищныя мечты.
Но въ русскихъ мудрецахъ и тамъ давно пугаютъ
Растлѣнныя слова презрѣнной клеветы.

И вслѣдъ за старикомъ съ его померкшей славой,
Съ безумной жаждою затасканныхъ вѣнковъ,
Теперь идешь и ты съ усмѣшкою лукавой
И клеветать, какъ онъ, на край родной готовъ?

Народъ! Родной народъ!.. Подъ небомъ не звучало
Святѣе этихъ словъ во всѣхъ концахъ земли!
Его живымъ огнемъ вся наша жизнь сіяла,
Мы отъ его огня свои огни зажгли!

И въ дни, когда онъ сталъ подъ тяжкій грохотъ битвы
За честь родной земли у стяга своего,
Ты, жалкій скоморохъ, не чтишь его молитвы
И смѣешь хохотать надъ вѣрою его!

Нѣтъ, не его вина, что жилъ онъ не богато,—
Не намъ его винить въ неправдѣ вѣковой:
Въ своей родной землѣ онъ былъ рабомъ когда-то,
Онъ жилъ среди чужихъ и самъ другимъ чужой.

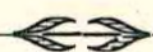
И былъ великій день, желанный день свободы,—
На новый трудный путь судьба его вела...
Но онъ пошелъ—одинъ... У насъ за эти годы
Свои были мечты, свои были дѣла.

Но онъ не истощилъ своей могучей силы:
Онъ и безъ насъ живетъ и долго будетъ жить.
Зачѣмъ же ты, мертвецъ, выходишь изъ могилы
Съ лопатою въ рукѣ живого хоронить?

Къ его лихой бѣдѣ презрѣннымъ сыномъ Ноя
Подходишь ты, смѣясь надъ наготой его.
Какъ жалкій рабъ и льстецъ, ты хвалишь все чужое
И лжешь, роняя честь народа своего.

То нашихъ новыхъ дней безумныя причуды,—
Оборвалась въ сердцахъ святыхъ преданій нить,
И стали цѣловать, молясь, вѣнокъ Іуды
И Каина печать торжественно носить...

Сент. 1904 г.

НОВЫЕ НЕМВРОДЫ.

Палъ, палъ великій Вавилонъ!
И кто восплачется о немъ?

I.

Великій Немвродъ говоритъ къ вамъ, рабы.—
То слово его прозвучало:
Для новой великой послѣдней борьбы
Великое время настало.

Возсталъ онъ, въ порывѣ могучемъ возсталъ!
Въ немъ сердце огнемъ запылало:
Нѣтъ, онъ никого надъ собою не зналъ,
Сынъ гнѣвнаго бога, Ваала!

Безмѣрно могучъ Вавилонъ и богатъ!
Къ нему, властелину въ угоду,
Цари и владыки земные спѣшатъ,
Но—стало въ немъ тѣсно Немвроду.

Пусть гнутся колѣни державныхъ владыкъ,
Пусть здѣсь, передъ царственнымъ трономъ,
И льстивъ, и ничтоженъ ихъ рабскій языкъ,
Но—Богъ не приходитъ съ поклономъ.

Гдѣ битвой побѣдные стяги дружинъ
Прославитъ въ походѣ далекомъ?
Богъ прячется въ небѣ,—такъ нашъ властелинъ
Найдетъ Его въ небѣ высокомъ.

*

До неба, до самаго неба, рабы,
    Вы камень на камень кладите,—
Немвроду твердыню для новой борьбы,
    Для новыхъ побѣдъ возводите.

И станетъ тогда на стѣнахъ властелинъ,
    Великій въ бою и ловитвѣ,
И вызоветъ Бога одинъ на одинъ
    Сойтись съ нимъ въ заоблачной битвѣ.

Онъ новую дастъ вамъ свободу, рабы,
    И новое счастье добудетъ:
Онъ скипетръ подниметъ Желѣзной Судьбы
    И Бога на небѣ—не будетъ.

II.

И камни среди сеннаарскихъ равнинъ
    Высокому небу грозили.
Туда, гдѣ имъ быть повелѣлъ господинъ,
    Рабы ихъ послушно носили.

Работали плети, свистѣли бичи,
    Съ угрозами стоны мѣшались,
Смѣнялись одинъ за другимъ палачи,
    Рабы, умирая, смѣнялись.

А башня росла—и рвались къ небесамъ
    Тяжелые камни земные,
И гордый Немвродъ обходилъ по стѣнамъ
    Бойницы свои боевыя.

Какъ воинъ и вождь, онъ врага сторожитъ,
    Врасплохъ не застанутъ героя:
И мечъ при бедрѣ, и пристегнутый щитъ,
    И шлемъ—все готово для боя.

Но странно молчитъ безграничный просторъ,
    Не слышно на вызовъ отвѣта,
И меркнетъ безсильно пытующій взоръ
    Въ лучахъ безконечнаго свѣта.

«Рабы, за работу! Давайте камней
    «И ждите великой награды,
«Когда отъ земли до небесныхъ огней
    «Мы сложимъ земныя громады».

Но камень тяжелъ для земли, на землѣ:
    Въ немъ тяга земная сказалась...
Нежданная буря въ нахлынувшей мглѣ
    Къ твердынѣ земной приближалась.

И грянулъ небесный невѣдомый громъ,
    Огни въ небесахъ засверкали,
Посыпались съ грохотомъ камни кругомъ
    И крѣпкія стѣны упали.

По слову Немврода трудились рабы,
    Трудились цари и народы,—
Но не взялъ онъ скиптра Желѣзной Судьбы
    И не далъ онъ міру свободы.

III.

То росъ, то дряхлѣлъ человѣческій родъ,
    А люди—людьми оставались:

Погибъ на поляхъ сеннаарскихъ Немвродъ.
Другіе Немвроды являлись.

Туманилась мысль, опьяняли мечты,
Заснувшая совѣсть молчала,—
Надъ міромъ въ соблазнѣ былой красоты
Старинная пѣсня звучала.

Съ мечами подъ стягомъ на гордыхъ камняхъ
Вставали на Бога народы,—
И падали башни высокія въ прахъ,
И гибли безслѣдно Немвроды.

И нынѣ опять говоритъ Вавилонъ,—
Какъ прежде, какъ въ старые годы,—
Что воля его для народовъ законъ,
Что міру не надо свободы,

Что онъ проживетъ до скончанья вѣковъ,
Не зная ни рая, ни ада:
Ему непонятны тревоги рабовъ
И Бога на небѣ—не надо.

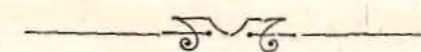
Что міръ? Развѣ тайна теперь мудрецамъ
Законы его вѣковые?..
И башня растетъ, и ползутъ къ небесамъ
Тяжелые камни земные...

Работаютъ плети, и свищутъ бичи,
И камни все выше вползаютъ,
На смѣну другъ другу идутъ палачи,
Голодные мертвыхъ смѣняютъ.

И снова Немвродъ возглашаетъ: «рабы!
«Немного теперь остается,
«И мой будетъ скипетръ Желѣзной Судьбы,
«И Богъ въ человѣкѣ проснется».

Но гдѣ-то колеблется зыбкая мгла,
Предвѣстница бури нежданной,
И тѣнь роковая беззвучно легла
Надъ рокотомъ Темзы туманной.

Іюль 1904 г.

НЕ СВОИ И НЕ ДОМА.

«Печально я гляжу на наше поколѣнье»...

Нежданныхъ думъ медлительный полетъ
Несетъ туманъ сомнѣній и тревоги.
Куда судьба насъ въ эти дни зоветъ?
Куда ведутъ безвѣстныя дороги?

Гдѣ въ небесахъ та яркая звѣзда,
Что по вѣкамъ вела впередъ народы?
Въ ночи міровъ померкла навсегда
И новыхъ звѣздъ выходятъ хороводы?

И разумъ жизни—легкая мечта,
Скользнувшая безслѣдно надъ вѣками?
На старый міръ подъ знаменемъ Креста
Глядитъ хаосъ бездонными очами?

Иль въ насъ вина? Подъ шепотъ сладкой лжи
Мы отреклись отъ стяговъ правды вѣчной
И въ черный день на грань родной межи
Пришли толпой лѣнивой и безпечной?

Въ отвѣтѣ—мы: надъ нами судъ идетъ...
Виновны-ль мы,—судьба теперь рѣшаетъ...
Проститъ ли насъ великій нашъ народъ,
Когда онъ нашъ великій грѣхъ узнаетъ?

Отъ старыхъ дней святыни онъ берегъ,
За нихъ вѣка стоялъ въ величьи строгомъ...
И Богъ его—теперь для насъ не Богъ,
И мы не съ нимъ стоимъ предъ нашимъ Богомъ...

Когда предъ нимъ подъ сѣнью красоты
Изъ тьмы временъ вставала наша слава,
Въ чужой землѣ, рабы чужой мечты,
Чужихъ вѣнковъ искали мы лукаво.

Онъ не забылъ ни дѣдовъ, ни отцовъ...
А что для насъ осмѣянные дѣды,
Великій трудъ умчавшихся вѣковъ
И прошлаго великія побѣды?

Не для него мы въ путь далекій шли...
Когда мы съ нимъ страдали и молились?..
Нѣтъ, мы давно, какъ граждане земли,
Всѣмъ идоламъ на свѣтѣ поклонились.

Когда надъ нимъ въ сіяньи золотомъ
Родной земли подвижники стояли,
Изъ храма въ храмъ мы бѣгали тайкомъ
И безъ конца своихъ боговъ мѣняли.

Намъ не судья, стоялъ онъ въ сторонѣ,—
Онъ и не зналъ героевъ нашей славы
И, какъ чужой, дивился въ тишинѣ
На барскія роскошныя забавы.

Но гдѣ тотъ свѣтъ, который мы зажгли?
Въ чемъ наша мысль? Чему теперь мы вѣримъ?
Мы, гордые избранники земли,
Какою правдой совѣсть нашу мѣримъ?

И въ эти дни, когда вѣсы судьбы
Въ своихъ рукахъ колеблетъ непогода,
Готовы-ль мы для дѣла и борьбы,
Достойны-ль мы великаго народа?

Окт. 1904 г.

ОГНИ.

Если старая ложь твою мысль не сожгла,
И, какъ темная ночь, надъ душой не легла,
И для новыхъ, для строгихъ, безтрепетныхъ думъ
Можетъ вспыхнуть, какъ свѣточъ надъ бездной, твой умъ,—
Если совѣсть въ тебѣ безпробудно не спитъ
И съ беззвѣздную ночь жажда правды томитъ
Твое сердце, безсонное сердце—и къ ней
Еще рвется оно отъ невѣрныхъ тѣней.—
Если ухо твое и подъ громъ непогодъ
Тайный голосъ далекой судьбы узнаетъ,
И для зоркихъ, пытливыхъ, для умныхъ очей
Не померкли лучи вѣковѣчныхъ огней,—

Разбуди твою совѣсть, твой умъ разбуди,
Стань въ ночной тишинѣ и—на западъ гляди.

Видишь въ небѣ мерцающій слѣдъ безъ лучей
Виѳлеемской звѣзды догорѣвшихъ огней?
Словно вѣтеръ по темному небу разнесъ
Блѣдный жемчугъ прозрачныхъ, серебряныхъ слезъ.
Эти слезы, какъ слезы о долгихъ вѣкахъ,
Застываютъ въ послѣднихъ, безсильныхъ лучахъ...

И встаетъ Торжествующій въ безднахъ и мглѣ
Съ роковою печатью на гнѣвномъ челѣ,—
Мечетъ молніи взоръ по ночнымъ небесамъ,

Яркой кровью огни загораются тамъ,
И дрожатъ надъ землей два широкихъ крыла,
И, какъ темные хлопья, застывшая мгла
Съ нихъ на землю, беззвучно качаясь, летитъ...

И хаосъ изъ зіяющей бездны глядитъ...

Авг. 1904 г.

ВОЙНА.

I.

Когда война въ кровавой мглѣ подъемлетъ
Свой черный стягъ изъ бездны роковой,
Ея громамъ тоскливо сердце внемлетъ,
Встрѣчая день, отмѣченный судьбой.

И міръ—не тотъ... Его живыя краски
Какъ будто вдругъ погасли, отцвѣли,—
Въ мерцаньи звѣздъ нѣтъ прежней тихой ласки,
У солнца нѣтъ привѣта для земли.

Душа болитъ... Недологъ сонъ тревожный,
Тревожный умъ видѣнья гонитъ прочь
И все глядитъ—пытливый, осторожный—
Въ беззвѣздную таинственную ночь.

Ихъ не вернуть, что тамъ, далеко пали.
Пусть слава ихъ въ концы земли пройдетъ,
Но тяжкихъ думъ тоскующей печали
Родной семьи она не унесетъ.

Ихъ больше нѣтъ... Ихъ молодая сила,
Ихъ смѣлый духъ—до срока отцвѣли...
Въ чужой землѣ безвѣстная могила,
Послѣдній сонъ въ поляхъ чужой земли...

Страшна война... Въ крови ея скрижали,
Ея огни горятъ въ зловѣщей мглѣ,
И вслѣдъ за ней дни скорби и печали
Ползутъ, какъ змѣй, въ потемкахъ по землѣ.

II.

Война страшна... Но въ сердцѣ человѣка
Она живетъ, живетъ его огнемъ—
И надъ землей ея судьбы отъ вѣка
Начертаны таинственнымъ перстомъ.

Когда народъ за право жить на свѣтѣ
Подниметъ стягъ могучею рукой,
Не въ этой жизни будетъ онъ въ отвѣтѣ,
Его вину разсудитъ судъ иной.

За все, чѣмъ жизнь манила съ колыбели,
Чѣмъ Божій свѣтъ ласкалъ и нѣжилъ взоръ,
За пѣсни тѣ, что матери намъ пѣли,
Родныхъ полей приволье и просторъ,

За правду думъ, оправданныхъ вѣками,
За крестъ честнòй, за Бога своего—
Народъ идетъ на смертный бой съ врагами,
И страха нѣтъ предъ смертью у него.

Пусть всѣ въ огняхъ гремятъ врага твердыни,
Пусть грозенъ врагъ въ отвагѣ боевой,
Онъ никогда родной земли святыни
Не осквернитъ презрительной рукой.

Жизнь дорога, но честь—ея дороже...
И только въ ней живая сила есть...
И въ черный день ронять ее негоже:
Тотъ жалкій рабъ, въ комъ замолчала честь...

III.

Страшна война... Но трусъ—ея страшнѣе!
Въ немъ совѣсть спитъ, душа его пуста.
Въ прямыхъ словахъ открыть свой страхъ не смѣя,
Роняютъ ложь лукавыя уста.

Въ его душѣ нѣтъ ни одной святыни.
Что для него родной земли народъ?
Онъ хлѣбъ себѣ найдетъ и на чужбинѣ,
Въ чужихъ краяхъ боговъ себѣ найдетъ.

Въ своей землѣ ненужный и ничтожный,
Выходитъ онъ въ туманѣ черныхъ дней
Подъ маской лжи и лести осторожной
Среди враговъ искать себѣ друзей.

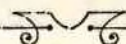
Презрѣнный лжецъ исканьемъ правды новой
Зоветъ свои презрѣнныя мечты.
Своей хвалой врага вѣнчать готовый,
Онъ упоенъ безстыдствомъ клеветы.

Предъ западомъ холопски пресмыкаясь
Оттуда онъ себѣ награды ждетъ
И свой народъ, униженно ласкаясь,
Его врагамъ безстыдно продаетъ...

Любить свой край... Но, спроситъ онъ, за что-же?
За ложь его—что родина дала?
Ея враги заплатятъ и дороже
За клевету, за темныя дѣла.

Страшна война... Но этотъ трусъ —страшнѣе:
Въ предательствѣ—геройство видитъ онъ
И въ день бѣды, холопства не жалѣя,
Идетъ къ врагамъ народа на поклонъ...

Окт. 1904 г.

ГОСТИ.

Родной народъ! Въ былые годы
Священный стягъ своей свободы
Держалъ ты крѣпкою рукой.
Была пора: враги съ востока
И безпощадно, и жестоко
Разбили твой свободный строй.

Но и тогда въ суровой долѣ
Ты не забылъ о прежней волѣ,
Рабомъ по совѣсти не сталъ,
Не принялъ чуждаго начала
И всталъ, когда пора настала,
И цѣпи рабства разорвалъ.

Ты шелъ на битву одиноко:
Никто на помощь издалека
Не слалъ къ тебѣ своихъ дружинъ.
Въ вѣкахъ безтрепетно и смѣло,
Одинъ свое ты дѣлалъ дѣло,
Всегда одинъ, вездѣ одинъ.

Шла стороной твоя дорога,
Но надъ собой ты видѣлъ Бога,
Свои святыни ты берегъ,
Въ дни тяжкихъ бѣдъ берегъ ты совѣсть—
И дѣлъ твоихъ простую повѣсть
Порочить недругъ твой не могъ.

И скоро всѣ кругомъ узнали,
Что ты въ дни скорби и печали
Окрѣпъ и выросъ, полный силъ.
Не такъ, какъ ты, другіе жили,
Другимъ богамъ они служили,
Не то языкъ ихъ говорилъ.

Ты стягъ держалъ своей свободы.
И часто съ запада народы
Шли къ рубежамъ твоей земли,—
Чужихъ боговъ, чужіе нравы,
Вѣнки чужой, далекой славы
Съ мечемъ въ рукахъ къ тебѣ несли.

Но ты не принялъ ихъ святыни:
Чужой, какъ прежде, и донынѣ
Она твоей душѣ была.
Твоимъ порывамъ къ правдѣ строгой,
Твоей любви и жаждѣ Бога
Она отвѣтить не могла.

Теперь опять востокъ лукавый
Зоветъ тебя на бой кровавый,
Колеблетъ стягъ побѣдный твой.
Ты поднялъ, какъ въ былые годы,
Священный стягъ своей свободы
И держишь крѣпкою рукой.

Но въ эти дни кровавой сѣчи
Слова чужой лукавой рѣчи
Раздались глухо за тобой:
Кричатъ подъ громъ борьбы суровой
О новой жизни, правдѣ новой,
Тебѣ далекой и чужой.

Тамъ ищутъ правъ, тамъ ищутъ воли.
Съ тобой живутъ они давно-ли?
Съ тобой тяжелые труды
Дѣлили-ль ихъ отцы и дѣды?
Кто хочетъ рвать чужой побѣды
Еще незрѣлые плоды?

Зачѣмъ слова неладной лести,
Когда хозяинъ съ поля чести
Домой на отдыхъ не пришелъ?
О чемъ шумятъ и спорятъ гости?
Кто ихъ пустилъ, тотъ на погостѣ
Еще могилы не нашелъ.

Зачѣмъ искать до срока власти?
Зачѣмъ хотятъ дѣлить на части
Не въ добрый часъ старинный домъ?
Онъ самъ свои порядки знаетъ
И все, что жить ему мѣшаетъ,
Поправитъ самъ, своимъ умомъ.

Ноябрь, 1904 г.

*

ЗАРЯ СВОБОДЫ.

I.

Твой часъ насталъ: тебя зовутъ, народъ!
Твоихъ рѣчей давно мы не слыхали...
Твои дѣла, судьбы твоихъ заботъ
И за тебя, и безъ тебя рѣшали.

Ты замолчалъ—и именемъ твоимъ
Твои враги надменно говорили.
Ты былъ для нихъ и темнымъ, и чужимъ,
И голосъ твой они давно забыли.

Роняя честь родной своей земли,
Въ чужихъ краяхъ они ума искали,
Чужихъ краевъ уставы къ намъ несли,
Чужихъ рѣчей обрывки повторяли.

Ты вынесъ все, ты все перетерпѣлъ,
Ты былъ внизу—безъ слова и безъ права,—
И для тебя ихъ пестрыхъ словъ и дѣлъ
Была чужой сомнительная слава.

Для ихъ ума ты слишкомъ теменъ былъ,
Хоть этотъ умъ—туманъ чужого свѣта...
И голосъ ихъ давно не находилъ
Въ твоей душѣ могучаго отвѣта.

И ихъ рѣчей давно не слышалъ ты,
И сердце спасъ отъ муки оскорбленья:
То рѣчь была лукавой клеветы,
Безстыднаго и дерзкаго презрѣнья.

II.

Твой часъ насталъ: тебя зовутъ, народъ,—
Зовутъ тебя на подвигъ благородный...
Пусть голосъ твой, какъ вешній громъ, пройдетъ
По всей землѣ, правдивый и свободный!

То золото, что ты таилъ въ вѣкахъ,
Отъ глазъ чужихъ въ тревогѣ одинокой,
Пусть выльется въ твоихъ простыхъ рѣчахъ,
Залогомъ правды, чистой и высокой.

Есть у тебя, что ты бы могъ сказать!
Свой скудный хлѣбъ ты получалъ не даромъ:
За всѣхъ одинъ лишь ты умѣлъ страдать,
Сносить ударъ тяжелый за ударомъ.

Пусть видятъ всѣ, что крѣпокъ вѣрой ты,
Что только съ ней пряма твоя дорога,
Что для вѣнковъ тщеславной суеты
Ты не забылъ и не отринулъ Бога.

Пусть знаютъ всѣ, что ты въ тиши—не спалъ,
Дѣла людей своею правдой мѣрилъ,
Подъ окнами ума не собиралъ,
Въ людскую честь, въ людскую совѣсть вѣрилъ.

Пусть знаютъ всѣ, что жить чужимъ добромъ
Ты не умѣлъ, не можешь и не будешь,
Но старыхъ гнѣздъ въ краю своемъ родномъ,
Отцовскихъ нивъ во вѣки не забудешь.

Ты скажешь имъ, что на родныхъ поляхъ
Хозяинъ ты, безсмѣнный и безспорный,
Когда съ тобой въ затѣйливыхъ словахъ
Подниметъ споръ за землю гость задорный.

Ты скажешь имъ, что рѣчи ихъ темны,
Что сердце ихъ и слово ихъ—лукавы,
Что для тебя ничтожны и смѣшны
Пустые сны ихъ мимолетной славы.

Ты скажешь имъ, что въ легкихъ ихъ мечтахъ,
Въ ихъ дѣтскихъ снахъ нѣтъ силы правды строгой.
Ты не пойдешь, какъ ты не шелъ въ вѣкахъ,
Чужихъ святынь искать чужой дорогой.

Апр. 1905 г.

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ.

I.

Князь Владиміръ, стольно-кіевскій,
Пиръ почестный затѣвалъ,
Славныхъ витязей дружинниковъ
На веселье созывалъ.

Всѣхъ просилъ хозяинъ ласковый
Въ гридню свѣтлую свою,—
Да забылъ Владиміръ-Солнышко,
Не позвалъ на пиръ Илью.

О ту пору много прибыло
Изъ чужихъ краевъ людей,
Именитыхъ, гордыхъ витязей
И добычливыхъ гостей.

Князь любилъ ихъ рѣчь узорную,
Лесть ихъ хитрую любилъ,—
И позвать Илью нескладнаго
На почестный пиръ забылъ.

О ту пору князь съ княгинею
Полюбили гуслей звонъ
И пригожихъ, статныхъ стольниковъ
Чинный, вѣжливый поклонъ.

По чужому, по заморскому
Князь съ княгиней ставилъ домъ...
Какъ за столъ садиться княжескій
Съ мужикомъ-богатыремъ?

Какъ бы онъ—спроста, безъ хитрости—
Словъ неладныхъ не сказалъ?
И на пиръ Илью нескладнаго
Князь Владиміръ не позвалъ...

II.

Старъ-матеръ казакъ коня сѣдлалъ,
Въ торока вязалъ суму:
Не по мысли въ стольномъ городѣ,
Тѣсно въ Кіевѣ ему.

Мать-пустыня молчаливая
Снова въ путь его зоветъ,-
Тамъ обиды горькой жалобу
Буйный вѣтеръ разнесетъ,

Степь размыкаетъ кручинушку...
Принимай, родная ширь!..
И обидой, и тревогою
Истомился богатырь.

Вѣщимъ страхомъ сердце мучится,
Черныхъ думъ не отогнать...
Выручай же, степь раздольная,
Помоги, пустыня-мать!

Не дорогой прямоѣзжею,
Не по шумнымъ городамъ,—
Безъ пути и безъ дороженьки,
По болотамъ и лѣсамъ,

Стороной, таясь отъ встрѣчнаго,
Въ старомъ сердцѣ скорбь тая,
Въ безпросвѣтной черной думушкѣ
Ѣдетъ сумрачный Илья.

Брови сдвинуты суровыя,
Лобъ морщинами изрытъ,—
Лишь съ конемъ про злую долюшку
Онъ дорогой говоритъ.

III.

О ту пору въ стольномъ Кіевѣ
Шли веселые пиры,
Гости тѣшились заѣзжіе,
Пѣли пѣсни гусляры.

И веселымъ, шумнымъ праздникомъ,
Безпечальна и свѣтла,
Какъ рѣка подъ яснымъ солнышкомъ,
Жизнь привольная текла...

Но не все сіяетъ солнышко...
День ненастный настаетъ:
Царь Калинъ ярлыкъ изъ-за моря
Съ похвальбою князю шлетъ,—

Мужиковъ грозитъ повырубить,
Князя въ Кіевѣ схватить
И на дымъ всѣ церкви Божіи
На Святой Руси пустить.

Змѣй-Тугаринъ вновь изъ-за̀ моря
Въ тучахъ къ Кіеву летитъ,—
Машетъ крыльями бумажными,
Вѣчной ябедой грозитъ.

Хитрыхъ крыльевъ тѣни черныя
Закрываютъ неба сводъ,
Надъ церквями въ старомъ Кіевѣ—
Крестъ сіять перестаетъ.

Замутились люди въ Кіевѣ,
Овладѣлъ сердцами страхъ,
Зашумѣла голь кабацкая
На широкихъ площадяхъ,

Съ куполовъ сбиваютъ маковки
И кресты хотятъ сбивать,
Чтобы съ пьяной прибауткою
Въ кабакахъ ихъ пропивать.

Отъ татей, воровъ, отъ вольницы
Нѣтъ по Кіеву пути:
Даже внизъ, къ Днѣпру широкому,
За водою не пройти.

IV.

Что же князь сидитъ задумчивый
Въ свѣтлой гридницѣ своей,—
Не зоветъ заѣзжихъ витязей,
Не зоветъ богатырей?

Или рѣчи ихъ досужія
Хороши лишь на пирахъ?
Или нѣтъ ума и совѣсти
Въ ихъ затѣйливыхъ словахъ?

Гдѣ застава богатырская,
Что стояла въ старину?—
Затуманился князь-Солнышко,
Думу думаетъ одну.

Много есть могучихъ витязей,
Много есть богатырей,
Да стоять за землю русскую,
За кресты святыхъ церквей,

За святыни православныя,
За родной земли укладъ—
Они что-то не торопятся,
Не умѣютъ, не хотятъ.

Много есть отважныхъ рыцарей,
Да у нихъ печаль—своя...
Гдѣ ты, силушка великая?
Гдѣ ты, дѣдушка Илья?

Ты одинъ безъ лести хитростной
Князю правду говорилъ.
На заставу богатырскую
Вольной волей выходилъ.

Не искалъ ты княжьихъ почестей
И богатства не искалъ,—
Ты одинъ по чистой совѣсти
За святую Русь стоялъ.

Затуманился князь-Солнышко,
Вспомнилъ правду старыхъ дней
И велѣлъ сзывать по Кіеву
Въ теремъ свой богатырей...

V.

По скамьямъ сидятъ дружинники,
Впереди честной синклитъ,—
Князь Владиміръ, Красно-Солнышко,
Передъ ними говоритъ:

«Вамъ скажу я, люди добрые,
«Про тоску-печаль мою,—
«Изобидѣлъ понапрасну я
«Друга вѣрнаго, Илью.

«Обвели меня захвальщики
«Съ чужедальней стороны,
«Отвели отъ правды дѣдовской,
«Отъ завѣтной старины,

«Голосъ правды опорочили,
«Слово лести говоря,—
«И обидѣлъ я безвиннаго
«Всей земли богатыря.

«Онъ ушелъ отъ насъ изъ Кіева,
«Мы его напрасно ждемъ...
«Помирите, люди добрые,
«Вы меня съ богатыремъ.

«Снаряжай коня, Добрынюшка,—
«Ты поѣдешь за Ильей:
«Вы когда-то побратались
«На заставѣ боевой.

«Онъ другихъ и не послушаетъ,
«Тяжела его рука...
«Слово брата и товарища
«Не обидитъ старика.

«Встрѣтишь ты его, Добрынюшка,
«Бей поклономъ до земли:
«Думы долгія, тяжелыя
«Въ старомъ сердцѣ залегли.

«Говори съ нимъ по учтивому,—
«Встрѣчныхъ словъ не говори,—
«Что, молъ, въ Кіевѣ соскучились
«Безъ него богатыри,—

«Въ стольномъ Кіевѣ съ княгинею
«Князь Владиміръ его ждетъ
«И къ себѣ во гридню свѣтлую
«На почестный пиръ зоветъ.

«Не въ концѣ стола сидѣть ему
«Рядомъ съ челядью княжой...
«Противъ князя за дубовый столъ
«Сядетъ витязь не чужой,

«Не заѣзжій, не захвальщина,—
«Сядетъ силушка своя,
«Богатырь народа русскаго,
«Старый Муромецъ, Илья».

Январь, 1905 года.

ПОТОКЪ БОГАТЫРЬ.

I.

Не на радость отъ долгаго сна своего
У Толстого Потокъ пробудился,
Да и скоро заснулъ богатырь у него
И не во-время спать завалился.
Сумасбродныхъ затѣй и причудливыхъ дѣлъ
Только малую часть онъ тогда подглядѣлъ,
Новой были онъ видѣлъ начало:
Наше время еще назрѣвало.

«Лѣтъ на триста» Толстой ему спать заказалъ...
Не пришлось бы скорѣй пробудиться?
И побольше, пожалуй, Потокъ бы поспалъ,
Да на шумномъ базарѣ не спится.
Новой правды созрѣли не въ пору плоды,—
Разошлись языки, загалдѣли жиды
И, чужими рѣчами богаты,
Поднялись господа адвокаты.

Бабій визгъ примѣшался къ мужскимъ голосамъ,
Молодежь забродила, какъ тѣсто,
И на всѣхъ площадяхъ, и по всѣмъ городамъ
Раздается шипѣнье протеста.
Какъ какой-то босяцкій растрепанный бѣсъ,
Разошелся во всю неумытый прогрессъ,
Эволюція шибко шагаетъ:
То бастуетъ, то бомбы бросаетъ.

Къ безпорядкамъ сгоняютъ рабочихъ толпы,
Сочиняютъ младенцы законы,
Всѣ орутъ несогласно и даже попы
Прутъ съ неистовымъ крикомъ въ Гапоны...
И Потокъ бы поспалъ, да вѣдь какъ же заснешь
Подъ такой современный идейный галдежъ—
Въ дни, когда либеральная пресса
Торжествуетъ побѣды прогресса?

«Что за чортъ!—проворчалъ, просыпаясь, Потокъ.—
Аль со степи орда налетѣла?
Печенѣги пришли? Али князь занемогъ
И кабацкая голь зашумѣла?
Много лѣтъ на Руси я спокойно проспалъ,
А такой суматохи еще не слыхалъ,
Знать, творится неладное что-то...
На людей посмотрѣть мнѣ охота...»

Умывался Потокъ ключевою водой,
Рушникомъ расшитымъ утирался,
Расчесалъ волоса и на торгъ городской
Поразвѣдать дѣла собирался.
По щекамъ разгорается алая кровь,
Отъ усмѣшки дрожитъ соболиная бровь,
Смотрятъ смѣлыя очи пытливо...
— Погляжу я на новое диво.

II.

На торгу въ стольномъ городѣ каменный домъ,
Тамъ просторны и свѣтлы палаты.
Для дебатовъ о земскомъ строеніи въ немъ
Собралися толпой адвокаты.

О побѣдахъ науки и новыхъ идей
Говорилъ тамъ ораторъ, должно быть еврей,
И звучало такъ странно и ново
Либерально-жидовское слово.

«Мы созрѣли,—галдѣлъ на трибунѣ еврей,—
Скорымъ шагомъ мы дружно шагаемъ.
Накопилось у насъ столько новыхъ идей,
Что куда и дѣвать ихъ,—не знаемъ.
Эволюція мчитъ насъ впередъ и впередъ,
Правовое сознанье ростетъ и ростетъ
И тенденціи каждаго класса
Поняла даже темная масса.

«Мы созрѣли—и нынѣ мы выросли такъ,
Что мы противъ всего протестуемъ:
Изъ кармана полиціи кажемъ кулакъ
И, когда захотимъ, мы бастуемъ.
Правовое сознанье въ рабочемъ ростетъ,
Онъ подъ стягомъ науки къ прогрессу идетъ,
О своихъ интересахъ хлопочетъ,
То есть вовсе работать не хочетъ.

«О борьбѣ, о протестѣ вездѣ говорятъ
Прогрессивныхъ началъ элементы:
Педагоги по школамъ учить не хотятъ,
Не желаютъ учиться студенты.
И профессоръ гласитъ, получивъ гонораръ,
Что пора-бы студентамъ идти на базаръ,
Что ихъ жизнь на борьбу призываетъ,
А ему—отдохнуть не мѣшаетъ.

«Въ мужикѣ замѣчается личности ростъ:
Ему новыя книжки знакомы...

Онъ когда-то молчалъ, былъ и робокъ, и простъ,
А теперь принялся за погромы...
Это нашей научности сладостный плодъ!
Онъ народныя массы къ прогрессу ведетъ:
Отрицая аграрныя нормы,
Открываетъ пути для реформы.

«Мы надъ русскою жизнью зажгли новый свѣтъ,
Мы созрѣли, мы ясно сознали:
Въ конституціи только спасенье отъ бѣдъ,
Безъ нея мы совсѣмъ бы пропали.
Къ правовому порядку судьба насъ зоветъ,
А мужикъ своихъ правъ пусть еще подождетъ,—
Вѣдь для массы простого народа
Ненужна и излишня свобода.

«Что мужикъ? Это символъ застоя и тьмы,
Онъ въ невѣжествѣ звѣрю подобенъ,—
Править темною массою призваны мы:
Къ конституціи онъ неспособенъ.
Мы созрѣли и нынѣ желаемъ мы всласть
Надъ мужицкимъ затылкомъ использовать власть
И въ народномъ дремучемъ разсудкѣ
Уничтожить его предразсудки».

Кончилъ лекторъ... Грохочетъ восторженно съѣздъ,
Прогрессивнымъ теченьемъ волнуемъ.
Слышны крики: «напишемъ министру протестъ
И сегодня-же всѣ забастуемъ».
Но програмный, весьма прогрессивный восторгъ
У Потока отвѣта въ душѣ не исторгъ,—
Онъ смѣялся идейному крику:
«Сбились, надо быть, всѣ съ панталыку.

«Землю ставить и строить не свычно жидамъ:
Не по совѣсти имъ это дѣло...
На родной сторонѣ въ поученье вѣкамъ
Имя ихъ навсегда отшумѣло.
Что-жъ? И намъ навсегда свою землю отдать
И по бѣлому свѣту пріюта искать,
Позабывъ стародавнюю славу,
Намъ на соромъ, а имъ на забаву?

«Нѣтъ, живымъ не отдастся свободный народъ
Ради жалкой холопской затѣи
На родной сторонѣ съ доброй воли подъ гнетъ...
Онъ не вѣдаетъ этой «идеи».
Если-жъ праздныхъ людей прогрессивный языкъ
Къ чепухѣ и идейному вздору привыкъ,
Имъ народъ безъ вранья и протеста
Отведетъ надлежащее мѣсто».

III.

Новый домъ. Засѣданіе. Дамскій кружокъ.
Говоритъ прогрессивная дама.
На ораторшу смотритъ въ испугѣ Потокъ
И порою краснѣетъ отъ срама.
«Мы созрѣли,—идейная дама кричитъ.—
Намъ сидѣть, сложа руки, прогрессъ не велитъ,
Посему благородно и смѣло
Мы за общее примемся дѣло.

«Обновить, возродить человѣческій родъ
Всѣ философы въ мірѣ хотѣли...
Эволюція требуетъ новыхъ породъ:
Тѣ, что были, теперь устарѣли.

Такъ вѣщаютъ первѣйшіе въ мірѣ умы.
Кто же можетъ его возродить? Только мы!
И возникнутъ на лонѣ природы
Совершенно другія породы.

«Развѣ наши мужчины идейнѣе насъ?
Или больше вкусили науки?
Прогрессивнѣе? Бить бы ихъ надо подъ-часъ
За такія противныя штуки.
Вѣдь и мы, какъ мужчины, протеста полны
И спокойствія такъ-же давно лишены,
Чтобъ въ довольствѣ лѣнивомъ и сладкомъ
Присмотрѣть за домашнимъ порядкомъ.

«Мы вѣдь тоже хотимъ подавать голоса,
Говорить на соборахъ по книжкѣ...
И не смѣетъ никто поминать волоса,
А не то мы подвергнемъ ихъ стрижкѣ.
И мужчины теперь говорятъ наобумъ.
Кто же можетъ подвергнуть сомнѣнью нашъ умъ?
Противъ этого мы протестуемъ,
А не то вѣдь и мы—забастуемъ.

«Забастуемъ... Да какъ! Забастовка мужей
Пустяковое, плевое дѣло!
Всѣ узнаютъ, какъ въ области высшихъ идей
Прогрессивная дама созрѣла.
Ни одна, я клянусь, не пойдетъ на обманъ!
Не сказалъ-бы про насъ даже Аристофанъ,
Что мы нашимъ богамъ измѣнили,
Равноправность и клятвы забыли.

«Поднимай-же знамена, о дамскій кружокъ,
За права, за борьбу, за свободу!

Только что ты уставился, глупый Потокъ,
На меня, какъ бараны на воду?
Ты, должно быть, въ научномъ прогрессѣ ослабъ,
Видѣлъ въ жизни однѣхъ только кіевскихъ бабъ...
Въ наше время мы съ каждаго бока
На событія смотримъ широко».

Застыдился Потокъ, глазъ не можетъ поднять
Отъ стыда и великаго срама.
«Не сердись,—говоритъ,—что мнѣ стыдно сказать,
Что̀ бы надо, идейная дама.
О дѣлахъ мнѣ съ тобой говорить не съ руки.
Только, думаю я, хороши мужики,
Если бабъ собираютъ на вѣче...
Отъ сего—чуръ меня, человѣче!

«Это правда, что прежде у насъ въ теремахъ
Наши бабы такъ скоро не зрѣли
И на вѣчѣ съ народомъ о земскихъ дѣлахъ
Въ перебой голосовъ не галдѣли.
Но зато онѣ знали пристойность и стыдъ,
Что порой помолчать и прикрыться велитъ
И по торгу расхожее око
Не раскидывать слишкомъ широко.

«Человѣческій родъ не брались возрождать,
Хоть дѣтишекъ исправно рожали
И дѣтишки у насъ на отцовскую стать,
А не мимо породы бывали.
Если-жъ баба какая, бывало, начнетъ
Промышлять производствомъ не нашихъ породъ,
Мы неладно ее называли
И, признаться, за это бивали»...

IV.

Шуменъ актовый залъ. Настоящій содомъ.
Гимназистовъ-ораторовъ масса.
Посрединѣ сидятъ за казеннымъ столомъ
Представители каждаго класса.
Много дѣтски-задорныхъ звучитъ голосовъ,
Щиплютъ старшіе губы подъ видомъ усовъ,
Бросивъ въ печку тетради и книжки,
Ходятъ кубаремъ приготовишки.

Съ ребятишками ладить умѣетъ Потокъ,
Сыплетъ шутками, звонко смѣется...
Только вдругъ отъ стола дребезжащій звонокъ
Надъ притихшей толпой раздается.
Предсѣдатель по выбору долго звонилъ,
Подождалъ, посмотрѣлъ, засѣданье открылъ
И по списку, нахмурясь сурово,
Предоставилъ ораторамъ слово.

Говорили недолго, «въ короткихъ словахъ»,
Къ резолюціи все торопились,
И знакомыя формулы въ школьныхъ стѣнахъ
Какъ-то странно и дико носились.
«Знаменательный день наступилъ, господа!
Всѣмъ извѣстно, зачѣмъ мы собрались сюда:
Наше чувство,—отъ васъ я не скрою,—
Недовѣріе къ нашему строю».

«Жить нельзя такъ,—торжественно крикнулъ другой,—
Это правда, я съ этимъ согласенъ:
По причинамъ серьезнымъ чиновничій строй
Подозрителенъ мнѣ и опасенъ».—

«Протестую я противъ японской войны:
Намъ далекіе порты совсѣмъ ненужны.
До Манчжуріи что̀ намъ за дѣло?
А Сибирь и совсѣмъ надоѣла»...

«Голосовка въ парламентъ должна быть прямой,
«И всеобщей, и тайной, и равной».—
«Наша церковь,—насупившись, крикнулъ другой,—
Не должна быть теперь православной».—
«Это признакъ застоя—уроки учить.
Я стою за свободу по классамъ курить
И латыни, презрѣнной отнынѣ,
Не должно быть у насъ и въ поминѣ».

«Нелегальный союзъ предлагаю создать,
Чтобы вѣдать ему просвѣщенье:
Только этотъ союзъ и сумѣлъ бы поднять
Прогрессивное въ школѣ теченье».—
«Безъ директора, сами управимся мы:
Онъ сторонникъ застоя, отсталости, тьмы,—
Мы же, новыя книжки имѣя,
Очень твердо стоимъ на идеѣ».—

«Мы созрѣли. Хотя еще въ школѣ сидимъ,
Въ конституціи толкъ понимаемъ:
Для начала сперва забастовки хотимъ,
А учиться совсѣмъ не желаемъ».—
Порѣшили—ушли. Тихо актовый залъ
Отъ недавнихъ идейныхъ рѣчей отдыхалъ
И виднѣлась фигура Потока
Въ полутьмѣ у окна одиноко.

Непонятный, властительный, сладостный сонъ
Изъ невѣдомыхъ безднъ поднимался

И Потокъ, въ вѣковыя мечты погруженъ,
Уже снова заснуть собирался.
Но встряхнулся Потокъ, чары демонскихъ силъ
Отогналъ и себя онъ крестомъ осѣнилъ.
«Спать не время,—сказалъ онъ въ тревогѣ,—
Спать не время: бѣда на порогѣ.

«Если нынче заснешь, гдѣ проснешься потомъ?
На холопской Руси иль свободной?
Если нынче заснешь, изнывать подъ жидомъ
Будетъ въ рабствѣ народъ благородный.
Если Русь, какъ и прежде, тебѣ дорога,
Русскій стягъ подними, выходи на врага
И пытливыя, смѣлыя очи
Пусть не дремлютъ въ тревожныя ночи.

«Надо вѣру спасать, надо Русь уберечь...
Испытанія время настало.
Раздается безстыдная, подлая рѣчь,
Меркнетъ правда и совѣсть пропала.
Въ дрябломъ сердцѣ старинную ложь затая,
Много долгихъ вѣковъ всѣ вы спали, какъ я.
Просыпайтесь! Пора наступила!
Подступаетъ недобрая сила!»

Апрѣль, 1905 г.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ И ПАРОДІИ.

СТРАШНЫЙ ДУКА.

(Баллада).

I.

Маху далъ суровый герцогъ,
Страшный Дука, ди Буяно.
Тутъ винить, конечно, надо
Не глухого капеллана.

Капелланъ... Онъ не разслышалъ,
Онъ ошибся, это вѣрно...
Ну а герцогъ... Все сложилось
Для него ужасно скверно...

Онъ повѣрилъ... Что-же дѣлать?
Знать того судьба хотѣла.
Впрочемъ, я забылъ подробно
Разсказать вамъ, въ чемъ тутъ дѣло.

II.

Дѣло въ томъ... Но дѣло—въ пѣснѣ..,
Кто разскажетъ эти звуки?
Отчего въ нихъ столько нѣги,
Столько счастья, столько муки?

Въ первый разъ надъ старымъ Рейномъ
Эта пѣсня прозвучала.
Отцвѣтая, тихо яблонь
Лепестки цвѣтовъ роняла,

Мѣсяцъ плылъ въ далекомъ небѣ,
Ночь томила, ночь томилась,
На балконѣ въ замкѣ темномъ
Чья-то тѣнь остановилась,

У балкона этой тѣни
Кто-то долго ждалъ въ печали,
Майской ночью у балкона
Чьи-то струны прозвучали.

Вотъ и пѣсня. Мѣсяцъ блѣдный
Сталъ надъ замкомъ и—внимаетъ.
«О Эльвира! О Эльвира!»—
Ночь надъ Рейномъ повторяетъ.

III.

Родилась и рвется пѣсня
На просторъ широкій міра,
И летитъ отъ замка къ замку:
«О Эльвира! О Эльвира!»

Все впередъ, все дальше, дальше,—
Вольной пѣснѣ нѣтъ предѣла,—
Надъ горами, надъ морями
Эта пѣсня полетѣла.

Все впередъ, все дальше, дальше,—
Вольно, смѣло и широко,—
Льются звуки пѣсни новой
Отъ заката до востока.

Вечерѣетъ. Сняты брони,
Прочь отложенъ мечъ тяжелый,
У костровъ въ пустынѣ дальней
Раздается смѣхъ веселый.

На плащахъ кресты... Прохладой
Ночь дохнула послѣ зноя,—
У костровъ передъ шатрами
Вспоминается родное.

Лютню взялъ оруженосецъ,
Пѣсню новую онъ знаетъ:
— «О Эльвира! О Эльвира!»—
Ночь въ пустынѣ повторяетъ.

Конченъ бой. Молчатъ герольды,
Утомились за день кони.
Прочь желѣзо, прочь доспѣхи,—
На пиру не нужны брони.

Въ старомъ замкѣ пиръ веселый,
Пиръ веселый до полночи,
Льются рѣчи, льются вина,
Блещутъ дамъ прекрасныхъ очи.

Но безъ пѣсни скученъ праздникъ,
Но безъ пѣсни—нѣту пира...
— Минестрель!.. И льется пѣсня:
— «О Эльвира! О Эльвира!»—

Молодой синьорѣ скучно:
Мужъ въ походѣ, мужъ далеко...
Какъ давно она проводитъ
Дни и ночи одиноко!

— Милый пажъ, мнѣ скучно, скучно...
— Что-то сердце такъ заныло!
— Спой мнѣ пѣсню, что-бы вздохи,
— Что-бы слезы я забыла...

На полу у ногъ синьоры
Пѣсню прошлаго турнира
Пажъ поетъ подъ звуки лютни:
—«О Эльвира! О Эльвира!»—

Все впередъ, все дальше, дальше
Новой пѣсни льются чары.
Вотъ вдали ей нѣжно вторятъ
Андалузскія гитары,

Внемлютъ гордыя испанки
Съ новой грустью пѣснѣ новой,
Внемлетъ пѣснѣ ди Буяно,
Герцогъ грозный и суровый,

Внемлетъ пѣснѣ ди Буяно
У балконовъ, въ дни турнира,
И порою нѣжно шепчетъ:
—«О Эльвира! О Эльвира!»

IV.

Съ каждымъ днемъ суровый герцогъ
Все печальнѣй, все блѣднѣе,—
Съ каждымъ днемъ залетной пѣсни
Чары глубже и сильнѣе.

Скрывъ лицо полями шляпы,
Какъ безумный, герцогъ бродитъ:
Ни въ охотѣ, ни въ турнирахъ
Онъ забвенья не находитъ.

Передъ нимъ волшебный образъ,
Какъ живой, въ мечтахъ носился:
Въ призракъ пѣсни, въ тѣнь Эльвиры,
Герцогъ сумрачный влюбился.

Но холодное сомнѣнье
Сердце Дуки тайно гложетъ:
Только рыцарь громкой славы
Передъ ней явиться можетъ.

Гдѣ добыть довольно славы?
Гдѣ собрать ему трофеи?
Отзовитесь, гдѣ вы, гдѣ вы,
Великаны и злодѣи?

Гдѣ волшебники, драконы?
Гдѣ растетъ онъ, лавръ побѣдный?
Ахъ, объ этомъ долго думалъ
И напрасно Дука бѣдный!

Нѣтъ злодѣевъ, нѣтъ драконовъ!
А безъ нихъ—и славы мало...
Бѣдный Дука въ честь Эльвиры
Сталъ тузить, кого попало...

Въ честь Эльвиры бѣдный Дука
Смѣло въ драку лѣзъ любую,—
Даже дѣти передъ Дукой
Разбѣгались въ разсыпную,—

Даже латникъ, сторожъ бурга,
Бросивъ въ ровъ копье съ сѣкирой,
Мчался въ горы, крикнувъ Дукѣ:
— Чортъ съ тобою и съ Эльвирой!

Въ дни, когда все сердце Дуки
Новыхъ подвиговъ алкало,
Даже лошадь передъ Дукой
Осторожно отступала.

Про его любовь къ Эльвирѣ
Скоро всѣ кругомъ узнали
И влюбленнаго Буяно
«Страшнымъ Дукою» прозвали.

И когда собрался Дука
Къ дамѣ сердца въ путь-дорогу,
Всѣ кругомъ перекрестились
И сказали: славу Богу...

V.

Къ дамѣ сердца... Но куда же?
Гдѣ живетъ она? Кто скажетъ?
Кто влюбленному Буяно
Путь-дорогу къ ней покажетъ?

Кто? Но развѣ въ старомъ Кельнѣ
Нѣтъ ужъ больше капеллана?
Мудрый старецъ, онъ разсѣетъ
Всѣ сомнѣнья ди Буяно.

Да, онъ знаетъ все, что можно,
Да, онъ знаетъ все, что надо,
Знаетъ тайны дней грядущихъ,
И чистилища, и ада,

Знаетъ книги и легенды,
Всѣ гербы, девизы знаетъ,
По звѣздамъ, по гороскопу
Все, что надо отгадаетъ,

Все онъ знаетъ, все онъ можетъ,
Все ему открыто въ мірѣ,—
Мудрый старецъ онъ укажетъ
Вѣрный путь ему къ Эльвирѣ.

Такъ мечталъ дорогой Дука,
Объ одномъ лишь забывая,
Что съ годами капеллана
Одолѣла старость злая,

Что съ годами тотъ утратилъ
Силу мысли, бодрость духа,
Что давно онъ слабъ глазами
И оглохъ на оба уха.

Долго бился въ старомъ Кельнѣ
Съ мудрымъ старцемъ ди Буяно,
Долго точнаго отвѣта
Герцогъ ждалъ отъ капеллана.

Старецъ шамкалъ, старецъ путалъ,
Даже плакалъ въ горькой мукѣ,
Наконецъ, собравшись съ духомъ,
Все сказалъ, что надо Дукѣ.

Все сказалъ... Но страшный Дука,
Бѣдный герцогъ, далъ ты маху:
Ахъ, совсѣмъ не та Эльвира
Померещилась монаху.

VI.

Да, на Рейнѣ, въ замкѣ старомъ,
Всѣхъ пѣвцовъ любовь и греза,
Какъ весна, цвѣла Эльвира,—
То—Эльвира фонъ деръ Роза.

Но еще одна Эльвира,
Но Эльвира фонъ деръ Рожа
На Эльвиру пѣсни чудной
Не совсѣмъ была похожа.

Не совсѣмъ? Совсѣмъ напротивъ,
Сходства нѣтъ и не бывало,
Хоть въ такомъ же старомъ замкѣ
Эта дама проживала,

Хоть на Рейнѣ прогремѣло
Имя этой дамы строгой,
Хоть о ней шептались часто
Съ опасеньемъ и тревогой.

Слухи шли, у минестрелей,
Лишь войдетъ она, бывало,
Только взглянетъ,—лютня на полъ
Отъ испуга упадала.

Слухи шли, что пилигримы
Этотъ замокъ за три мили,
Чтобъ не встрѣтиться съ Эльвирой,
Потихоньку обходили.

Передъ ней враги бѣжали,
Какъ предъ грозной вражьей ратью,
А супругъ ея отъ страха
Укрывался подъ кроватью.

На бѣду ихъ спуталъ старецъ,
Съ нимъ и герцогъ съ толку сбился:
За Эльвирой фонъ деръ Рожа
Онъ на поиски пустился.

*

VII.

Май убралъ весь лугъ цвѣтами,
Старый Рейнъ веснѣ смѣется,
Яснымъ утромъ въ чистомъ небѣ
Пѣсня жаворонка льется,

Свѣжей зеленью покрыты
Всѣ поля по горнымъ склонамъ,
Все живетъ въ лугу и въ полѣ,
Все живетъ въ лѣсу зеленомъ,

Все живетъ, все жизнью дышитъ,
Всюду радость и тревога...
Третій разъ гремитъ у замка
Звукъ серебрянаго рога.

Звонкій рогъ бросаетъ трели,
Словно жемчугъ, надъ рѣкою,—
Какъ имъ звучно вторитъ эхо
За зеленою горою!

Изъ-за сосенъ въ волны Рейна
Грозно смотритъ замокъ темный...
Вновь трубитъ оруженосецъ,
Чтобъ спустили мостъ подъемный,

Вновь трубитъ оруженосецъ,—
А за нимъ въ кольчугѣ ратной,
Натянувъ поводья, смотритъ
На бойницы рыцарь статный.

Чудный конь подъ нимъ играетъ,—
Вся въ гербахъ его попона,
Надъ гербами ярко блещетъ
Золотымъ шитьемъ корона.

Рыцарь ждетъ, поднявъ забрало,
Блещутъ латы боевыя,
Надъ узорнымъ шлемомъ вѣютъ
Перья страуса цвѣтныя.

Конченъ путь: тамъ волны Рейна,
Здѣсь надъ Рейномъ замокъ темный...
Вотъ скрипятъ въ воротахъ цѣпи,
Опуская мостъ подъемный,

Вотъ за рвомъ въ желѣзной рамкѣ
Тяжело гремятъ засовы,
Тяжело въ желѣзо моста
Бьютъ желѣзныя подковы.

VIII.

Старый замокъ, дворъ широкій,
У крыльца цвѣтныя плиты,
Стѣны, окна и карнизы
Свѣжей зеленью обвиты,

Надъ крыльцомъ балконъ узорный
Убранъ яркими коврами,
Чуть звеня—струя фонтана
Что то шепчетъ надъ цвѣтами.

Рогъ звенитъ... По звонкимъ плитамъ,
Весь въ цвѣтахъ, какъ утро мая,
Вышелъ пажъ русоволосый,
Гостя ласково встрѣчая.

— Ди Буяно, герцогъ, прибылъ
— Къ благороднѣйшей Эльвирѣ,
— Чтобъ сказать, что нѣтъ ей равной,
— Нѣтъ подобной въ этомъ мірѣ,

— Что Буяно въ честь Эльвиры
— Поразилъ враговъ не мало,
— Что на подвиги Эльвира
— Ди Буяно вдохновляла,

— Что Буяно, герцогъ, жаждетъ
— Ужъ давно желанной встрѣчи,
— Что онъ проситъ отъ Эльвиры
— Только взгляда, только рѣчи,

— Что видѣнья неземного
— Онъ до гроба не забудетъ,
— Что свой мечъ лишь въ честь Эльвиры
— Поднимать отнынѣ будетъ,

— Что отнынѣ онъ, Эльвиры
— Въ битвахъ имя называя,
— Славой подвиговъ наполнитъ
— Міръ отъ края и до края.

Кончилъ Дука. Надъ цвѣтами
Чуть звеня фонтанъ смѣялся,
Молча пажъ русоволосый,
Взоръ потупя, улыбался.

IX.

Длинный залъ. Въ цвѣтныя стекла
Узкихъ оконъ Май глядится,
На щиты и на доспѣхи
Тѣнь прозрачная ложится,

Тѣнь прозрачная ложится
На скамьи, столы и плиты...
Съ двухъ сторонъ рѣзныя двери
Темнымъ бархатомъ прикрыты,

На стѣнахъ мечи и копья,
Дань войны, добыча плѣна...
Страшный Дука у порога
Преклонилъ одно колѣно.

Страшный Дука ждетъ Эльвиры,
Ждетъ въ восторгѣ, ждетъ въ тревогѣ, —
И Эльвира фонъ деръ Рожа
Появилась на порогѣ.

Появилась... Громъ и буря!
Ахъ, на что она похожа!
Предъ тобой безсильно слово,
О Эльвира фонъ деръ Рожа!

На челѣ ея высокомъ...
Только нѣтъ его, чела-то,
Подъ огромной рыжей шапкой
Головы ея лохматой...

Ожерелье къ шейкѣ бѣлой...
Но о шейкѣ нѣтъ и рѣчи:
Голова ея безъ шеи
Уходила прямо въ плечи.

На лицѣ... Но развѣ можно
Звать лицомъ лицо такое?
Фонъ деръ Рожа—это имя
Было имя роковое.

Стройный станъ, узорный поясъ...
Эхъ, когда бы это было!
Восемнадцатымъ фонъ Рожей
Тяжела она ходила!

На пришельца фонъ деръ Рожа
Ястребинымъ смотритъ окомъ,
Стиснувъ зубы, въ гнѣвѣ лютомъ
Наступаетъ грозно бокомъ,

Въ узкихъ щелкахъ глазки злые
Мечутъ искры, дышутъ ядомъ...
Ахъ, и жутко, и неловко
Подъ такимъ недобрымъ взглядомъ!

Кулаки вотъ такъ и ходятъ,
Такъ и рдѣетъ въ гнѣвѣ кожа,
Словно къ ней пришелъ не Дука,
А ея супругъ, фонъ Рожа.

Обалдѣлъ суровый герцогъ,
Зашатался страшный Дука,
Отъ Эльвиры фонъ деръ Рожа
Прыснулъ, какъ стрѣла изъ лука,—

Ровъ у замка онъ, какъ заяцъ,
Перепрыгнулъ безъ оглядки,
Только быстро засверкали
Въ золоченыхъ шпорахъ пятки.

Тщетно звалъ оруженосецъ
И кричалъ ему: куда ты?
Мчался вихремъ Страшный Дука,
На бѣгу теряя латы...

X.

Передъ дамами труверы,
Въ пышныхъ залахъ минестрели
О послѣднихъ дняхъ Буяно
Такъ и этакъ часто пѣли.

Пѣли такъ: въ душѣ Буяно
Появилась дрянь такая,
Что ужъ тутъ не жди, конечно,
Ни чистилища, ни рая.

Какъ-же быть тогда съ душою,
Разъ она такого сорту?
Что съ ней сдѣлалъ Страшный Дука?
Очень просто: отдалъ чорту.

Съ той поры,—другіе пѣли,—
Чернокнижникомъ сталъ Дука
Въ томъ разсчетѣ, что поможетъ
И въ его бѣдѣ наука.

Говорили, часто ночью
Онъ кого-то заклинаетъ,

Подъ котломъ огонь разводитъ,
Что-то шепчетъ и вздыхаетъ,

Весь въ дыму стоитъ у горна,
Передъ нимъ стоитъ реторта.
Въ ней всю ночь онъ что-то варитъ,—
Тоже, къ слову, не безъ чорта.

Но едва-ли были правы
Минестрели и труверы:
О Буяно мы слыхали
И другіе разговоры.

Говорили, что Буяно,
Полный нечисти и скверны,
Въ старомъ Кельнѣ у кладбища
Не выходитъ изъ таверны.

Ровно въ полдень онъ приходитъ,
Мрачно, гордо, молчаливо
И одинъ въ углу укромномъ
До полночи тянетъ пиво.

Передъ полночью, весь красный,
Онъ ворочаетъ глазами,
Ровно въ полночь въ столъ дубовый
Онъ колотитъ кулаками,—

Стукнетъ, встанетъ, захохочетъ,
Громко крикнетъ: «вотъ такъ штука!»
— Маху далъ суровый герцогъ,
— Ди Буяно, Страшный Дука!

16 мая 1900 г.

ИЗЪ СѢВЕРО-СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ МОТИВОВЪ.

Викингъ Свенъ, сынъ викинга, внукъ ярла,
Шелъ одинъ въ печали надъ фіордомъ.
Словно тучи, проходили думы
На челѣ властительномъ и гордомъ.

Словно думы скорби, надъ фіордомъ
Тучи шли зловѣщими рядами.
Думы-тучи, тучи-думы скорби,
Какъ туманъ, ложились надъ волнами.

Волны мчались бѣшено на скалы,
Въ бѣлой пѣнѣ буря приближалась,—
Словно тамъ, въ глубокихъ безднахъ мрака,
Предъ закатомъ битва начиналась.

Всѣ въ крови валкиріи несутся...
Вотъ ладьи сцѣпилися баграми...
Думы-тучи окружили Свена
Надъ фіордомъ темными тѣнями.

Злѣе буря. Словно по Валгаллѣ
Торъ прошелъ, весь въ пламени багряномъ...
Думы-тучи закрываютъ Свена
Надъ фіордомъ огненнымъ туманомъ.

Злѣе буря. Яростная Гелла
Въ адскихъ безднахъ тяжко застонала...

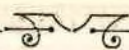
Тучи-думы надъ могучимъ Свеномъ
До земли спустили покрывало.

И когда подъ пѣсни злобной бури
По фіорду пѣна разметалась,
Свенъ пропалъ куда-то, словно сгинулъ,—
Ничего отъ Свена не осталось.

Что съ нимъ сталось, и о чемъ онъ думалъ,
Наши скальды очень знать желали,
Только какъ ни бились, ни старались,
Ничего о Свенѣ не узнали.

Очень жаль, досадно и прискорбно,—
Тутъ ужъ то обидно для поэта,
Что такимъ поступкомъ Свенъ могучій
Самъ себя испортилъ для сюжета.

28 декабря 1899.

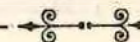
НА ДАЧѢ.

У березы бѣлоствольной
Въ паркѣ чья-то тѣнь мелькаетъ.
Этотъ кто-то часто взоры
Въ нашу сторону бросаетъ.

Отчего-же ты смѣешься?
И откуда эти слезы?
И зачѣмъ слѣдишь за тѣнью
Въ старомъ паркѣ у березы?

Милый другъ, твою тревогу
Я отлично понимаю:
Ты боишься, что на поѣздъ
Я сегодня опоздаю...

1903.

СПОРЪ.

„За послѣднія пять лѣтъ мы соблюдали большую сдержанность, но я совершилъ бы измѣну по отношенію къ англійской націи, еслибъ подвергнулъ опасности будущность Индіи, оставаясь равнодушнымъ къ чужимъ вмѣшательствамъ, значеніе которыхъ совершенно ясно“.

(*Слова лорда Керзона*).

„Разница между Великобританіей и ея новымъ соперникомъ заключается въ томъ, что мы, англичане, желаемъ лишь одного: сдѣлать нашими друзьями туземцевъ, населяющихъ области, которыя непосредственно примыкаютъ къ Индіи, нашъ главный же соперникъ желаетъ, чтобы эти туземцы были не только его друзьями, но и нашими врагами“.

(*Daily Graphic*).

Какъ-то разъ, въ разгарѣ самомъ
Европейскихъ ссоръ,
У Джонъ-Буля съ дядей Самомъ
Былъ великій споръ.

—«Берегись!»—сказалъ Джонъ-Булю
Осторожный Самъ.
«Мечешь ты за пулей пулю
«По своимъ врагамъ.

«Имъ наскучитъ быть мишенью
«Для твоей пальбы,
«Ужъ готовы къ возмущенью
«Дерзкіе рабы,

«Ужъ доходятъ злыя вѣсти,—
«Часто тамъ и тутъ
«Стоны мукъ и крики мести
«Надъ землей идутъ,—

«Ужъ не вѣрятъ за морями
«Англіи твоей...
«Ты давно богатъ врагами,
«Поищи друзей...»

«Что прошло, то миновало,—
«Былъ ему отвѣтъ.
«У меня друзей не мало,—
«Знаетъ цѣлый свѣтъ.

«Я умѣю міромъ править,—
«Дружбу берегу
«И любить меня заставить
«Хоть кого могу.

«Посмотри,—зеленый Эринъ,
«Добрый мой сосѣдъ,
«Какъ онъ кротокъ, какъ онъ вѣренъ
«Мнѣ съ недавнихъ лѣтъ.

«Дружба дружбой, служба службой,—
«Былъ онъ мнѣ врагомъ,
«Я ходилъ за этой дружбой
«Часто съ кулакомъ.—

«Дружбу съ нимъ я только силой
«Вынудилъ, повѣрь...
«Милый Эринъ, Эринъ милый,—
«Мы друзья теперь?

«Посмотри еще, у Нила,—
«Быль недавнихъ дней,—
«Мнѣ фортуна подарила
«Искреннихъ друзей.

«Нѣтъ, они не отбивались,
«Нѣтъ,—безъ мятежа
«Въ дружбу мнѣ они попались,
«Плача и дрожа.

«Безъ веревки и безъ плахи
«Дружбу добылъ я...
«О, скажите мнѣ феллахи,
«Вы мои друзья?...

«Посмотри еще, южнѣе,—
«Тамъ еще есть другъ.
«Съ каждымъ днемъ гляжу нѣжнѣе
«Я на этотъ югъ.

«Буры дружбы не хотѣли,
«Но хотѣлъ такъ рокъ...
«Впрочемъ, много въ этомъ дѣлѣ
«Китченеръ помогъ...

«Было время,—мы устали
«Добывать друзей.
«Мы у буровъ убивали
«Женщинъ и дѣтей...

«Наконецъ, мы ихъ сломили,—
«И доволенъ я...
«Буры, вы меня плѣнили...
«Буры, мы—друзья?..

«А теперь гляди къ востоку,
«Къ сказочной странѣ...
«Захватить ее съ наскоку
«Не пришлось и мнѣ.

«Сердца Индіи прекрасной
«Я искалъ вѣка.
«Часто въ жадности напрасной
«Падала рука.

«Я искалъ путей къ Голкондѣ,
«Въ этотъ дивный рай,—
«Ворренъ Гастингсъ въ Роилкондѣ
«Вырѣзалъ весь край,

«Я вассаловъ непокорныхъ
«Данью разорилъ,
«Всѣхъ мятежныхъ, всѣхъ упорныхъ
«Голодомъ морилъ.

«И легенды создавали
«Долго въ томъ краю
«Про страданья, про печали,
«Про любовь мою...

«О, жемчужина востока!
«Страсти не тая,
«Я люблю тебя глубоко...
«Ты теперь моя?..

«Что прошло, то миновало,—
«Знаетъ цѣлый свѣтъ:

«У меня друзей не мало
«И невѣрныхъ—нѣтъ»...

«Не хвались еще заранѣ»,—
Молвилъ дядя Самъ,—
«Вотъ на Тибетѣ въ туманѣ...
«Что такое тамъ?..»

Тайно былъ Джонъ-Буль нескромный
Вѣстью той смущенъ
И въ тоскѣ на Тибетъ темный
Взоры кинулъ онъ.

Тамъ далеко, за туманомъ,
Жизнь такъ хороша,
Но въ народѣ къ англичанамъ
Не лежитъ душа,—

Тамъ еще не ищутъ службы
Сонмы тихихъ ламъ,
Безъ британской тѣсной дружбы
Проживаютъ тамъ,—

Тамъ на горныхъ склонахъ яки
Просто, безъ затѣй,
Принимаютъ, какъ собаки,
Лондонскихъ гостей.

Взоромъ тутъ Джонъ-Буль окинулъ
Груды темныхъ скалъ,
Шляпу на брови надвинулъ
И потомъ сказалъ:

«Ну, зачѣмъ вы такъ упрямо
«Брезгуете мной?!
«О, великій Далай-Лама,
«Ты вѣдь тоже—мой?..»

19 марта 1904 г.

*

ЯЗЫЧНИКИ.

Кульманъ, Брандтъ и Коршъ Өеодоръ,
Бодуэнъ де Куртенэ,—
Какъ японцы, отличились
Съ русской грамотой въ войнѣ.

Словно Того въ Портъ-Артурѣ.
Безъ огней въ потемкахъ прутъ:
И войны не объявляли,
А въ полонъ уже берутъ.

Какъ японцы, забываютъ,
Свой ли флагъ, или чужой,—
И ведутъ подъ русскимъ флагомъ
Съ русской грамотою бой.

Какъ японцы, русской дани
Спозаранку счетъ ведутъ:
Много буквъ они въ добычу
Съ русской азбуки берутъ.

Брандтъ Романъ Өиту намѣтилъ.
Формъ античныхъ полнота
Сердце пылкое плѣняетъ—
И вздыхаетъ онъ: «Өита!

«О, Өита, краса востока!
«Ты все сердце мнѣ сожгла!
«Ты давно изъ Византіи
«Къ русскимъ варварамъ ушла.

«Я тебя отъ нихъ добуду...
«Только съ силой соберусь,
«Утащу изъ алфавита
«И съ тобой домой умчусь...

«Округленность и дородство,
«Мягкихъ членовъ полный вѣсъ
«Въ дни Эллады, въ дни Олимпа
«Даровалъ тебѣ Зевесъ.

«А потомъ на русскомъ хлѣбѣ,
«Какъ купчиха, раздобрѣвъ,
«Стала ты безмѣрно краше
«Нашихъ дамъ и нашихъ дѣвъ.

«О, Өита! Въ мои объятья,
«Понатужившись, приди
«И, wie meine Hausfrau,
«Въ мой уютный домъ войди».

Кульманъ бредитъ буквой Ятью...
«Ять, возлюбленная Ять!
«Развѣ русскимъ твои чары,
«Твою прелесть разгадать?!

«Дочь великихъ старыхъ Юсовъ,
«Въ гордой славѣ вѣковой,
«Недоступная, нѣмая,
«Ты стояла надъ толпой!

«Сколько юношей отважныхъ
«Шло съ надеждой въ теремъ твой!
«Сколько ихъ ушло безъ Яти,
«Только съ Естью за душой!

«О, фрейлейнъ! Изъ алфавита
«Больше всѣхъ я васъ люблю!
«Будьте фрау Ятью Кульманъ,—
«Заклинаю и молю...

«И тогда облагороженъ
«Будетъ мой мѣщанскій домъ.
«Ять! Красавица! Съ тобою
«Мы, какъ графы, заживемъ».

И, томится, и вздыхаетъ
Бодуэнъ де Куртенэ:
Онъ плѣненъ, онъ очарованъ
Оборотнымъ плотнымъ Э.

«Оборотное! Мнѣ сладокъ
«Вашъ изогнутый языкъ:
«Остроумный, тонкій, колкій,
«Онъ до сердца мнѣ проникъ...

«Какъ змѣи красивой жало,
«Изогнувшись, онъ дрожитъ,—
«Что-то милое, родное
«Онъ французу говоритъ.

«Дѣвы Лесбіи далекой,
«Стаи ласковыхъ наядъ
«Въ этой буквѣ уронили
«Пылкой страсти ароматъ.

«Чѣмъ дышала страсть востока,
«Чѣмъ игривый западъ жилъ,
«Съ экзотическою буквой
«Русскій говоръ сохранилъ.

«Оборотное! По сердцу
«Вы давно пришлися мнѣ...
«Пожалѣйте, согласитесь
«Быть madame де Куртенэ»...

Коршъ Өеодоръ Мягкимъ Знакомъ
Почему-то уязвленъ...
Ходитъ сумрачный, влюбленный,
И вздыхаетъ часто онъ.

«Мягкій Знакъ! Очей влюбленныхъ
«Отъ тебя мнѣ не отвесть:
«Мнится мнѣ, въ твоихъ изгибахъ
«Что-то женственное есть.

«Мягкій Знакъ, мой сочный Ерикъ.
«Вся душа тобой полна...
«Полудѣвственный, скажи мнѣ,
«Кто ты,—мужъ или жена?

«Предъ тобой латинской йоты
«Глохнетъ влажный мягкій звукъ.
«Мягкій Знакъ! О, сколько далъ мнѣ
«Ты сомнѣнія и мукъ!

«Кто-бъ ты ни былъ, сердце шепчетъ:
«Счастье Корша только съ нимъ...
«Ахъ, изъ азбуки, мой Ерикъ,
«Поскорѣе убѣжимъ...

«Какъ сабинянку, похитишь
«Ты во время игръ меня...
«Будешь мой ты, гибкій Ерикъ,
«Будешь мой, а я — твоя»...

Но на островѣ при взморьѣ
Буквы въ теремѣ сидятъ,
На призывы страсти жгучей
Отозваться не хотятъ...

Чѣмъ ихъ дѣвственное сердце
Въ тихомъ теремѣ полно,
Разгадать нерусскимъ сердцемъ
Иноземцамъ не дано.

Коршъ вздыхаетъ, Брандтъ вздыхаетъ,
Кульманъ полонъ томныхъ мукъ,
Куртенэ стучится въ двери
Академіи Наукъ.

«Отворите! Дайте букву,—
«Только букву дайте мнѣ!
«Я лингвистъ, язычникъ ярый,
«Бодуэнъ де Куртенэ».

И открылся храмъ науки...
Чистъ и ясенъ строгій видъ!
Въ тишинѣ сидѣли буквы,
Весь россійскій алфавитъ.

Гордость мысли, слава россовъ
И начало всѣхъ началъ...
Самъ великій Ломоносовъ
У подножья ихъ стоялъ.

Съ визгомъ, хохотомъ и свистомъ,
Отъ натуги распалясь,
Подкомиссія въ присядку
Въ храмъ науки ворвалась.

А за ней толпа валила
Всѣхъ нарѣчій и племенъ...
Впрочемъ, вамъ назвать могу я
Только нѣсколько именъ.

Шли маркизы: Ито, Того,
Бодуэнъ де Куртенэ,
Суематсу, Ямамото,
Коршъ Ѳедоръ, какъ во снѣ,

Кульманъ, Брандтъ, и гимназисты,
И Корейши глупый внукъ,—
Чтобъ стянуть себѣ по буквѣ
Въ Академіи Наукъ.

24 апрѣля 1904.

ЯПОНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, японецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю...
Стерегу я въ годъ опасный
Колыбель твою.

Нанесли мнѣ горя много
Тучи этихъ дней:
Все томитъ меня тревога
О судьбѣ твоей.

Твой отецъ теперь далеко,
Въ сѣверномъ краю,—
Надъ тобой я одиноко
«Баюшки» пою.

* * *

Тяжелы его доспѣхи,
Онъ могучъ душой,
Но въ войнѣ—не все успѣхи
И опасенъ бой.

Если силой иль обманомъ
Верхъ возьмутъ враги,
Кто заплатитъ англичанамъ
Крупные долги?

Англичанинъ золъ и жаденъ,
Знаетъ роль свою...
Къ должникамъ онъ безпощаденъ...
Баюшки-баю.

* * *

Ты японцемъ съ виду будешь.
Весь на нашу стать.
Гдѣ же денегъ ты добудешь,
Чтобы долгъ отдать?

Изведутъ тебя поборы...
И настанутъ дни,
Ты продашь отца уборы,
Вѣера мои...

Только этимъ не поможешь—
И страну свою
Англичанамъ ты заложишь...
Баюшки-баю...

* * *

Сынъ отважный самурая,
Статенъ и хорошъ,
На англійскаго сипая
Будешь ты похожъ.

Будешь ты платить налоги,
Деньги добывать,—
Рыжій бриттъ, задравши ноги,
Будетъ ихъ считать.

Въ эти дни ты не узнаешь
Родину свою...
Спи, пока долговъ не знаешь...
Баюшки-баю...

13 мая 1904.

НЕ АЗРА.

Каждый вечеръ въ чайномъ домѣ
Гейша въ Токіо далекомъ
На японцевъ у рѣшетки
Смотритъ длиннымъ, узкимъ окомъ.

Каждый вечеръ у рѣшетки,
Бурной страсти не скрывая,
Въ темнотѣ сверкаютъ очи
Молодого самурая.

Разъ она его спросила:
«Отчего ты къ намъ не входишь,
«Если цѣлыми часами
«Отъ рѣшетки не отходишь?»

Отвѣчалъ онъ ей: «о, гейша!
«Если къ вамъ на чашку чая
«Самурай нейдетъ, то значитъ:
«Денегъ нѣтъ у самурая»...

19 мая 1904.

КОДАМА И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Въ Токіо состоялось торжество въ память разстрѣляннаго русскими въ Манчжуріи шпіона Оки. Присутствовали военный министръ, морской вице-министръ, губернаторъ Токіо и ректоръ токійскаго университета.
(*Изъ корреспонденціи отъ 22 іюня въ „Frankfurter Zeitung“*).

У Кодамы три сына,—каждый ловкій мужчина,
Какъ японцу и быть подобаетъ.
Къ нимъ Кодама приходитъ, съ ними рѣчи заводитъ,
Сыновей на войну отпускаетъ.

«Все случилось, какъ надо: разсердился микадо
И Россію примѣрно накажетъ.
Дѣло вѣрное, дѣти! Это въ каждой газетѣ
Вамъ по пальцамъ газетчикъ покажетъ.

Ну, и вы не плошайте, на войну поспѣшайте
Поживиться отъ русскихъ добычей.
Но въ походѣ смотрите, въ чистотѣ соблюдите
Нашъ старинный японскій обычай.

Разъ война подоспѣла, вамъ совсѣмъ ужъ не дѣло
Обивать въ чайномъ домѣ пороги.
Но скажу вамъ безъ лести: хороши вы не вмѣстѣ,—
Трое васъ—вотъ и три вамъ дороги.

Пусть одинъ отъ Куроки ратной жизни уроки
Въ сухопутныхъ походахъ получитъ.
Какъ по дальнему краю проходить самураю,
Генералъ его скоро научитъ.

У убитыхъ отъ скуки рѣзать ноги и руки,
И разстрѣливать плѣнныхъ для смѣха,
Добивать безоружныхъ, для показа ненужныхъ,
На войнѣ—удалая потѣха.

Но потѣха другая ждетъ еще самурая,
Если онъ за Куроки походитъ:
Для любви на свободѣ много женщинъ въ походѣ
Генералъ для солдата находитъ.

Вѣдь и то, въ самомъ дѣлѣ: гейши вамъ надоѣли,
Да и стали какъ будто дороже,
А любовь даровая для сыновъ самурая—
Не пустякъ, если кто помоложе.

А другому дорога—къ Портъ-Артуру за Того,
Или въ дальній походъ съ Камимурой,
Хоть въ дурную погоду не охочъ онъ къ походу,
И, по слухамъ, не вышелъ фигурой.

Къ Того лучше,—нѣтъ спора: тамъ пріучится скоро,
Кто учиться захочетъ, къ прогрессу,—
До отвалу наврется, скоро славы добьется,
Обморочивъ англійскую прессу.

Того нашъ для рекламы сочинять телеграммы
Боевую способность имѣетъ.
Всякій скажетъ: «однако, онъ великій вояка:
О побѣдахъ писать онъ умѣетъ».

Да, кому прилучится отъ него поучиться,
Тотъ японскимъ писателемъ станетъ.
О такомъ раритетѣ скажутъ въ каждой газетѣ:
«Лжетъ, какъ Того,—любого обманетъ».

Третій, если желаетъ, пусть идетъ, пострѣляетъ,—
Въ артиллеріи, то есть, послужитъ,
По квадратамъ съ навѣсу бьетъ японецъ изъ лѣсу,—
То есть, бьетъ на авось и—не тужитъ.

Сколько шума и треску, сколько дыма и блеску!
Упоителенъ громъ канонады!
Пусть снаряды безъ цѣли на квадраты летѣли,
Но герои достойны награды!

И еще есть дорога... Даже подвиги Того
И дѣла Суематсу барона
Много блеска теряютъ, нашихъ думъ не плѣняютъ
Передъ славой японца-шпіона.

Въ этомъ наши побѣды, этимъ славились дѣды,
Не померкнетъ ихъ слава, навѣрно:
Хорошо быть въ пѣхотѣ, еще лучше во флотѣ,
Но шпіономъ быть лучше безмѣрно.

Былъ я, дѣти, моложе,—былъ шпіономъ я тоже,
Былъ извѣстнымъ, проворнымъ шпіономъ:
Это помнятъ и знаютъ—и сосѣди встрѣчаютъ
Меня низкимъ, глубокимъ поклономъ.

Но теперь, при культурѣ,—я на собственной шкурѣ
Испыталъ, что шпіонить неловко,
Что за эти затѣи часто тянется къ шеѣ
Съ очень крѣпкой петлею веревка.

Нынче время такое: не оцѣнятъ героя,
Не оцѣнятъ великой идеи.
Дѣти, вамъ мое слово на прощанье готово:
Берегите японскія шеи».

* * *

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ Кодама ихъ съ славнаго боя.
Дни за днями проводитъ, ни одинъ не приходитъ,
Старецъ думаетъ: «Что же такое?»

Разъ въ тоскѣ и истомѣ онъ сидѣлъ въ чайномъ домѣ.
Желтой гейшей немного утѣшенъ,—
Только слышитъ: «Кодама, вотъ тебѣ телеграмма:
Старшій сынъ твой сегодня повѣшенъ».

«Какъ? Повѣшенъ? О, слава! И не думалъ я, право,
Что онъ дѣдовской крови достоинъ!
Не въ рекогносцировкѣ, но на славной веревкѣ
Упокоился доблестный воинъ».

Вновь въ тоскѣ и истомѣ онъ сидитъ въ чайномъ домѣ
Новой гейшей въ печали утѣшенъ,—
Только слышитъ: «Кодама, вотъ еще телеграмма:
Средній сынъ твой сегодня повѣшенъ».

«Средній! Слава мнѣ, слава! Вотъ и онъ нелукаво
Совершилъ свое дѣло большое!
Не съ Куроки въ Кореѣ, а съ петлею на шеѣ
Жизнь закончилъ онъ смертью героя!»

Вновь въ тоскѣ и истомѣ онъ сидитъ въ чайномъ домѣ,
Только въ гейшахъ для старца отрада...
Снова слышитъ: «Кодама, вотъ еще телеграмма...»
Но Кодама отвѣтилъ: «Не надо!

Знаю младшаго сына: онъ достойный мужчина!
Трехъ героевъ, японцы, почтите!
Всѣ отъ края до краю къ старику-самураю
Раздѣлить торжество приходите!»

И пришли очень быстро два японскихъ министра,
Губернаторъ, блюститель законовъ,
Представитель науки, мудрый ректоръ Куруки,
Чтобъ почтить трехъ японскихъ шпіоновъ.

Іюнь 1904.

ЛЮЦІЙ АПУЛЕЙ. Золотой оселъ. Переводъ съ латинскаго. Второе изданіе. 1899. 1 р. 50 к.

А. ФОНЪ-ШАККЪ. Исторія норманновъ въ Сициліи. 1896. 2 р. 50 к.

ЛИХТЕНБЕРГЪ. Афоризмы. 1899. 1 р. 50 к.

Складъ у Н. П. Карбасникова, Литейный пр., д. 46.

Лирика Я. П. Полонскаго. 1899. 60 к.

О СЛАВѢ. 1900. 50 к.

РОССІЯ И ЗАПАДЪ. Глава изъ книги Іосифа Голечка «Поѣздка въ Россію». 1900. 75 к.

Н. СОФИСТЪ. Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. 1902. 50 к.

Складъ у П. П. Сойкина, Невскій пр., 96.

Иллюзіи поэтическаго творчества. Эпосъ и лирика гр. А. К. Толстого. Критическое изслѣдованіе. 1890. 2 р.

А. МАНЦОНИ. Графъ Карманьола. Трагедія. Переводъ (въ стихахъ) съ итальянскаго. 1888. 1 р.

Русско-Японская война. Пародіи и рифмы. 1904. 40 к.